

Министерство образования и науки РФ
Федеральное агентство по образованию

Государственное образовательное учреждение
Высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

УрГПУ – в 2005 г. – 75 лет

**РИТОРИКА
И
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ**

Екатеринбург – 2005

УДК 8.085.4 (063)

ББК Ш7

Р 55

Редакционная коллегия:

Ректор УрГПУ, профессор Б.М. Игошев (отв. ред.)

Доктор филологических наук, профессор А.П. ЧУДИНОВ

Доктор филологических наук, профессор Т.А. ГРИДИНА

Доктор филологических наук, профессор Н.Б. РУЖЕНЦЕВА

Кандидат филологических наук, доцент Н.И. КОНОВАЛОВА

Ассистент ШИНКАРЕНКОВА М.Б.

Р 55 РИТОРИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: материалы межвузовской научной конференции, посвященной юбилею Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, 25-26 ноября 2005 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – 125 с.

Представлены материалы межвузовской научной конференции «Риторика и лингвокультурология», посвященной юбилею Уральского государственного педагогического университета (25-26 ноября 2005 г.). Предназначены для ученых-языковедов всех специальностей, может представлять интерес для преподавателей, аспирантов и всех тех, кто интересуется проблемами современной лингвистики.

УДК 8.085.4 (063)

ББК Ш7

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

РИТОРИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Подписано в печать 07.11.05. Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – 7.8 п.л. Тираж 100 экз. Заказ 1570

Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@diapup.uk.ru

© Риторика и лингвокультурология, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

1. Авдеева Г.А., Нижний Тагил Обращение к прецедентному феномену (тексту) как прием языковой игры.....	7
2. Антонов А.С., Екатеринбург Клише славянского сознания в творчестве Д. Ревякина.....	9
3. Антонова Ю.А., Екатеринбург Использование жанров влияния при трансляции теракта СМИ.....	11
4. Балашов С.Н., Екатеринбург Феномен иронии в процессе межкультурной коммуникации.....	13
5. Боярских О.С., Нижний Тагил Художественная литература как сфера-источник прецедентных единиц, функционирующих в современной российской прессе.....	15
6. Брискина М.Ю., Нижний Тагил Цели и содержание обучения иностранным языкам в условиях межкультурной коммуникации.....	16
7. Будаев Э.В., Нижний Тагил Методика сопоставительного исследования метафорических моделей в политическом дискурсе.....	18
8. Воробьева Н.А., Екатеринбург Демонологема <i>дьявол</i> в устойчивых сравнениях.....	21
9. Ворожцова О.А., Нижний Тагил Прецедентные феномены в дискурсе дебатов в кампании по выборам президента США 2004 года.....	23
10. Голованик В.И., Нижний Тагил Обучение речевым жанрам как средство формирования и развития коммуникативных умений учащихся в 5-6 классах.....	26
11. Григорьева Н.И., Екатеринбург Ономастика в дискурсе русской рок-поэзии.....	28
12. Груздева Н.А., Екатеринбург Автобиография, биография и характеристика как риторический опыт создания точки зрения: дидактический аспект.....	30
13. Дзюба Е.В., Екатеринбург Определение содержания специального курса «Риторика профессионального общения» для студентов юридического факультета УрГПУ	33
14. Еремина С.А. Екатеринбург Языковая личность уральского политика. Прагматический аспект.....	36

15. Завьялова Н.А., Екатеринбург	
Колоративы как отражение языковой картины мира японцев....	40
16. Капленко В.Н., Екатеринбург	
Политический подтекст в стихотворении Ю. Лобанцева «Николай Кузнецов»	42
17. Кириллова Т.С., Нижний Тагил	
Видеолекция по риторике как эффективная форма организации самостоятельной работы учащихся и студентов.....	44
18. Короленко А.Ю., Канск	
Орфографическая трудность слова как методическое понятие.....	46
19. Коурова О.И., Щадринск	
Концепт «Творчество» в романтической лирике пушкинской эпохи.....	49
20. Кузнецова Т.М., Екатеринбург	
Современный русский язык для студентов-переводчиков: лингвокультурологический аспект.....	52
21. Кустова А.Е., Нижний Тагил	
Лингвистические лакуны во французском и русском языках....	54
22. Лаврова Т.Б., Нижний Тагил	
Межкультурная коммуникация как педагогическая проблема..	56
23. Ларионова А.Ю., Екатеринбург	
О социокультурной специфике инноваций в неформальном студенческом дискурсе.....	57
24. Лубожева Л.Н., Челябинск	
Профессиональный образ мира.....	64
25. Лучаникова С.Н., Масная О.Н., Екатеринбург	
Лингвокультурологический подход в изучении поэтического текста – одно из важнейших условий формирования ключевых компетенций.....	67
26. Моисеев А.А., Екатеринбург	
«Пушкинский текст» в творчестве Псоя Короленко (на примере стихотворения «Пушкин»)	69
27. Новикова О.А., Красноярск	
Средства выразительности как смысловые ориентиры в пословицах о шутке, смехе (на материале сборника В.И. Даля "Пословицы русского народа").....	71
28. Олешков М.Ю., Нижний Тагил	
Синергетические основы процесса дидактической коммуникации.....	75

29. Ольховикова Ю.А., Нижний Тагил	
Репрезентация концепта «WIND» («Ветер») в политическом дискурсе ФРГ (на материале центральных печатных изданий).....	76
30. Петухов С.В., Екатеринбург	
Семантический перенос ментальные и психологические основания.....	78
31. Плаксина Е.Б., Екатеринбург	
Имплицитное выражение антитезы в газетных заголовках.....	80
32. Прокопьева А.А., Екатеринбург	
Зооморфная метафора в английском языке и особенности ее перевода языка на материале романов В.В. Набокова.....	83
33. Родин О.Ф., Нижний Тагил	
Культуроведческое образование средствами иностранного языка.....	85
34. Самофеева Е.А., Екатеринбург	
Образ смерти в поэзии Я. Дягилевой.....	87
35. Сенникова Е.Н., Екатеринбург	
Сакральный компонент в народной афористике.....	88
36. Сергиенко Н.А., Сургут	
Парадигматические отношения в ЛСГ «чистый-грязный».....	90
37. Сергиенко Н.А., Сургут	
Метафорические значения прилагательных ЛСГ «чистый-грязный»	91
38. Синицына М.В., Нижний Тагил	
Культурологический аспект преподавания иностранного языка как средство и условие адаптации будущих специалистов экономического профиля.....	96
39. Сорокина А.Б., Нижний Тагил	
Метафоры со сферой-источником «Музыка» в политическом дискурсе России.....	98
40. Стрельников А.М., Нижний Тагил	
Типы оценки в малочастотных метафорических моделях дискурса кампании по выборам президента России.....	100
41. Сурина А.В., Нижний Тагил	
Образ автора в политических мемуарах постсоветской эпохи.....	102
42. Тагильцева Ю.Р., Екатеринбург	
Субъективная модальность как средство перевода факта в суждение.....	103
43. Титова Е.Ю., Нижний Тагил	
О лингвокультурологии как о научном явлении.....	105

44. Толмачева М.В., Екатеринбург	
Жанр гороскопа как лингвокультурологический феномен.....	106
45. Уланова Ю.А., Самара	
Применение мыслительных операций в учебной деятельности как основа формирования языковой компетенции студента-филолога.....	108
46. Филонова Н.К., Нижний Тагил	
Место и критерии отбора культурологических неологизмов в практике преподавания иностранного языка.....	110
47. Харлова Н.М., Шадринск	
Национально-культурная семантика русской фразеологии.....	112
48. Чудакова Н.М., Нижний Тагил	
К употреблению концепта «свобода» в дискурсе СМИ.....	114
49. Шинкаренко М.Б., Екатеринбург	
Концептуальная метафора в креолизованных текстах в дискурсе русской рок-поэзии.....	115
50. Шкабара И.Е., Нижний Тагил	
Роль межкультурного подхода в становлении современной языковой образовательной парадигмы.....	118
51. Шустрова Е.В., Екатеринбург	
Контрасты метафорического моделирования в афро-американской литературе 1940 – 1960 гг.....	121
52. Юденко Ю.Р., Красноярск	
Частотность орфографических и пунктуационных ошибок в зависимости от вида орфограмм и пунктограмм в письменных работах студентов 1-го курса.....	122
53. Кропотухина П.В., Екатеринбург	
«Царство растений» как сфера-источник метафорической экспансии.....	125

Авдеева Г.А.
Нижний Тагил

Обращение к прецедентному феномену (тексту) как прием языковой игры

Одним из наиболее актуальных направлений современных лингвистических исследований является изучение прецедентных феноменов (ПФ). Подробно ПФ и их разновидности описаны в работах В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко и др. Понятийную базу данного термина обосновал еще Ю.Н. Караулов в книге «Русский язык и языковая личность». ПФ – это тексты (а также высказывания, ситуации, имена), обращение к которым постоянно возобновляется в речи того или иного национально-лингво-культурного сообщества (В.В. Красных).

ПФ часто становятся объектом языковой игры. При этом писатели, публицисты трансформируют, искажают хрестоматийные цитаты, обыгрывают прецедентные ситуации, имена. Использование подобного приема позволяет привлечь внимание читателя, а иногда и просто развлечь его. Цель данного доклада – проанализировать, каким образом обращение к прецедентному тексту (ПТ) становится источником языковой игры в текстах пародий или комических стилизаций. В качестве ПТ мы выбрали книги Дж. К. Ролинг о Гарри Поттере. Эти произведения почти сразу же сделались объектом литературных подражаний, пародий, переработок, комических стилизаций. Материалом исследования послужили книги Д. Емца о Тане Гроттер, а также произведения А. Жвалевского и И. Мытько «Порри Гаттер и Каменный Философ», «Личное дело Мергионы».

В первую очередь следует отметить, что в анализируемых произведениях активно используется прием трансформации, деформации *прецедентных имен*, связанных с ПТ (имена героев «Гарри Поттера»). В частности, в данных текстах широко представлены примеры реализации игровой модели *фонетико-смысловой обратимости слов*. Имена героев «Порри Гаттера» не что иное, как анаграммы имен персонажей «Гарри Поттера»: *Порри Гаттер* из *Гарри Поттера*, *Мергиона* из *Гермионы*, *Мордевольт* из *Волана-де-Морта*. *Дементоры* превращаются в *ментодеров*.

Авторы «Порри Гаттера» предлагают свои варианты назва-

ний факультетов Первертса – магического учебного заведения, а также фамилий преподавателей, работающих в данном заведении. При этом создатели «Порри Гаттера» всегда «имеют в виду» первоисточник (ПТ). *Орлодерр* (в переводе «Гарри Поттера» – *Гриффиндор*), в других переводах, как отмечают авторы в примечаниях, – *Птицелапк. Слезайблинн (Слизерин)*, в других переводах *Кудапрешь*. Фамилии преподавателей Первертса также даны в разных вариантах перевода. Особенно повезло декану Слезайблинна – профессору *Югорусу Лужжу* (в переводе «Гарри Поттера» – *Северус Снегг*). Его фамилия дана даже в трех вариантах: *Югорус Лужж, Востокус Сырр, Западус Суши*.

Как видно из приведенных примеров, авторы «Порри Гаттера» используют и чисто словообразовательные ассоциации, и фонетические (омофонические) – *Слезайблинн (Слизерин)*. При этом ощущается явная пародийность «Порри Гаттера» – постоянная переключка с первоисточником. Правда, данное произведение скорее следует считать комической стилизацией, поскольку оно не носит критико-сатирического характера, рассчитано на сугубо комический эффект. Подобный тип стилизации, по мнению В.П. Москвина, «можно уподобить зеркалу в комнате смеха». Соответствие жанру проявляется в некоей «зеркальности» «Порри Гаттера» по отношению к «Гарри Поттеру». «Порри Гаттер» – это искаженное отражение «Гарри Поттера». Само название книги (подзаголовок) – отражение названия первоисточника: «*Гарри Поттер или философский камень*» – «*Порри Гаттер или Каменный Философ*». Налицо каламбурный хиазм. Имена героев, как мы уже отмечали ранее, построены на перестановке звуков. Многие отрицательные персонажи «Гарри Поттера» превращаются в суперположительных в «Порри Гаттере»: *Драко Малфой* – злейший враг Гарри Поттера – превращается в *Кряко Малхоя* – назойливого поклонника Порри Гаттера. Подобной метаморфозе подвергается и образ *Северуса Снегга* (еще один персонаж, вызывающий неприязнь Гарри Поттера): его зеркальный двойник в «Порри Гаттере» – *Югорус Лужж* – сугубо положительный персонаж, испытывающий самые нежные чувства к главному герою. *Хагрид*, обучающий воспитанников Хогвартса уходу за магическими существами, обожающий всякое магическое зверье (в том числе и весьма опасное), трансформируется в *Харлея*, боящегося не только магических, но и вполне обычных животных.

Следует обратить внимание и на то, что авторы проанализи-

рованных нами произведений в качестве материала для языковой игры используют не только один ПТ (книги о Гарри Поттере), но и обращаются к другим ПФ – текстам, именам, ситуациям, высказываниям. При этом авторы «Порри Гаттера» даже приводят своего рода «список используемой литературы» – перечень книг, вдохновивших их на создание своего произведения. (В докладе предполагается обращение и к примерам подобного рода).

Итак, проанализировав тексты произведений о Порри Гаттере и Тане Гроттер, мы можем сделать вывод о том, что источником языковой игры в подобных произведениях является не только собственно ПТ – пародируемый, переделываемый, но и многообразные ПФ, не связанные с данным текстом, но «хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества» (В.В. Красных).

© Авдеева Г.А., 2005

**Антонов А.С.
Екатеринбург**

Клише славянского сознания в творчестве Д. Ревякина

Современная наука стоит перед вопросом, как оценивать процессы, происходящие в тексте, где встречаются цитаты, аллюзии и реминисценции? Как найти эти сигналы порою скрытые от невнимательного взгляда? Подобные вопросы очень сложны, так как можно рассматривать все тексты как своего рода цитирования, ведь все слова, из которых строится текст, уже были кем-то сказаны, и следовательно могут быть рассмотрены как цитаты. Но не являются примером заимствования и собственно «чужого слова», которое понимается под интертекстом. Интертекст – это существующая реальность, образованная цитатами, обнаруживающаяся в тексте-«реципиенте», принятая частично или полностью от текста-«донора». Проблемой интертекстуальности занимаются сравнительно недавно, но за это время совершено немало открытий и найдено довольно много оригинальных решений.

В настоящей работе представлен фрагмент анализа интертекстуального феномена в текстах рок-группы «Калинов мост». В качестве примера рассмотрены тексты песен «Юные», «Пропадать молвой», «Поминать бессмертных», которые представляют собой яркий пример клишированного славянского сознания:

...юные стоим, пьем присяги ...пьем присяги звон, славься...

звон...

...звон присяги раздаётся...

(Калинов мост)

(Солдатские песни)

Очевидно, что Д. Ревякин, автор текстов рок-группы «Калинов мост», знаком с этим пластом творческого наследия русского народа, не корректно было бы утверждать, что автор знаком именно с этими текстами, но с уверенностью можно утверждать – на уровне подсознания связь с пратекстом очевидна.

Нередко в творчестве Д. Ревякина встречаются примеры активного использования устойчивых фольклорных оборотов, используемых в разных жанрах устного народного творчества, например:

*Шалым снегом-ветром заметало
Все знакомые пути-дороги.*

Особый интерес исследователей привлекает факт обращения Д. Ревякина к текстам «Книги Вед». Это сравнительно недавно найденная рукопись, время создания которой относится к дописьменному периоду славянской истории. Аллюзии к древней книге славян, отмеченные в анализируемых текстах, подчеркивают актуальность для творчества Д. Ревякина клише древнерусского сознания.

*И было так светло,
Что вязью Вед
Темнели губы...*

*Гонимый в изгой,
Плетью Вед
Плакать брекал...*

Также в творчестве Д. Ревякина были отмечены аллюзии к еще более древним текстам-источникам, к обрядовой песни славян.

*Не много и не мало по степям прошли,
Хватали ртом соленым лоскуты жары,
Безумными глазами разрезали облака-
Дождя!..*

*Дай глоток воды
Расцелебной,
Вымой волосы
Под дождем...*

Представленные примеры архитектуральных отсылок к жанру народной обрядовой песни, автор воспринимает и воспроизводит, как правило, на подсознательном уровне, он переосмысляет не только их форму, но и содержание.

Настоящее исследование было проведено с опорой на работы ученых-теоретиков интертекста: М. Бахтин, Ю. Кристева и др.; как основополагающие на данном этапе были приняты центральные положения В. Красных о клише и штампам сознания. Анализ интертекстуальных отношений в творчестве лидера группы «Калинов мост» Д. Ревякина – это большое и серьезное исследование, на настоящем этапе были выделены наиболее

яркие и актуальные примеры клише славянского сознания, в дальнейшем будут поставлены такие задачи, как расширить список интертекстуальных источников, определить степень частотности и продуктивности каждого а также объяснить мотивацию интертекстуальных отношения в творчестве Д. Ревякина.

© Антонов А.С., 2005

**Антонова Ю.А.
Екатеринбург**

Использование жанров влияния при трансляции теракта СМИ

Многие исследователи отмечают возросший интерес к проблеме жанровых характеристик текстов разных стилей.

Под жанром традиционно понимается форма организации речевого материала, выделяемого в рамках того или многофункционального стиля, вид высказываний, создающихся на основе устойчивых, повторяющихся, т.е. воспроизводимых моделей и структур в речевых ситуациях, где имеют место хоть сколько-либо устойчивые, закрепленные бытом и обстоятельствами формы жизненного общения (М.Бахтин).

Влияние жанра на процесс текстообразования и последующее восприятие высказывания велико. Речевые жанры используются СМИ как средство воздействия, направленное на борьбу за адресата. Выбор жанра влияния определяется представлениями адресанта о степени воздействия на массовое социально-групповое сознание жанровых схем и образцов. Т.В. Шмелева отмечает, что человеку присуща интуитивная жанровая рефлексия: в сознании говорящих присутствует некий образ жанра, жанровый канон, схема, «типовой проект» [Шмелева 1997: 89, 91]. Уже по первым строкам адресат может определить, какой перед ним текст, т.е. жанровый образец воспроизводит стереотип речевого поведения.

За основу жанрового анализа текстов, описывающих теракт на Дубровке 23 октября 2002 г., мы взяли классификацию Н.А. Купиной: «В зависимости от функций (аналитического прогнозирования или давления) их (жанры) можно разделять на информационные (объективные) и манипулятивные» [Купина 2000].

Трудность с отнесением текста к тому или иному жанру состоит в том, что «жанрам свойственно взаимопроникновение, и на практике границы между ними часто размыты» [Кадыкова].

Самым частотным является диалогический жанр – интервью: – «Неоконченная трагедия в слухах и фактах» – руководи-

тель столичной службы здоровья А. Сельцовский [РГ №208, 1 ноября 2002г.];

– «СОБР шел с черного хода» – зам. ком. отряда милиции особого назначения Е.В. Кукарин [там же];

– Командиры «Альфы»: «Чистый бой длился 28 минут» [КП от 1 ноября 2002г.] и т.д.

По мнению Н.Л. Лейдермана, важной составляющей модели литературного жанра является «субъектная организация текста» – в данном случае: анализ событий с разных точек зрения – собеседником журналиста может быть бывший заложник, «альфовец», врач и т.д. Изначально жанр интервью относится к информационным, а по классификации Н.А. Купиной – к «объективным», но проведенный нами анализ показал, что лишь одну вторую часть интервью можно считать таковой – логический анализ ситуации нужен читателю пока судьба заложников не определена. Как только их освобождают, подобных интервью становится значительно меньше. Интерес адресата смещается в сторону потерпевшей стороны, трансформируя жанр интервью в манипулятивный: интервьюер и читатель сопереживают участнику событий, мелкие детали помогают создать наиболее яркий образ захватчика, пробуждают ненависть и презрение.

Вторым по востребованности (при описании теракта) является жанр очерка. Его задача – дать образное представление о людях, раскрыть существо явления. Первоначально очерк относится к художественно-публицистическим жанрам, где главным является авторское впечатление от факта, события, авторская мысль – примерами являются очерки

«Рожденные дважды» [РГ №208, 1 ноября 2002г.];

«Я обязательно его найду» [КП №202, 2002г.];

«Номерок на память» [АиФ, 1 ноября 2002г.].

Если субъект – непосредственный участник событий, то очерк, как правило, стилизуется под исповедь, тональность меняется в сторону лиричности и эмоциональности.

Рационально-аналитические и аналитико-статистические жанры (анкеты, опросы, рейтинги) также востребованы. Но если анкета и опрос в основном имеют аналитическую функцию, заставляя читателя задуматься над произошедшим, то публикация результатов статистики, как минимум, наводит на читателя страх.

Таким образом, манипулятивные жанры востребованы СМИ при описании теракта больше, чем информационные, – это по-

рождено как высоким спросом самого адресата на «эмоциональные» материалы, так и характером события, стоящего за текстом.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

2. Кадыкова И. Жанры журналистики // www.mediasprut.ru/jour/theorie/genre/genjour.html

3. Купина Н.А. Агитационный дискурс: в поисках жанров влияния // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000

4. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н., Барковская Н.В., Ложкова Т.А. Практикум по жанровому анализу литературного произведения. Екатеринбург, 2001.

5. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе/ Монография. Екатеринбург, 2004. © Антонова Ю.А., 2005

**Балашов С.Н.
Екатеринбург**

Феномен иронии в процессе межкультурной коммуникации

Вербальная ирония, входящая в парадигму форм комического, имеет в своём основании как индивидуальную, так и социальную природу. Антропо-ориентированный характер иронического смысла обусловлен чётко прослеживаемой связью реализации иронической интенции с уровнем интеллекта и психического состояния индивидов, участвующих в коммуникации. Ряд работ по психической природе комического в целом и иронии в частности свидетельствуют о том, что от индивидуальных ментальных характеристик коммуникантов зависит успешность реализации и восприятия иронического смысла (см. напр., 3, 5, 6). Социо-культурная основа иронии объясняется тем фактом, что в структуру данного феномена входит понятие социальной нормы, нарушение которой является причиной возникновения иронической интенции. Реализация и адекватное восприятие иронии будет зависеть от наличия данной нормы, при этом она должна быть общепринятой в определённой культуре и известной всем участникам иронического дискурса. Норма в данном понимании представляет собой довольно широкое явление, включающее морально-этические, социальные, языковые и другие виды нормированного поведения (Более подробно о роли нормы в комическом см. напр., 1, 2, 4). Сопоставление парадигм социальных

норм и правил России и англоязычных стран показывает значительное сходство данного компонента в этих культурах. Процесс диалога и интеграции русско- и англоязычных культур продолжается уже значительно долгий срок и является актуальным по сей день. Обмен культурным опытом включает знакомство с литературой наций, находящихся во взаимодействии. Одним из основных способов обмена культурной информацией является создание переводов иноязычной художественной литературы. Вербальная ирония, являясь частью художественного текста, может быть довольно интересным источником информации о взаимодействующих странах. Сопоставительный анализ примеров реализации иронического смысла, взятых из англоязычных художественных произведений и их русских переводов показал, что типологическое различие английского и русского языков является причиной затруднения, а иногда, и полного исчезновения иронического смысла в тексте перевода. Хотя социальная норма, лежащая в основании иронического смысла в английском тексте находит адекватный аналог в русском переводе, различия в строе языков делают затруднительным повторение синтаксического оформления лексики, содержащей иронический смысл, что, в свою очередь, снижает или полностью уничтожает комический эффект. Из этого следует, что проблема перевода английской иронии на русский язык остаётся актуальной для реализации успешной и плодотворной межкультурной коммуникации.

Литература

1. Балашов С.Н. Юмор как социально обусловленный феномен / LINGUISTICA JUVENIS: Выпуск 5. Дискурс и текст. Екатеринбург, 2005. – 258с.
2. Знаменская Т.А. Диссоциация референтных связей как основа комического эффекта // Сопоставительная лингвистика: Бюллетень Института иностранных языков – Екатеринбург, 2004. – №3. – 140с.
3. Павленко Е.В. Тест юмористических фраз – СПб: Госстандарт России ГП «ИМАТОН», 1994. – 26с.
4. Норткот Паркинсон С. Мышеловка на меху // Иностранная литература, №7, 1975. – 48с.
5. Robin Andrew Haig. The anatomy of humor: Biopsychosocial and therapeutic perspectives – Springfield, 1988. – 202с.
6. Christopher P. Wilson. Jokes: Form, content and function. – London, 1979. – 252с.

**Боярских О.С.
Нижний Тагил**

**Художественная литература как сфера-источник
прецедентных единиц,**

функционирующих в современной российской прессе

Принадлежность художественного текста к области искусства определяет одну из важнейших его функций – воздействие на эмоциональную сферу читателя посредством художественного образа. С другой стороны, художественное произведение является носителем «вечных истин», репрезентируемых при помощи так называемых универсальных высказываний [Костомаров, Бурвикова 1994]. Данные характеристики художественных текстов, а также их особый статус для русской («литературоцентричной») культуры обуславливают активное использование литературных прецедентных феноменов в современной российской прессе, ибо в основе коммуникативных актов дискурса СМИ – стремление воздействовать на собеседника [Гудков 2003: 141].

Мы рассмотрели 305 прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература», встретившихся нам на страницах общероссийских периодических изданий в период конца 2004 – первой половины 2005 годов. Анализ показал, что для российских печатных СМИ характерно упоминание как отечественных художественных произведений и их авторов (63%), так и зарубежных, хотя и в несколько меньшем объеме (37%). Наиболее часто используемые прецедентные единицы с подсферой-источником «Отечественная литература» связаны с именами и творчеством А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, В.В. Маяковского, М. Горького, И. Ильфа и Е. Петрова, А. Твардовского. Например: *Ходорковского посадили? Так это внутренне дело вас, «жадную толпою стоящих у трона». Внутреннее дело ничтожной кучки тех, кому власть на каких-то темных «залоговых аукционах» раздала наше достояние.* (С. Телегин//Сов. Россия, 2005, №94). Встречаются также отсылки к героям и сюжетам народных сказок.

Анализ национальной принадлежности прецедентных феноменов с подсферой-источником «Зарубежная литература» позволяет говорить о преимущественном обращении российской

периодики к творчеству европейских писателей 17-20 веков (85,5%): немецким (Б. Брехт, братья Гримм, Э. Гофман, И.В. Гете, Р.Э. Распе), английским (У. Шекспир, Б. Шоу, Дж. Оруэлл, А. К. Дойл, Стивенсон, Д.Р.Р. Толкиен), французским (Ш. Перро, А. де Сент-Экзюпери, А. Камю), испанским (С. Сервантес), датским (Г.Х. Андерсен), ирландским (Дж. Джойс). Более ранний период развития европейской литературы представлен обращениями к текстам Гомера (3,5%). Американская художественная литература (6%) в текстах СМИ связана с именами и творчеством Э. Хемингуэйя, У. Фолкнера, В. Набокова. Аппелляция к восточному литературному наследию (6%) на страницах современной периодики осуществляется через цитирование текстов персидского поэта 2-ой половины 11 века Омара Хайяма, грузинского поэта 12 века Руставели и упоминание героя средневосточного фольклора Ходжи Насреддина.

Начатое нами исследование подтверждает мысль об особом статусе текстов художественной литературы для русского человека. Наличие в публикациях современной российской прессы частых отсылок к инокультурным художественным текстам и авторам позволяет говорить, как нам кажется, об открытости, незамкнутости русского общества и о его более тесной связи с традициями европейской культуры, нежели американской или восточной.

Литература

1. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. М.: МГУ, 2003. С. 141 – 161.

2. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом, 1994, №1. С. 73–76.

© Боярских О.С., 2005

**Брискина М.Ю.
Нижний Тагил**

Цели и содержание обучения иностранным языкам в условиях межкультурной коммуникации

Цель обучения иностранным языкам – развитие у учащегося способности к межкультурному взаимодействию и к использованию изучаемого языка как инструмента этого взаимодействия – самым естественным образом влияет на содержание обучения и на выбор технологии его усвоения учащимися.

Содержание обучения неродным языкам и прежде всего его предметный аспект (т.е. культурные феномены, о которых уча-

щиеся читают, пишут, о которых они узнают от учителя, из учебника и др.) не есть реклама чужого образа жизни, а основа для развития у учащихся способности «смотреть на мир глазами носителя изучаемого языка». С этой точки зрения ни один зарубежный учебник, даже тот, который представляет современную методическую концепцию, не может удовлетворить потребности российской школы, поскольку в русле межкультурной парадигмы неверно ограничивать учебный процесс лишь лингвокультурными параметрами страны изучаемого языка. Существенное место в учебном процессе должна занять родная лингвоэтнокультура учащегося.

Как известно, культура понимается сегодня как обобщенное цивилизационное пространство, т.е. как продукт человеческой мысли и деятельности. Это и опыт, и нормы, определяющие и регламентирующие человеческую жизнь, отношения людей к новому и иному, идеям, мировоззренческим системам и социальным формам. Следовательно, в содержании обучения иностранным языкам с ярко выраженной межкультурной доминантой, должен отражаться, наряду с фактологическим и лингвострановедческим аспектами, также и ценностный аспект. При этом, наряду с описанием социокультурного портрета страны и носителя изучаемого языка, должно быть предусмотрено обсуждение (особенно на старшем этапе) проблем, актуальных для современного мультилингвального и поликультурного мира. К этим проблемам можно отнести, в частности, проблемы расизма, дискриминации, в том числе и по национальному принципу, этноцентризма, национального экстремизма, защиты прав национальных меньшинств, а также экологические и демографические проблемы, конфликты (в том числе национальные, военные) и возможные пути их ненасильственного разрешения и др.

Развитие личности учащегося, находящегося в соизмерении по меньшей мере двух лингвокультур, осуществляется на основе собственного мировидения и миропонимания и предполагает восприятие и рефлексию собственных ценностей и общественных взаимосвязей. Именно поэтому сопоставление нового, приобретаемого учеником опыта с имеющимися у него знаниями и ощущениями всегда сопровождает процесс приобретения индивидуального опыта общения с чужой лингвокультурой. Важно, чтобы сопоставление лингвокультурных феноменов, приобретаемого и имеющегося опыта не сопровождалось оценками «плохо» – «хорошо». «Иное», «не такое, как у нас», «но любо-

пытное и уже понятное» – вот важные оценочные категории в учебном процессе (Н.Д. Гальскова)

Если учесть, что любой опыт приобретается человеком только в деятельности, то способность к межкультурной коммуникации может стать результатом лишь интенсивной познавательной деятельности учащегося, его активной интеллектуальной креативности, использования стратегий самостоятельных исследований и открытий. В современных условиях возрастает значимость содержательных аспектов обучения по отношению к языковым, что предполагает: а) учёт реальных интересов и потребностей учащихся конкретного возраста, б) развитие его эмоционально-оценочного отношения к усваиваемому содержанию обучения, а также самостоятельности и активности как в учебном, так и во внеучебном межкультурном взаимодействии; в) повышение мотивации учащегося к овладению чужой лингвокультурой за счет создания естественных мотивов общения с помощью нового языкового кода.

© Брискина М.Ю., 2005

Будаев Э.В.
Нижний Тагил

Методика сопоставительного исследования метафорических моделей в политическом дискурсе

Важное место среди исследований функционирования метафорических моделей в политической коммуникации занимает сопоставительный анализ метафор в национальных дискурсах. Такие исследования позволяют «отчетливее дифференцировать «свое» и «чужое», случайное и закономерное, «общечеловеческое» и свойственное только тому или другому национальному дискурсу» [Чудинов 2003: 32]. При выделении основных методик целесообразно различать *метод исследования* и *метод изложения*. По методу исследования выделяется четыре основных типа сопоставления метафорических моделей.

1. Методика исследования концептуальных метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии.

К этой группе относятся исследования, авторы которых анализируют, какие метафоры (метафорические модели) актуализируются для осмысления определенной понятийной сферы-мишени. Например, Е. Семино [Semino 2002] исследует метафорическую репрезентацию евро в итальянской и британской прессе и показывает, как метафоры в дискурсе этих двух стран

отображают противоположные оценочные смыслы (евро – *здоровый ребенок* и евро – *поезд, сошедший с рельс*). В качестве сферы-мишени может выступать политический нарратив. Например, в исследовании Дж. Лакоффа [Lakoff 2001] показано, что при осмыслении войны в Югославии американские СМИ апеллировали к *Сказке о справедливой войне* (Милошевич – Злодей, албанцы – Жертва, США – Герой) и модели *Государство – это индивид*, а С. Милошевич представил вытеснение албанцев из Косово посредством метафоры *Христианского Рыцаря*, идущего в *крестовый поход* ради возвращения сербам святой земли. Метафоры С. Милошевича – еще одна (сербская) разновидность сказки о справедливой войне. В рамках этой методики сопоставляются однотипные ситуации (например, президентские выборы в США и России [Каслова 2003] или однотипные феномены (например, сопоставление метафорического представления социального порядка в Китае, Японии и Европе [Ringmar 2005]).

2. Методика исследования концептуальных метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии.

При использовании этой методики исследователи пытаются сопоставить ингерентные характеристики и типичные прагматические смыслы политических метафор определенной сферы-источника в разных лингвокультурах. Сопоставительные исследования с применением такой методики проведены на примере сфер-источников «Дом» [Bachem, Battke 1991; Chilton, Ilyin 1993; Chilton, Lakoff 1995; Musolff 2000], «Дорога» [Musolff 2001], «Война» [Шудегова 2002], «Спорт» [Шехтман 2004а], «Болезнь» [Телешева 2004], «Театр» [Чернякова 2004, Шехтман 2004б], «Механизм» и «Строительство» [Каслова 2004] и др. Возможно сопоставительное исследование отдельных концептов сферы-источника. Примером такого подхода служит исследование А. Мусолффа метафоры «Сердце» в немецком и английском политическом дискурсе [Musolff 2004].

3. Методика исследования концептуальных метафор в дискурсе адресанта коммуникации.

Точкой отсчета для сопоставительного исследования может служить не концептуальная сфера, а адресант политической коммуникации. Такая методика позволяет выявить общие закономерности метафорического моделирования действительности и стандартные сценарии, актуализируемые адресантом полити-

ческой коммуникации для манипуляции общественным сознанием. Так, Дж. Чартерис-Блэк [Charteris-Black 2004], проанализировав риторику британских и американских политиков, показал, как метафоры регулярно используются в их выступлениях для актуализации нужных эмотивных ассоциаций и создания политических мифов о монстрах и мессиях, злодеях и героях. Чешский лингвист П. Друлак [Drulak 2004] проанализировал метафоры, актуализированные в дебатах о составе и структуре Европейского Союза, в выступлениях лидеров 27 европейских стран и Турции за период 2000-2003 гг. Выделив концептуальные метафоры «самого абстрактного уровня» (Контейнер, Равновесие контейнеров и др.), П. Друлак выявил, что лидеры стран ЕС предпочитают метафору КОНТЕЙНЕРА, а лидеры стран-кандидатов на вступление в ЕС – метафору РАВНОВЕСИЯ КОНТЕЙНЕРОВ. Другими словами, лидеры стран ЕС предпочитают наделять надгосударственное объединение чертами единого государства, а лидеры стран-кандидатов предпочитают видеть в ЕС сбалансированное объединение государств.

4. Методика сопоставительного исследования базовых когнитивных структур, структурирующих метафорические модели.

Данная методика направлена на моделирование когнитивных структур самого общего уровня категоризации политического мира (образ-схемы, оппозиции, стереотипы и др.) путем сопоставления метафорических моделей в различных лингвокультурах.

В рамках этой методики выполнено сопоставительное исследование Й. Цинкена [Zinken 2002]. Анализ российских и немецких метафор, актуализированных для концептуализации Европы позволил смоделировать дискурсивно-специфичные (diskursspezifische), но устойчивые и согласованные с определенной культурой *стереотипы* (Abbildungsstereotypen). В концептуализации Европы выделяется три таких стереотипа (Европа институциональная, Европа культурная, Европа географическая). Если представление о Европе как о культурном феномене у россиян и немцев совпадает, то в отношении двух других стереотипов выявляются значительные расхождения: для немецкого сознания «Европа – это Евросоюз и стройплощадка» (институциональный подход), а для российского сознания такое понимание феномена Европы представляется курьезной идеей. Российский стереотип – «Европа – это дом и чужая собственность»

(географический подход), чем можно объяснить отражающиеся в метафорах российского дискурса попытки определить, относится ли Россия к Европе или нет (географически Европа заканчивается на Урале). Несколько иной подход Й. Цинкен [Zinken 2002] использует для анализа метафорического представления европейской интеграции в немецком и польском газетном дискурсе 2000 г. Исследователь выделяет три общих схемы (близких **образ-схемам** М. Джонсона) для концептуализации интеграционного процесса. Схемы наполняются различными метафорами и в разной степени востребованы в немецком и польском дискурсах.

В диссертации Н.А. Красильниковой (2005) на основе анализа российских, британских и американских метафор, актуализированных для осмысления экологических проблем, автор показывает национальные лингвокультурологические различия в категоризации действительности по **оппозиции** СВОИ – ЧУЖИЕ.

В большинстве работ по сопоставлению метафорических моделей использована смешанная методика. Строго говоря, выделить можно только ведущую методику в том или ином исследовании. Например, если в качестве точки отсчета для исследования выбирается сфера-источник, то указывается и сфера-мишень и наоборот.

По методу изложения результатов сопоставительного анализа выделяются исследования **последовательного** и **параллельного** сопоставления [Чудинов 2003]. В первом случае исследователь излагает результаты анализа метафорической модели в одном языке, а затем описывает аналогичную модель на материале другого языка. При параллельном сопоставлении исследователь описывает каждый фрейм (слот) модели, используя для иллюстрации материал всех рассматриваемых языков. Выбор методики изложения зависит от степени различий в однотипных метафорических моделях национальных политических дискурсов.

© Будаев Э.В., 2005

Воробьева Н.А.
Екатеринбург

Демонологема дьявол в устойчивых сравнениях

Одним из наиболее ярких образов, положенных в основу устойчивых сравнений, является демонологема *дьявол* 'в некоторых религиях: злой дух, черт, сатана' [СРЯ: т.1, 459]. Рассмотрим ряд языковых единиц, в состав которых включен указанный сакральный компонент. Например, *характер (натура)* у кого как

у дьявола 'о чем-либо очень злом, зловредном характере' [ССРЯ: 113]. Данное устойчивое выражение употребляется для характеристики очень злого человека, который по своим внутренним качествам схож с дьяволом, может принести зло, навредить кому-либо. Ср. также: *злой как дьявол* 'об очень злом, раздраженном или разъяренном человеке' [ССРЯ: 113]; *коварный как дьявол* 'об очень коварном, злобном человеке' [ССРЯ: 113]. Стоит отметить, что даже при оценке положительных качеств человека (например, таких как ум, хитрость, ловкость и т.д.) употребление в составе устойчивого выражения сравнение с нечистой силой придает характеристике негативный оттенок. Например, *умен (умный) как дьявол* 'о чрезвычайно умном, проницательном (но обычно злом) человеке' [ССРЯ: 113]. Ср. также: *хитер (хитрый) как дьявол* 'о чрезвычайно хитром, изворотливом, предприимчивом и лукавом человеке' [ССРЯ: 113]; *ловок (ловкий, проворен, проворный) как дьявол* 'об очень ловком, пронырливом, умеющем извернуться в любой ситуации человеке' [ССРЯ 2003: 113].

Страшнее (безобразнее) [самого] дьявола // вид как у дьявола 'о чьей-либо устрашающей, отталкивающей, безобразной внешности' [ССРЯ: 113]. В данном устойчивом выражении отразились представления носителей языка о внешнем виде этого демонологического персонажа (каких-либо конкретных описаний внешности дьявола в сравнениях не встречается, она воспринимается в целом как безобразная, отталкивающая).

Вертеться (юлить) как дьявол (дьяволом) '1) перед кем. Об угодливом, пронырливом, заискивающим перед кем-либо человеке; 2) о человеке, всеми силами пытающемся увернуться от чего-либо; 3) о чьих-либо беспрестанных, мучительных и безрезультатных хлопотах, усилиях, суетах' [ССРЯ: 113]. Выражение употребляется для характеристики качеств характера и поведения человека, не вызывающих симпатии.

Носиться (бегать, летать, мчаться) как дьявол (дьяволом) 'о быстро, возбужденно и суетливодвигающемся человеке, животном или движущемся транспорте' [ССРЯ: 113]. Сравнение с дьяволом употребляется носителями языка для выражения общей экспрессивной характеристики обозначаемого, которая подчеркивается контекстуальными лексическим «партнерами»-экспрессивами *носиться, мчаться*. Ср. также выражения, используемые для общей экспрессивной характеристики деятельности человека: *Работать (вкалывать) как дьявол* 'о человеке,

работающем очень интенсивно, много и в крайне тяжелых условиях' [ССРЯ: 113].

Анализ материала показал, что устойчивые выражения, включающие в свой состав сакральный компонент *дьявол*, используются носителями языка для физических, психических, интеллектуальных характеристик человека, а также для характеристики различных процессов, связанных с деятельностью человека. При этом независимо от вида характеристики наличие в составе устойчивого сравнительного оборота компонента *дьявол* придает высказыванию негативный оттенок.

Список источников

1. СРЯ – Словарь русского языка в 4-х т. – М., 1999.
2. ССРЯ– Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. – Спб., 2003. © Воробьева Н.А., 2005

**Ворожцова О.А.
Нижний Тагил**

Прецедентные феномены в дискурсе дебатов в кампании по выборам президента США 2004 года

Политические дебаты представляют собой интересную форму конфликтного общения, так как привлекают к себе больше внимания избирателей, чем любые другие выступления кандидатов в ходе предвыборной кампании, а, следовательно, обладают значительным потенциалом манипулирования общественным сознанием. Но для этого необходимо умело пользоваться возможностями, заложенными в эту форму агонально-го общения, которые проявляются, прежде всего, в её сущностных свойствах, к которым относятся: превалирование коннотативности над денотативностью, аксиологичность, максимальная стереотипизация содержания и формы.

Одним из языковых средств, которое наиболее полно соответствует описанным выше характеристикам политического дискурса, является прецедентные феномены.

Под *прецедентными феноменами (ПФ)*, согласно Д.Б. Гудкову, имеется в виду особая группа вербальных или вербализуемых феноменов, которые известны любому среднему представителю того или иного лингво-культурного сообщества и входят в когнитивную базу этого сообщества [Гудков 2003:148]

Из определения следует, что прецедентные феномены позволяют достичь известной степени стереотипизации дискурса, так как знакомы большинству представителей данного лингво-культурного сообщества, являются скорее образами, а не дис-

кретными феноменами, обеспечивающими апелляцию к эмоциям, а не к разумному началу, и, к тому же, обладают ярко выраженной оценочностью.

ПФ разграничивают по следующим основаниям: по типу (прецедентные тексты (ПТ), имена (ПИ), события (ПС), высказывания (ПВ)); по сферам-источникам (литература, искусство, религия) [Гудков 2003:148]; по «внешнему масштабу», широте охвата (социумно-прецедентные, национально-прецедентные, универсально-прецедентные) [Красных 2002:50].

В данной статье ограничимся рассмотрением только ПС, ПИ, ПТ, т. к. ПВ представляют наиболее спорный тип ПФ, который требует отдельного углублённого исследования.

Исследование использования ПФ в дискурсе дебатов был проведён на основании положения о том, что в оценочную сферу политического дискурса входят в основном три типа объектов: 1) сам говорящий и его сторонники (последователи), 2) его оппоненты, их поведение, реальные и прогнозируемые поступки и личностные черты и 3) объекты и факты, которые на первый взгляд не находятся в эксплицитных связях с двумя перечисленными выше параметрами [Базылев 2005:17].

Аналізу подверглись выступления кандидатов на пост президента и вице-президента США от демократической и республиканской партий во время теледебатов, состоявшихся 30 сентября, 5, 8 и 13 октября 2004 года. Общее количество выделенных прецедентных феноменов – 160.

Демократическая партия, для создания социально одобряемого образа собственного кандидата, выбрала два основных направления употребления ПФ: 1) Джон Кэрри обладает задатками компетентного главнокомандующего (ПС – война во Вьетнаме – 40%); 2) Дж. Кэрри обладает качествами, свойственными выдающимся людям Америки (ПИ – имена президентов Америки – 42%).

Дискредитация соперника представлена несколькими направлениями использования ПФ, а именно, указание на то, что: 1) действующий президент недостаточно хороший главнокомандующий (ПС – террористический акт 11 сентября 2004 года – 20%); 2) он – недалёковидный политик, как во внутренних (ПС – самый большой дефицит бюджета в истории США – 15%); 3) так и в международных делах (ПС – международной изоляции США, во время начала войны в Ираке – 10%, ПИ – имена европейских политиков, чья помощь была отвергнута – 9%).

Из проанализированного материала следует, что круг ПФ, используемых для положительной оценки данного кандидата, достаточно ограничен, но апелляции к эксплуатируемым образам довольно таки частотны. Гораздо большим разнообразием отличаются ПФ, используемые для дискредитации оппонента.

Республиканская партия, в свою очередь, при создании социально привлекательного образа своего кандидата, подчёркивает, что 1) их кандидат умеет извлекать уроки из допущенных ошибок (ПС – террористический акт 11 сентября 2004 – 13%, ПТ – закон ‘О патриотизме’ – 5%); 2) он – борец за демократию во всём мире (ПТ – выборы в Ираке – 17%, ПИ – Аль-Каида – 10%); 3) он – хороший управленец (ПС – реформа системы медицинского страхования – 3%, ПТ – закон ‘Не оставим ни одного ребёнка’ – 3%).

Тактика дискредитации кандидата от демократической партии как таковая вообще не представлена в ходе этих дебатов. Найденный единичный пример использования ПФ в этих целях, основывается на том, что Дж. Кэрри постоянно меняет свою точку зрения по важнейшим вопросам политики, это делается с помощью прецедентной ситуации – Первая Война в Заливе.

Эти данные позволяют заметить одностороннюю направленность употребления ПФ в дискурсе республиканской партии в ходе теледебатов, т.е. преимущественную ориентацию на создание социально одобряемого образа собственного кандидата.

Проведенное исследование приводит к выводу, что подавляющее большинство феноменов употреблённых в дискурсе дебатов представителями обеих партий относятся к универсально-прецедентным (62,5%), хотя достаточно велика частотность и национально-прецедентных феноменов (32%). Лидирующей сферой-источником прецедентных феноменов всех рассматриваемых типов является политика (77%), далее идут экономика (12%) и социальная сфера (8%). Это даёт основание судить о том, что оба кандидата в своих выступлениях ориентируются, на среднего американца, который следит за политической жизнью страны, и ощущает на себе последствия недавних экономических и социальных изменений.

Сравнивая тактики употребления ПФ в ходе всех дебатов, необходимо отметить, что были выбраны противоположные подходы к построению выступлений. Демократическая партия использовала, в основном, ПФ либо несущие негативную коннотацию, либо в таком контексте, что они приобретали таковую, и

все они были направлены показать, что их оппонент не подходит на пост президента страны. ПФ, используемые для создания собственного привлекательного образа, хотя и достаточно частотны, но однообразны. Республиканская партия, в абсолютном большинстве случаев, использовала такие ПФ, либо в таком контексте, что создавался общий положительный настрой в пользу их кандидата. Случаи же указания на недостатки политического оппонента - единичны.

Эти данные, подкреплённые тем фактом, что дебаты являются одним из решающих шагов в президентской кампании, а также данные об исходе выборов, позволяют сделать вывод, что тактика политического поведения, построенная на создании собственного положительного образа, по сравнению с тактикой резкой критики другого, без предложения достойной альтернативы, является более эффективной.

Литература

1. Базылев В.Н. Политический дискурс в России / Лингвистика. Выпуск 15./ Урал. гос. пед. ун-т – Екатеринбург, 2005. с. 5-32.
2. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. – М., 2003. – с.141-161.
3. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288с.
4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДК «Гнозис», 2002 – 284с.
5. Немирова Н.В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса //Лингвистика. Бюллетень лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т – Екатеринбург, 2004. Т. 11. с. 149-156.
6. www.krugosvet.ru

© Ворожцова О.А., 2005

**Голованик В.И.
Нижний Тагил**

Обучение речевым жанрам как средство формирования и развития коммуникативных умений учащихся в 5-6 классах

В «Стратегии модернизации содержания общего образования» подчеркивается, что основным результатом деятельности образовательного учреждения должна стать не система знаний, умений и навыков сама по себе, а набор ключевых компетентностей в различных сферах, в том числе и коммуникационной.

Большое значение в формировании и развитии коммуника-

тивных умений учащихся имеет работа над речевыми жанрами. Понятие «речевой жанр» – одно из ключевых понятий школьного курса риторики, так как нельзя учить эффективному общению вне работы над конкретными речевыми жанрами.

В качестве общих оснований для изучения всех жанров в разных источниках предлагаются следующие факторы: коммуникативная интенция, образ адресата / адресанта, фактор содержания, фактор формальной организации (структуры), фактор времени создания, фактор формы и вида речи (речевого исполнения). Для настоящего времени характерно накопление большого фактического материала по вычленению, описанию речевых жанров, их инвентаризации, используются различные подходы к характеристике речевых жанров, однако общепризнанной лингвистами типологии речевых жанров не существует.

В 5-6 классах формируются коммуникативные умения 2-х типов: 1) умения анализировать и оценивать общение, в частности: степень эффективности общения; уровень владения языком; корректность поведения; 2) умения говорить, слушать, писать, читать – умения общаться: в частности, умения ориентироваться в ситуации общения, учитывать адресат (аудиторию); формулировать явно (вслух – письменно) или для себя (неявно) свое коммуникативное намерение; определять свои коммуникативные удачи-неудачи – промахи.

Для обучения речевым жанрам на уроках риторики используем следующие методы: слово учителя, направленное на осознание учеником базовых понятий; беседу; риторический анализ; риторическую задачу; риторический практикум; тестирование и анкетирование учащихся; редактирование речевых высказываний; ролевые, деловые и коммуникативные игры; собственное мыслеречетворчество обучаемых; психотренинги (игры, упражнения), способствующие совершенствованию тех или иных мыслительных и речевых способностей; решение и составление коммуникативных, логических, психологических и этических задач.

При обучении речевым жанрам используются следующие приемы:

1. Знакомство с положительным или негативным образцом.
2. Риторический анализ положительного образца
3. Риторический анализ образца с типичными недочетами в содержании, речевом оформлении.
4. Сравнительный анализ положительного и негативного об-

разцов.

5. Сравнительный анализ двух и более положительных образцов.

6. Индивидуальное или коллективное редактирование образца с недочетами

7. Создание устных или письменных речевых жанров.

Указанные выше основные приемы применяются на уроках в различных сочетаниях. Безусловно, в уроки риторики включаются и другие общепринятые методы и приемы работы: постановка задачи, формулировка темы (учителем или учеником), подведение итогов, оценивание деятельности учеников и т.д.

Литература

1. Архарова Д.И. Долинина Т.А., Чудинов А.П. Речь и культура общения/ Практическая риторика: 5-9-е классы. Книга для учителя. Часть 1.- Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001

2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. с.241-242

3. Государственный образовательный стандарт (национально-региональный компонент) образования в период детства, основного общего и среднего (полного) общего образования Свердловской области. Екатеринбург. 2000. С. 51-52.

4. Развитие речи. Школьная риторика. 5-6 кл. : Методический комментарий /Под ред. Т.А.Ладыженской. М.: Дрофа, 1998

5. Стратегия модернизации содержания общего образования: Материалы для разработки документов по обновлению общего образования. М.: ООО «Мир книги», 2001

© Голованик В.И., 2005

**Григорьева Н.И.
Екатеринбург**

Ономастика в дискурсе русской рок-поэзии

Ономастика в дискурсе русской рок-культуры проблемна, мало изучена и актуальна, так как в настоящее время существует необходимость изучения онимов и их функционирование как в социо-культурном пространстве рок-культуры, так и, в частности, рок-поэзии.

В настоящей работе мы постараемся лишь определить основную проблематику и обозначить центральные направления возможного изучения поставленной проблемы.

В дискурсе рок-культуры были выделены следующие типы онимов, описание которых позволяет создать целостный образ языковой картины мира русской рок-культуры, а именно антро-

понимы (личные собственные имена, отчества, фамилии, псевдоимена), эргонимы (названия деловых объединений людей), геортонимы (название фестивалей, конкурсов, турниров) и ряд других. Сложная структура дискурса русской рок-поэзии позволяет расширить, углубить представленную классификацию. По мнению исследователей «с одной стороны, в масштабах национальной культуры рок, безусловно, должен рассматриваться как ее естественная, органическая часть... С другой стороны, для значительной части молодежи рок был, а нередко и остается, единственной возможностью свободного творческого самовыражения, способом противостояния обществу, образом жизни... Таким образом, один из многочисленных парадоксов русского рока состоит в следующем: рок является одновременно и естественной составляющей национальной культуры и альтернативой ей же, частью целого, органически сращенной с ним и тем не менее претендующей на самостоятельность и самооценку...» [Шинкаренкова 2005: 48-49]. Своеобразие русского рока состоит в том, что, «наследуя традиции, отсылая к ним и существуя в них, рок-культура в то же время переосмысляет и ассимилирует их, «на выходе» предлагая слушателю спектр адаптированных к рок-мировосприятию идеологий / воззрений, неких аналогов уже существующих эстетических систем, сама при этом превращаясь в некую художественную надсистему, сверхъединство, конгломерат диалогически взаимодействующих субъязыков и субкультур, в совокупности описывающих отношения мира и человека во всей их сложности» [Козицкая 2001].

Так было отмечено, что параллельно официальным названиям групп, клубов и мест «тусовок», созданных по законам шоу-бизнеса или ранее по соц. заказу и разрешению партийных органов, существуют неофициальные, функционирующие в «неформальной» среде, – позволяющие в определенной степени проявить бунтарство, протест общепринятым нормам общественной жизни, контркультурность. Например, официальное название рок-клуба «Сфинкс», возникшего в Екатеринбурге в начале 90-х, противопоставлено неофициальному – «Свинарник». Эргоним «Свинарник», созданный по фонетической ассоциации, актуализирует такие семы, как «пьянка, грязь, неуважение», давно ставшие ядром стереотипного представления о рок-культуре. Данный эргоним обладает яркой эмоционально-оценочной нагрузкой, вектор которой зависит от реципиента, его отношения к рок-культуре. Так, для носителей рок-сознания –

это уход от аккуратного быта, от советского уюта, для «чужих» - это место сборища алкоголиков, наркоманов и т.д. Как видим, подобное название, с одной стороны, вводит в разряд мест, где царит нежелание подчиняться укладу общественной жизни, с другой, имеет опознавательную функцию для посетителей данного места.

Другой пример, отражающий особенности возникновения названия кафе, пользующегося популярностью среди людей, принадлежащих к рок-культуре, в советское время, «Сайгон» (открылся 18 сентября 1964 г. в Ленинграде). Как отмечают исследователи «происхождение неформальных названий питерских кафе от иностранных городов имело политическую подоплеку: название очередного города было на слуху в связи с какой-нибудь руганью на его счет по советскому радио. Так появились еще и «Ольстер», «Тель-Авив», «Рим»...» [Иеромонах Григорий 2002] – проявление антисоветизма, контркультурности.

Изучение данных ономастических форм позволит достаточно полно представить целостную картину мира русского рока, как ее внешнюю показную, эпатажную, так и внутреннюю, скрытую и понятную в контексте развития рок-культуры в СССР.

Литература

1. Иеромонах Григорий (В.М. Лурье). Смерть и самоубийство как фундаментальные концепции русской рок-культуры / Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сборник научных трудов. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – Вып.6.

2. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: Монография. – Волгоград: Перемена, 2004.

3. Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию: В 2 т. Т.2. Топонимика и этнонимика. Тюмень, 2005.

4. Шинкаренкова М.Б. Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии: дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

© Григорьева Н.И., 2005

**Груздева Н.А.
Екатеринбург**

Автобиография, биография и характеристика как риторический опыт создания точки зрения: дидактический аспект.

Для формирования личности ребенка очень важно умение отражать различные точки зрения (авторские позиции) на человека, факт, случай, событие, ситуацию и т.д. Этот уровень

Б.А.Успенский условно обозначает как «идеологический, или оценочный» (Б.А.Успенский, 1995). Для этой цели в рамках школьной дидактики наиболее подходят жанры с повышенной степенью антропоцентричности: автобиография, биография и характеристика.

Традиционная методика недостаточно полно описывает жанровые особенности указанных форм. Даже в работах Т.А.Ладыженской и ее школы способы выражения авторской позиции и особенности стиля автобиографии и биографии рассматриваются без учета жанровой модели и прагматики.

На наш взгляд, необходимо существенно расширить представления учащихся об этих жанрах. Школьники должны понять, что художественная автобиография – это не просто информация об основных событиях жизни, а важнейший способ авторской саморефлексии во времени. Поэтому «былое» рассматривается не само по себе, а в связи со становлением внутреннего мира автора, открытием его «я» в отношении к другим и к миру.

Основная коммуникативная цель автора художественной автобиографии – сохранение во времени информации о своей жизни, события которой служат предметом воспоминаний. В автобиографии три основных героя: *время*, которое пытается остановить автор, его собственное «я» (полнота может быть различной) и *память*, сохраняющая мир прошлого.

Способы обозначения автора-повествователя в автобиографиях обусловлены субъектной организацией данного жанра. Субъект чаще всего представлен через местоимение «я» («я – прежнее» и «я – нынешнее», «я – описывающее» и «я – субъект описания»). В текстах ученических автобиографий субъект может быть дифференцированным. Это субъект непосредственного действия или состояния в прошлом или настоящем; субъект, интерпретирующий (воспринимающий, сознающий и оценивающий). Для автобиографий старшеклассников характерно «расслоение» «я» повествователя и тенденция к отчуждению себя настоящего от прошлого, что проявляется в использовании существительных с родовым значением («*девочка*», «*мальчик*», «*дитя*», «*ребенок*»).

Наиболее часто учащимися включаются в текст такие тематические локи, как а) фиксация даты рождения (95%); б) воспоминания детства (90%); в) история становления личности (70%); г) упоминание о предках (63%). Реже можно найти: а)

информацию о родословном древе (15%); б) стремление дать нравственный урок потомкам (13%).

Почти все автобиографии учащихся старших классов физико-химического, математико-экономического и художественно-архитектурного профилей представляют собой беллетризованные тексты, включающие развернутые воспоминания о прошлом и авторскую оценку последнего.

Автобиографии анализировались прежде всего на лексическом уровне организации текста. Исследуя лексико-семантическую организацию автобиографий учеников, мы выявили следующие ее особенности. Это наличие:

1) лексических средств, связанных с образом *дороги, пути*, а также лексики со значением «*перемещение в пространстве*», «*путешествие*»;

2) слов с семой «*память*»;

3) оценочной лексики; наименований личностных позитивных и негативных качеств;

4) слов лексико-семантической группы «*образование*», «*обучение*», «*развитие*», «*занятие*», «*увлечение*» (чаще всего, глаголов со значением разного рода деятельности, намечающих основной событийный ряд человеческой жизни);

5) единиц лексико-семантической группы «*существование*» (глаголов со значением *родиться*, «*жить*»);

6) единиц лексико-семантической группы «*время*» (обозначений основных временных планов – прошлого, настоящего, будущего; названий возрастов и периодов жизни).

Биографические рассказы старшеклассников показывают, что структура их более свободна, чем структура автобиографии, но все же имеет свои устойчивые признаки. Учащиеся, как правило, указывают на то, где и когда родился герой повествования; когда и где умер; кто родители; когда и где начал учиться и какое образование получил; каковы главные события жизни и что следует считать главным делом жизни героя.

Старшеклассники тяготеют к созданию расширенных биографических повествований за счет следующих текстовых компонентов:

1) краткая характеристика эпохи, раскрывающая приметы времени, в которое жил герой;

2) авторские размышления, суждения, пояснения или оценки;

3) воспоминания героя о себе, а также воспоминания близ-

ких о нем;

4) характеристика героя (внешний, поведенческий, речевой портреты);

5) рассказ о ярком эпизоде из жизни героя.

Характеристики старшеклассников (всего было проанализировано 20 работ учащихся химико-физического профиля, 28 работ - математико-экономического профиля, 26 работ – художественно-архитектурного профиля) используют в своих характеристиках следующие текстовые компоненты: внешний портрет, поведенческий портрет, речевая характеристика, черты характера, воспоминания, рассказ о деле, об учебе, случай из жизни, интерьер, элементы биографии, интервью. Первое место по частоте употреблений в характеристиках занимает «внутренний портрет» героя, затем – внешний портрет и, наконец, - поведенческий портрет описываемого. Реже встречаются рассказ о случае из жизни и интервью.

Литература:

1. Развитие речи: Школьная риторика. 8-й класс: Методический комментарий. /Под ред. Т.А.Ладыженской. М., 1998.

2. Б.А.Успенский. Семиотика искусства. М., 1995.

3. Н.Б.Руженцева. Сочинения разных жанров. Екатеринбург, 2004.

4. Н.А.Николина. Поэтика русской автобиографической прозы. М: Наука, 2002.

5. М.М.Бахтин. Литературно-критические статьи. М., 1986.

© Груздева Н., 2005

Дзюба Е.В.

Екатеринбург

Определение содержания специального курса

«Риторика профессионального общения»

для студентов юридического факультета УрГПУ

Значение юридической риторики в практике формирования профессионально грамотных специалистов в области правоповедения (специалистов в разных отраслях права, преподавателей права) трудно преувеличить. Исследователь Т. Манкевич в статье «Выступаю государственным обвинителем», изданной в 1983 году, замечал: «Учат студентов-юристов многому, но вот подготовиться к процессу, как построить речь, ораторскому искусству не учат! Артистов учат, как вести себя на сцене, как правильно говорить, а студентов-юристов – нет» (Манкевич Т. Выступаю государственным обвинителем // Социальная закон-

ность. 1983. № 7). Современная ситуация изменилась в лучшую сторону: среди специальных курсов для студентов-юристов достойное место занимает такой предмет, как «Риторика профессионального общения». Значение юридической риторики для становления высококвалифицированного специалиста в области правоповедения признали, но содержание данного курса до конца четко не определили.

Очевидно, что подготовка юриста как представителя речевой профессии базируется на знаниях основ русского языка и культуры русской речи, что изучается в рамках соответствующего курса («Русский язык и культура речи»). Знание правил речевого употребления и общих требований к речи, приобретение навыков успешного, эффективного общения, однако, не гарантирует формирование профессионально грамотного юриста. Подготовка юриста как специалиста, способного эффективно работать в разных жанрах профессионального общения, – главная задача специального курса «Юридическая риторика».

К профессионально значимым жанрам для студентов-юристов можно отнести следующие: «Судебные речи: обвинительная и защитная», «Переговоры в критических ситуациях», «Юридическое консультирование».

Традиции русского судебного красноречия сложились в конце XIX века, что связано с введением в результате судебной реформы 1864 года суда присяжных заседателей и учреждением присяжной адвокатуры. Судебный процесс в это время приобрел состязательный характер, что обусловило усложнение процесса судоговорения: помимо объективного рассмотрения обстоятельств дела судебному оратору стало необходимо воздействовать на чувства присяжных, использовать психологический анализ. Блистательные ораторы того времени превратили судебные речи в почти художественные произведения. В советское время психологическая сторона судоговорения уступила место доказательственной. Судебные речи в значительной степени упростились. В настоящее время в практику судопроизводства вновь вводится система проведения процессов с участием присяжных, что обуславливает новый виток развития русского судебного красноречия. Это, в свою очередь, объясняет некий социальный заказ на подготовку новых профессионально грамотных в этом смысле кадров в области юриспруденции. Грамотная, связанная и выразительная речь, знание основ логического развертывания текста, законов аргументации и построения

судебных речей, умение успешно выступать публично и мн. др. – вот круг вопросов, которые актуальны при изучении монологических жанров профессионального общения юристов.

Нельзя игнорировать и другие профессионально значимые для юриста или работника т.н. милицейской сферы жанры общения. В повседневной практике работники правоохранительных органов сталкиваются с проблемами эффективности тех или иных приемов речевого поведения (приемов убеждения) в критических условиях: при ведении переговоров с преступниками, удерживающими заложников, террористами, психологически неустойчивыми и/или больными людьми (людьми, склонными к суициду; маниакально настроенными людьми и т.д.). Безусловно, в подготовке работников данных сфер должны принимать участие специалисты в области юридической психологии и, вероятно, других специальных дисциплин. Однако знание принципов речевого поведения и системы аргументативных приемов, умение находить наиболее эффективные приемы убеждения в той или иной коммуникативной ситуации и подбирать наиболее действенные формулировки (иными словами, то, чему учит юридическая риторика) имеет не менее важное значение в подготовке соответствующих специалистов.

Известные исследователи в области культуры речи Л.А. Введенская и Л.Г. Павлова, рассуждая о специфических жанрах профессиональной деятельности юристов, отмечают такую важную в юридической практике форму работы, как консультирование, и подчеркивают его особую значимость в деятельности адвоката и юрисконсульта, которые призваны оказывать профессиональную правовую помощь и поддержку юридическим и физическим лицам по актуальным вопросам из разных отраслей права (Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова. Риторика для юристов: Учебное пособие. Ростов н/Дону, 2002). Знание особенностей поведения в общении с клиентом, умение в беседе с ним расположить к себе, заставить доверять с целью выяснения всех обстоятельств дела (даже тех, которые клиент стремится скрыть по каким-либо причинам) и оказания квалифицированной помощи – таковы задачи данного раздела курса юридической риторики.

Изучение дисциплины «Риторика профессионального общения», предназначенного для студентов юридического факультета, способствует формированию высококвалифицированных кадров с устойчивыми навыками общения в разных профессио-

**Еремина С.А.
Екатеринбург**

Языковая личность уральского политика. Прагматический аспект

Языковая личность традиционно анализируется с учетом трех уровней: прагматического (цели, мотивы, интересы, установки и интенции, которые проявляет личность в рамках предвыборной кампании); когнитивный (понятия, идеи, концепты и ценности, которые выявляют специфическую модель данной реалии); собственно лингвистический (указывающий на владение естественным языком и языковые предпочтения языковой личности).

Каким нам представляется образ политического официально-го лица? Предполагается, что речь политика в большей степени, чем речь и речевое поведение людей других профессий, запрограммирована, подчинена ритуалу.

Отвечая на этот вопрос, мы, вероятно, скажем – психологически он (политик) должен быть гуманистом, позитивно настроенным, должен иметь конструктивный взгляд на жизнь. Далее в коммуникативном аспекте – это человек общительный, открытый тип собеседника, соблюдающий культурно-речевой ритуал в рамках национальных традиций. С лингвистической точки зрения этот человек должен быть образованным, являющимся носителем литературного языка.

Предвыборная кампания отличается тем, что имидж любого кандидата ориентирован, непременно, на положительные стороны личности. Стратегически побеждает тот, кто опирается на общечеловеческие ценности и социальный заказ времени. Но люди разные! И вольно или невольно (с помощью имиджмейкера или без него) индивидуальное начало проступает даже сквозь *«вычищенное»* печатное слово! Особенно ярко это проявляется в сравнении предвыборных обещаний кандидатов в депутаты.

Даже поверхностный анализ прагматикона предвыборных компаний показывает, насколько языковые личности политиков разнятся. Рассмотрим две значительные фигуры депутатов А.П. Косинцева и Е.В. Ройзмана в прагматическом аспекте. Характеризуя лишь субъект речи, мы отмечаем разницу, которая

проявляется практически по всем параметрам, это:

- цели высказывания

Александр Петрович Косицн-цев	Евгений Вадимович Ройзман
Я считаю, что мне по силам <i>изменить жизнь Железнодорожного района к лучшему.</i>	Я иду в Думу для реализации конкретной программы – <i>борьбы с наркотиками.</i>

- речевые тактики проявляются через выбор кооперативной стратегии. Субъект выступает как активный участник диалога. Диалог строится по схеме утверждающей реплики. Предпочитаются тактики – заявка на коммуникативное лидерство; предложение общеинтересной темы; призыв к откровенности:

<p><i>Я такой же, как и вы.</i> <i>Мы хотим, чтобы наши дети и внуки выросли хорошими людьми.</i> <i>Мы хотим, чтобы наши старики не нуждались. Мы не дадим в обиду стариков.</i></p>	<p><i>Я такой, какой есть.</i> <i>Я не боюсь работать. Я знаю – я работаю для горожан. Проблем у нас много. У меня есть и силы, и желание их решать. Я иду в Государственную Думу, потому что <i>это надо всем нам.</i></i></p>
---	--

- различны правила разговора, подчиненные принципу сотрудничества, рекомендующему строить речевое общение в соответствии с принятой целью и направлением разговора (**призыв**, в первом случае, и **убеждение**, во втором):

<p><i>Необходимо создать систему безопасности. Нужно организовать в нашем опорном пункте круглосуточное оперативное дежурство, продать в Думе решение о выделении дополнительной ставки оперативника на Новую Сортировку и Завокзальную технику на автобазе нужно закрепить за каждым районом, есть мусор или нет – пусть работают. Нужно создать ясный и прозрачный механизм обеспечения льготами.</i></p>	<p><i>Друзья!</i> <i>Четыре года назад мы увидели, что городу – плохо. И поняли, что если мы сами не начнем борьбу с наркотеррором, нам никто не поможет. Мы начали чистить город, и это нам удалось. Удалось, потому что мы работаем честно, по правде.</i></p>
---	---

- установка говорящего, или прагматическое значение высказывания проявляется в слогане:

<i>Сильные в ответе за слабых!</i>	<i>Сила в правде!</i>
------------------------------------	-----------------------

- референция говорящего, т.е. отнесение языковых выражений к предметам действительности, вытекающие из намерения говорящего:

<p>Я был <i>обычным</i> мальчишкой...</p> <p>Я <i>мало отличался</i> от своих одноклассников и друзей по двору. <i>Неплохо</i> учился в школе, <i>в меру хулиганил</i>, занимался <i>спортом</i>, но <i>чувство справедливости</i>, стремление <i>защитить</i> более слабого жило во мне с детства...</p> <p>Я год работал <i>простым</i> слесарем на заводе «Уралмаш». Я <i>такой же, как и вы</i>.</p>	<p>Я <i>не боюсь работать</i> и вообще я <i>мало чего боюсь</i>.</p> <p>Я <i>не богатый</i>, но <i>обеспеченный</i>. У меня осталась доля в ювелирном бизнесе: работают те деньги, которые я когда-то вложил.</p> <p><i>Это мой город</i>. И я никуда отсюда <i>не уеду</i>. Мы ещё <i>поборемся</i> вместе.</p> <p><i>Я такой, какой есть</i>.</p>
--	---

- прагматические пресуппозиции: оценка говорящим общего фонда знаний, конкретной информированности, интересов мнений и взглядов, психологического состояния, особенностей характера и способности понимания адресата, которая проявляется через **девизы**:

<p><i>Мы любим наш район. Мы должны остановить уличную преступность.</i></p> <p><i>Мы хотим, чтобы наш район был безопасным. Мы хотим, чтоб он был чистым, уютным, красивым.</i></p> <p><i>Мы – за социальную справедливость. Мы хотим, чтобы в нашей стране были справедливые законы и чтобы эти законы исполнялись всеми и рабочими и олигархами.</i></p> <p><i>Мы хотим жить лучше. Мы работаем. Мы против тех,</i></p>	<p><i>Мы не спорим – мы продолжаем работать.</i></p> <p><i>Нам только нужно держаться вместе.</i></p> <p><i>Сегодня настало время отдавать долги. Сбирать камни (речь о том, что искусство в долгу перед людьми, так как воспевало наркотики).</i></p> <p><i>Мы вместе с вами дойдем до победы. Потому что сила – в правде.</i></p> <p><i>Победа будет за нами. Сообща мы победим.</i></p>
--	--

кто ворует из городской казны. Мы против леунов, против лжедепутатов, которым, в общем-то, наплевать на людей.

Мы имеем право жить лучше. Мы не позволим случайным людям решать нашу судьбу.

- отношение говорящего к тому, что он сообщает:

а) оценка содержания высказывания (его истинность или ложность)

Я не мечтатель, я привык экономически просчитывать все свои предложения, оценивать их реальность.

Я весь на виду. Работать я не боюсь. Вы видели. Что я работаю честно. Правду не спрячешь.

б) введение в фокус интереса одного из тех лиц, о которых говорящий ведет речь

Мне надоело смотреть на грязь вокруг себя, граждан из южных республик.

Остальные машины разбросаны по всему городу, это стихийные автостоянки и специально оборудованные площадки. Кто владеет ими? Лица кавказской национальности. И все деньги автомобилистов за парковочные места уходят к ним. Город ничего не получает! Муниципалитету необходимо забрать автостоянки под себя.

Цыганский поселок напоминал поле боя за минуту до поражения. По улице, шатаясь, бредут сраженные героином подростки. Передвигаться можно, лишь раздвигая эту толпу бампером джипа. Некоторые нарки, как суслики, просто стоят, балансируя на полусогнутых ногах, и смотрят сквозь телекамеру. Вот один не удержался и упал на колени. За его спиной – четырехэтажный дворец мамы Розы, крупнейшей екатеринбургской торговли. На веранде мелькнул милиционер с шашлыком в зубах...

Когда я все это увидел, у меня в глазах побелело, - говорит Ройзман. – Это мой город, меня здесь мама за ручку водила, и вот этот город в оккупации. Причем я, наивный чукотский парень, и не предполагал, что наркоторговля в

	нашем городе – это не просто бизнес, а на сто процентов <i>ментовский бизнес</i> .
--	--

в) организация высказывания в соответствии с тем, чему в сообщении придается наибольшее значение, ярко проявляется в **лозунгах**:

Судьба особого назначения В разведку идут патриоты и романтики. Только вместе мы победим! За порядок! За безопасность! Наведение порядка – дело чести. Честность – это честь. Безопасность и порядок.	Евгений Ройзман – сила в правде Евгений Ройзман – такой как время Евгений Ройзман – время не ждет Евгений Ройзман – мы победим Евгений Ройзман – потому что верю Евгений Ройзман – герой нашего времени
--	--

© Еремина С.А, 2005

**Завьялова Н.А.
Екатеринбург**

Колоративы как отражение языковой картины мира японцев

Анализ лингвоцветовой картины мира отдельного языка, на наш взгляд, целесообразно начинать с определения количественного и качественного состава колоративов данного языка. По данным исследований японского лингвиста Касима Сигэру, основными колоративами современного японского языка являются 10 цветоименований и их синонимы: shiro (белый), kuro (черный), aka (красный), ao (зеленый/синий/голубой), kiiro (желтый), chairo (коричневый), murasaki (фиолетовый), midori (зеленый), hairo = nezumiro = gure (серый), daidai = orenji (оранжевый).

Помимо заимствованных из английского gure (серый) и orenji (оранжевый), в повседневном употреблении японцы активно используют прилагательное pinku (розовый). По данным исследований Судзуки Такао, молодые японцы стремятся как можно чаще употреблять заимствованные колоративы в тех случаях, где пожилые японцы воспользовались бы исконной лексикой.

До XIX в. в японском словаре имелось 4 базовых колоратива:

- 1) shiro/shiroshi – белый
- 2) aka/akashi – красный

3) ao/aoshi – зеленый/синий/голубой

4) kuro/kuroshi – черный

Существует предположение, согласно которому первоначально в японском словаре существовало 2 базовых колоратива:

1) aka – теплый/светлый (отсюда *akarui* - светлый)

2) kuro – холодный/темный (отсюда *kurai* - темный)

Таким образом, можно сделать вывод о том, что развитие системы японских колоративов в целом подтверждает гипотезу Б. Берлина и П. Кзя. По мнению П. Кзя, в том случае, если в языке существует 6 основных цветотерминов, то в нем будут термины для белого, черного, красного, желтого, зеленого и голубого/синего. Однако Р.Е. Маклори утверждает, что до расщепления термина «зеленый – голубой/синий» на отдельные термины «зеленый» и «голубой/синий» возможно появление термина для коричневого. В современном японском языке сохраняется традиционное использования колоратива *aoi* (зеленый / синий / голубой). Этот термин более популярен, чем *midori* (зеленый, цвет травы). Однако при этом имеется отдельный термин для коричневого *chairo*. Следовательно, замечание Р.Е. Маклори справедливо для современного японского языка.

В современном японском *chairo* (коричневый) употребляется гораздо чаще, чем *ao* (зеленый / синий / голубой). Японский исследователь Кусима Сигеру объясняет этот факт, тем что *chairo* может быть включен как в систему «теплый/холодный», так и в систему «светлый/темный».

К **мотивированным** колоративам относятся: *chairo* – цвет чая; *haigo* – цвет пепла; *nezumiigo* – цвет мыши; *daidai* – цвет кислого апельсина. Во всех этих примерах имеются прямые ассоциации с определенными объектами окружающей действительности. К **немотивированным** колоративам относятся: *shiro* (белый), *aka* (красный), *ao* (зеленый / синий / голубой), *kuro* (черный).

По данным исследований Судзуки Такао, к цветам радуги японцы относят 7 колоративов: *seki/aka* (красный), *to:/daidai* (оранжевый), *o:/kiiro* (желтый), *ryoku/midori* (зеленый), *sei/ao* (зеленый/синий/голубой), *ran* (цвет индиго), *murasaki* (фиолетовый). При этом японский лингвист указывает на довольно условный характер деления радужного спектра. Он высказывает предположение о том, что семичленное деление было введено в японскую картину мира искусственно, в известной степени под влия-

нием авторитета И. Ньютона, предложившего в XVII в. данную схему. В своем исследовании японский исследователь утверждает, что именно И. Ньютон, руководствуясь христианской традицией семичленного деления бытия (семь дне недели, святая седмица, семь смертных грехов), поделил радужный спектр на 7 секторов. До И. Ньютона цифра «7» никогда не встречалась в трудах о цветах радуги (Ксенофан выделил 3 колоратива, Аристотель – 4, Сенека – 5). Идея И. Ньютона распространилась по всему научному миру, в том числе и в Японии.

Анализируя колоративы, входящие в состав ФЕ, следует отметить, что нами было выделено 5 колоративов, которые регулярно, но с разной частотой используются японцами: shiro (белый), kuro (черный), ao (зеленый/синий/голубой), aka (красный), kiirōi (желтый). Можно сделать вывод о том, что большинство ФЕ были образованы до XIX в.

Литература

1. Berlin B. and Kay P. Basic Color Terms. - Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1969. - 319 p.

2. Campbell, J. A Simple View of Color. - Oxford: Clarendon Press, 1994. - 150 p.

© Завьялова Н.А., 2005

**Капленко В.Н.
Екатеринбург**

Политический подтекст в стихотворении

Ю. Лобанцева «Николай Кузнецов»

Юрий Лобанцев – уральский поэт (1939-1997), в творчестве которого тема *мысли, науки, разума* – ведущая: упование на силу разума в человеке и обществе – центральная идея всей его поэзии. Отчасти это делает содержательную сторону стихотворений предсказуемой, и особый интерес приобретают способы донесения идеи. Она, как и другие элементы содержания, может быть сформулирована прямо или дана намёком, может подразумеваться, вытекать из пресуппозиций или опираться на контекст творчества данного автора.

В заголовке стихотворения «Николай Кузнецов» – имя советского разведчика. Во всём дальнейшем тексте его подлинное имя не встречается ни разу: *Выше правую, Пауль Зиберт, / в деревянно-помпезном «хайль!»*. Три первых четверостишия передают тему притворства, в котором вынужден жить разведчик; далее перемежаются мотивы: родина (*Москва, Урал*) – желание *быть собою*, усталость *души* – необходимость *примелькаться и стать своим* – готовность к активному действию. Достоверно

переданы атрибуты военного времени, состояние души разведчика, обстоятельства вражеской оккупации. На первый взгляд, перед нами типичное стихотворение о войне, отдающее дань памяти герою и его подвигу. Так и есть, но это не всё. В 7-й строфе (из десяти – то есть близко к точке «золотого сечения», одной из сильных позиций текста, где обычно располагается кульминация) говорится: *В беспощадной игре без правил/ мысль важнее, чем пулемёт./ Тупость мнит, что ей вечно править./ Разум ведает,/ чья возьмёт.*

Эти строки варьируют основную идею лобанцевского творчества. Благодаря включённости в сюжет они звучат отнюдь не резонёрски, поддерживают напряжённость мысли и действия. Но если первая половина строфы содержит реалию войны – *пулемёт*, – то вторая по своей обобщённости ближе к афоризму, она не привязана к конкретному историческому моменту, к изображаемой ситуации. Конфликт интерпретируется как столкновение *тупости* и *разума*, а не нацизма и гуманизма, не оккупантов и патриота (эти коллизии присутствуют в широком контексте стихотворения, но здесь отступают на второй план). Это должно означать, что в любой момент истории *тупость*, если она правит, и оппонирующий ей *разум* неизбежно находятся в состоянии войны.

8-я строфа возвращает нас к сюжету: *Скоро центр просигналит: «Надо»./ И тогда, чертыхнувшись всласть,/ псевдо-Зиберт/ рванёт гранатой/ узколобую псевдовласть!*

Последние два слова – перифраза *тупости*. Так подчёркивается неслучайность предыдущей мысли, которая выводит конфликт за пределы ситуации оккупированного Киева в более обобщённый план, а прежде всего – связывает его с моментом написания стихотворения (1982 г. – застой, канун Перестройки). При этом в роли *узколобой псевдовласти* выступают реальные власти той поры, в роли разведчика – сам поэт, а стихотворение становится *гранатой* – орудием борьбы против *тупости*.

Правда, автор сам постарался, чтобы политическая острота стихотворения не была слишком заметна. Крамольная мысль погружена в сюжет, который и держит внимание читателя. Дальнейший текст продолжает развивать ту же ситуацию: *В этом логове сердцу душно...* и т.д.

Именно это ускользание мысли из центра внимания, привязанность её к изображаемой ситуации помещают её в подтекст. Чтобы осознать обобщённость и злободневность мысли, требу-

ется изъять её из ситуации и применить к современности.

Кроме *тупости*, у разведчика, олицетворяющего *разум*, есть ещё один «враг» – *душа*. Тема *души* обрамляет 7-ю и 8-ю строфы. В 6-й: *Пусть душа возражает глухо, – / ей не дай взять себя врасплох./ Сила духа –/ в уменьи духа/ притвориться, что он убог.* В 9-й – однокоренное прилагательное: *Гибель может быть прямодушна,/ но победе нужней – расчёт.* В 10-й: *Ну а если душа устала – / ей пришлют потайные сны/ золотые леса Урала/ и спокойный гранит Москвы.* Душа подвержена эмоциональным крайностям, неожиданностям, срывам, она – элемент неразумия в самом носителе *разума* (или *духа*), но её нельзя «рвануть гранатой». Мотив *души* также имеет подтекст: возражение против того, чтобы душу возводили на пьедестал. Эта мысль относится уже не к политике, а к эстетике и адресована собратьям по перу.

Источник

Лобанцев Ю. Вещий камень: Стихи и поэмы. Свердловск: Ср.-Уральск. кн. изд-во, 1989.- С. 18-19

© Капленко В.Н., 2005

**Кириллова Т.С.
Нижний Тагил**

Видеолекция по риторике как эффективная форма организации самостоятельной работы учащихся и студентов

В соответствии с планом учебно-методической работы НТГСПА ставится задача электронной поддержки лекционных курсов. В 2004 году лабораторией Мультимедиа НТГСПА и проблемной лабораторией «Речевая культура в разных сферах общения» создана видеолекция «Беседы о риторике». Это обзорная лекция по общей риторике, которая включает в себя основы теоретических знаний по предмету, а также фрагменты ключевых разделов: «Топика», «Оратор и аудитория», «Практическая риторика». За короткое время (продолжительность лекции – 38 мин.) можно получить довольно полное представление о предмете риторики, сориентироваться в подходах к его изучению.

Видеолекция отвечает современным методическим и дидактическим требованиям (представлена в двух вариантах: на CD и видеокассете). В отличие от традиционной аудиторной лекции, данное пособие сопровождается компьютерной анимацией, иллюстрируется отрывками из кинофильмов и мультипликационных фильмов. Используются разнообразные приемы графики:

последовательное построение схем, выделение цветом отдельных деталей на графиках, «вырастание» стрелок, построение динамических диаграмм, объемных виртуальных моделей.

Информация представлена в виде двух окон, в одном из которых показывается учебный материал, а в другом остается лектор, комментирующий основные положения лекции.

В июне 2004 года была проведена презентация видеопособия и начато его использование в учебном процессе на дневном и заочном отделениях факультета русского языка и литературы и исторического факультета НТГСПА. Анкетирование показало, что видеолекция вызывает интерес, пробуждает любопытство, создает эмоционально-метафорическое восприятие учебного материала. Лекцию можно использовать целиком и по частям, при изучении различных тем, останавливаясь на отдельных фрагментах, возвращаться к схемам, моделям, таблицам (см. таблицу):

Темп изложения материала, по Вашему мнению				
быстрый	нормальный	медленный	всего опрошено	
60	310		370	
16,22 %	83,78 %		100 %	
Читали ли Вы соответствующую литературу до просмотра видеолекции?				
да	нет			
70	300			
18,92 %	81,08 %			
Если ДА, был ли просмотр полезным для Вас?				
да	нет			
70	0			
100 %	0			
Если НЕТ, пробудил ли просмотр кассеты интерес и желание прочесть материал по тематике лекции?				
да	нет			
300	0			
100 %	0			
В какой степени, по Вашему мнению, видеолекция понятна?				
В оч. большой		60	16,22 %	
В большой		280	75,68 %	
В малой		30	8,11 %	
В какой степени, по Вашему мнению, видеолекция помогает понять материал?				
В оч. большой		80	21,62 %	

В большой		250	67,57 %	
В малой		40	10,81 %	
В какой степени, по Вашему мнению, видеолекция помогает выполнить задания?				
В оч. большой		30	8,11 %	
В большой		260	70,27 %	
В малой		80	21,62 %	
Хотели бы Вы еще раз просмотреть видеолекцию перед зачетом (экзаменом)?				
Да		370	100 %	
Нет		0	0	

Данная лекция рекомендуется для использования преподавателями образовательных учреждений разных типов в организации аудиторной и самостоятельной работы учащихся и студентов.

© Кириллова Т.С., 2005

Короленко А.Ю.
Канск

Орфографическая трудность слова как методическое понятие

В методической литературе нередко отмечается тот факт, что правописание одних слов учащиеся усваивают медленнее по сравнению с другими словами, подчиняющимися тому же правилу [Богоявленский 1966: 129; Львов 1997: 227 и др.]. Эта закономерность обусловила необходимость определения научно обоснованного перечня слов с трудно усваиваемыми написаниями с целью его специального изучения в средней школе. Однако имеющиеся в литературе попытки критического осмысления содержания списков трудных слов позволяют утверждать, что в понятийно-терминологическом аппарате методики орфографии понятие **орфографической (правописной) трудности слова** разработано недостаточно.

Проблема определения трудности слова в орфографическом отношении содержит два важных аспекта, тесно взаимодействующих друг с другом, – объективный и субъективный.

Объективную трудность слова определяют следующие его особенности:

1. *Орфографические*: трудное слово рассматривается как структура, составляющие которой (буквы или морфемы) потенциально ошибкоопасны. При этом в качестве критерия отнесения слова к разряду трудных выступают: 1) наличие в слове оп-

ределенных видов написаний: либо непроверяемых (В.В. Ераткина, Е.И. Никитина, Р.А. Московкина), либо трудно подводимых под правило (М.Р. Львов), либо и тех, и других (З.И. Сидорова, И.В. Пронина); 2) большая по сравнению с другими словами насыщенность орфограммами (К.К. Данцева, О.М. Лобанова).

2. *Фонетические*: особенности звучания слова, т.е. наличие звуко сочетаний, влияющих на написание слова при его звуковом восприятии (например, *исчезать*), что является одной из причин смешения орфографических правил [Сабурова 1961: 129], так как их применение «при восприятии слова на слух гораздо труднее, чем при зрительном восприятии» [Добромыслов 1961: 8].

3. *Лексические*: затемненная этимология слов: *искусство*; абстрактное значение слова, его отсутствие в словаре учащихся: *воззвание, преодолеть, преобладать, тысячелетие*; полная или частичная омонимия: *долина – даль, рассвет – расцвет*.

4. *Словообразовательные*: редкость, малоупотребительность морфем: *чересчур*; типов словообразования: *авиапочта*; непривычное расположение морфем в слове (стечение нескольких суффиксов или приставок) [Лобанова 1961: 61-68].

5. *Морфологические*: частеречная принадлежность слова (к примеру, «имена существительные, как наиболее обширный класс слов, в большей степени подвержены любым видам ошибок, чем другие классы слов» [Булохов 1993: 91-94]), омонимия грамматических форм [Ушаков 1959: 8].

6. *Синтаксические*: обратный порядок слов и их дистантное расположение в предложении, возможность двоякого членения предложения [Методика... 1990: 155], синтаксическая роль слова (по данным В.Я. Булохова, в зоне повышенного орфографического риска находятся сказуемое и его распространители) [Булохов 1993: 152].

Субъективная трудность зависит от уровня подготовленности учащихся, обуславливающего характер протекания мыслительной деятельности в процессе применения орфографического правила. Классификация трудных слов с этой позиции представлена В.А. Добромысловым. В группу особо трудных для применения правил он выделяет слова, в которых:

1) ученики иногда просто не замечают изучаемой орфограммы, не могут обнаружить ее на слух и потому пишут слово не задумываясь;

2) ученики замечают трудности, но нередко подводят встре-

тившееся написание под иное правило, смешивая данный тип орфограммы с каким-нибудь другим (например, в слове *слоткнуться* обнаруживают приставку *под-*), что является следствием генерализации на этапе усвоения орфографического правила [Сабурова 1961: 84], так как «учащиеся нередко пользуются не совокупностью признаков, а одним из них, выступающим в сознании детей наиболее ярко» [Ушаков 1959: 9]. Деятельность ученика при этом ограничивается соотношением данного написания со сходными;

3) ученики правильно определяют тип орфограммы, но не могут применить правило: например, установив наличие в корне проверяемой безударной гласной, испытывают затруднения в подборе родственного слова [Добромыслов 1961: 11].

Данные затруднения связаны с недостаточной сформированностью у учащихся навыка анализа орфографического правила, состоящего из трех этапов: 1) опознавательного, когда ученик должен обнаружить орфограмму; 2) выборочного, во время которого необходимо установить, какое орфографическое правило нужно применить; 3) заключительного, на котором учащийся должен решить вопрос о конкретном написании [Алгазина 1965: 6]. Очевидно, что орфографическая трудность слов, выделенных в группы В.А. Добромысловым, обусловлена «пропуском» учащимися одного из этапов анализа правила.

Таким образом, под *орфографической трудностью слова* понимается совокупность объективных и субъективных факторов, препятствующих формированию устойчивого навыка его написания. Следует учитывать, что правописная трудность слова – величина непостоянная, так как существует зависимость количества ошибок в слове от его признаков, которые не являются неизменными в потоке речи: синтаксической роли, морфемного состава (при словоизменении), позиции в предложении как линейной единице.

Литература

1. Алгазина Н.Н. Предупреждение орфографических ошибок учащихся V-VIII классов. М., 1965. 280 с.
2. Богоявленский Д.Н. Психология усвоения орфографии. М., 1966. 416 с.
3. Булохов В.Я. Повышение орфографической грамотности учащихся (в свете теории речевой деятельности). Красноярск, 1993. 184 с.
4. Добромыслов В.А. О сравнительной эффективности прие-

мов обучения орфографии// Активизация работы учащихся по орфографии / Под ред. Н.С. Рождественского. М., 1961. 108 с.

5. Лобанова О.М. К изучению трудных в орфографическом отношении слов, подчиняющихся правилам // Рус. яз. в школе. 1961. № 4. С. 61-68.

6. Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997. 265 с.

7. Методика русского языка / Под ред. М.Т. Баранова. М., 1990. 368 с.

8. Парубченко Л.Б. Орфографические ошибки с точки зрения их генезиса // Человек-Коммуникация-Текст. Вып. 2. Барнаул, 2000. С. 220-223.

9. Сабурова Г.Г. Психологические особенности этапов приращения некоторых орфографических правил учащимися начальных классов // Психология усвоения грамматики и орфографии / Под ред. Д.Н. Богоявленского. М., 1961. 251 с.

10. Ушаков Н.Н. Преодоление ошибок в окончаниях существительных и прилагательных: Автореф. дис. ...канд. пед. наук. М., 1959. 18 с.

© Короленко А.Ю., 2005

Коурова О.И.

Щадринск

Концепт «Творчество»

в романтической лирике пушкинской эпохи

Важной проблемой современной лингвистики является исследование способов хранения культурной информации. В единицах языка она может быть представлена через культурные семы, культурный фон, культурные концепты и культурные коннотации. Культурная коннотация – это интерпретация денотативного или образно мотивированного аспектов значения в категориях культуры. В предлагаемом докладе концепт «Творчество» рассматривается на материале традиционно-поэтической лексики и фразеологии, обладающей эмоционально-экспрессивной, образной, стилевой и культурной коннотацией. Традиционно-поэтическая лексика и фразеология является средством концептуализации романтической картины мира.

Методом исследования языковой картины мира является концептуальный анализ, сущность которого заключается в выборе способов реконструкции культурно значимых концептов и в описании компонентов их ментального поля. Единицами репрезентации концепта являются концептуальное поле, его фрагменты, модели и коды. Концептуальным полем мы называем

многомерное смысловое образование, представляющее концепт через совокупность его фрагментов и моделей; фрагментами – совокупность моделей; моделями – вспомогательные языковые системы, воспроизводящие изучаемый объект. Важной задачей концептуального анализа в лингвокультурологии является выявление культурной значимости языковых единиц через соотнесение их с известными «кодами» культуры. Код – это своего рода «сетка», с помощью которой культура членит, структурирует и оценивает окружающий мир. Выделяются духовный, аксиональный, пространственный, временной, предметный, природный и другие культурные коды.

Ведущими концептами, манифестируемыми традиционнопозитивской лексикой и фразеологией, являются «Жизнь», «Смерть», «Любовь», «Творчество», «Природа». Наибольшей частотностью отличаются метафорический и перифрастический способы репрезентации концептов.

Концепт «Творчество» репрезентирован следующими фрагментами: «Занятие творческой деятельностью», «Творения людей искусства», «Творческий талант, вдохновение», «Символы творчества и творческого вдохновения», «Субъект искусства».

Ядерная зона концептуального поля представлена следующими фрагментами: «Занятие творческой деятельностью» и «Творения людей искусства». Творчество как занятие соответствующей деятельностью – это *петь, петь на лире, воспевать, играть с музами, гореть огнем Пиэрид, взлететь на Геликон, оседлать Пегаса*. Творчество как творения людей искусства – это *дань музыки, дары Фебовы, игры Аполлона, игры Мельпомены, игры Терпсихоры, песнь, розы парнасские, цветы Парнаса, цветы поэзии*. Культурными кодами представленных фрагментов являются духовный, наиболее ярко представленный античной мифологией (*Геликон, Парнас, Мельпомена, Терпсихора, Аполлон, Феб, музы, Пиэриды*), и природный (*цветы, розы*).

Фрагмент «Творческий талант, вдохновение» включают следующие модели: 1) дар, воздаяние небесных сил (*дар бога, дар поэта, Фебов дар, бокал Кастальских вод, Кастальские воды, воды Парнаса, Пегас, ангел вдохновенья, гений, демон вдохновенья*); 2) огонь (*жар священный, жар сердечный, огонь (огнь-) божественный, огонь небесный, огонь поэта, огонь поэзии, пламень, пламя вдохновенья*). Ведущий культурный код – духовный, связанный с христианской религией (*бог, ангел, демон*) и античной мифологией (*Парнас, Кастальский ключ, Пе-*

гас). Природный код связан с образами *огня* и *воды*.

Весьма объемен фрагмент «Символы творчества и вдохновения», включающий следующие модели: 1) боги творческого вдохновения: *Аполлон, бог лиры, свирели, света и стихов* (об Аполлоне), *Феб*; 2) богини, покровительницы различных искусств: *Муза, Аонида, Камена, Пизрида, Талия, Мельпомена, Терпсихора, Эрата, девы парнасские, сестры парнасские, нимфы Геликона, царицы Геликона, царицы парнасские (-Пермесские)*; 3) места обитания муз и Аполлона: *Парнас, Пинд, Геликон, Иппокрена, Кастальский ключ, ток Кастальский, приют певца, приют поэзии, поэтический приют, алтарь Камены, алтарь муз, сень муз*; 4) инструменты как символы творчества: *арфа, лира, свирель, тимпан, цевница*; 5) символы признания таланта, славы: *венец, венец бессмертия, венец лавровый, венок, венок лавровый, лавр, лавры Геликона, курит фимиам, увенчать*. Культурные коды представленного фрагмента: духовный, связанный, главным образом, с античной культурой, предметный (названия музыкальных инструментов), природный (*лавр*).

Фрагмент «Субъект искусства» репрезентирован следующими моделями: 1) поэт (*брат по музе, брат парнасский, вещун молодой, вещун парнасских дев, дети Аонид, друг музы, жильцы Геликона, жрец муз, жрец парнасский, жрец парнасских алтарей, жрец поэзии, жрец Феба, жрец Фебов, избранник, избранник Феба, любимец Аполлона, любимец Аонид, любимец муз, любимец Феба, любимец Фебов, наперсник Аонид, наперсник Аполлона, наперсник богов, наперсник муз, певец, певец любви, пиит, питомец Аполлона, питомец вдохновенья, питомец муз, питомец Кастальских дев, питомец Кастальского ключа, питомец Феба, посетитель Пинда, пророк муз, скальд, служитель Парнаса, сын Камены, сын поэзии, сын Феба, сын Фебов, трубадур, чадо Феба*); 2) музыкант и певец (*Орфей*); 3) артист (*питомец Мельпомены*). Авторы романтических стихов наибольшее внимание обращают на поэтическое творчество, в связи с чем главный субъект искусства – это поэт, репрезентируемый в следующих поэтических образах: 1) *брат, сын, чадо, дети, питомец (-Аполлона, - Аонид, - Камены, - Муз, - Феба)*; 2) *любимец, избранник*; 3) *друг, наперсник*; 4) *жрец, пророк, служитель*; 5) *певец, пиит, бард, скальд, трубадур*. Ведущий – духовный код, он связан с представлением о людях искусства как о единой семье, как о содружестве, как о совокупности лиц,

занимающихся одним и тем же видом творчества, но в разных концах Земли и исторических эпох. Так, *певец и поэт* – поэты, представители русской культуры, *бард* – поэт-певец у древних кельтов, *скальды* – древнескандинавские поэты-певцы в дружинах викингов и конунгов; *трубадуры* – провансальские бродячие певцы-поэты. Аксиональный код во всех фрагментах положительный. Творчество – суть жизни поэтов-романтиков.

Итак, «Творчество» – весьма важный концепт романтической картины мира.
© Коурова О.И., 2005

**Кузнецова Т.М.
Екатеринбург**

Современный русский язык для студентов-переводчиков: лингвокультурологический аспект

Очевидно, что знание русского языка открывает новые перспективы межнационального и международного сотрудничества, особенно для специалистов, избравших своей профессией перевод и переводоведение. Социальная действительность последних лет породила поразительный феномен: возникла целая генерация молодых людей, которые свободно говорят и грамотно пишут по-английски, свободно говорят они, разумеется, и по-русски, но вот писать по-русски грамотно далеко не все умеют и могут. Это подтверждает и практика вступительных экзаменов, и результаты тестирования и контрольных работ студентов-переводчиков (в словарном диктанте средней трудности на сто слов нередко встречается по пятьдесят ошибок). В ходе обучения выясняется, что студенты не владеют терминологическим аппаратом, не умеют анализировать структуру предложения, допускают лексические ошибки и вообще обнаруживают удручающую речевую некомпетентность. Это проявляется в бедности словарного запаса, в неумении выразить простую мысль, передать содержание книги, фильма или просто бытовой истории. Безусловно, такое положение характерно не только для УГУ-УПИ.

Низкий уровень лингвистической подготовки студентов объясняется целым комплексом причин: это и общее падение культуры, и слабая начитанность абитуриентов, и несоответствие школьной подготовки конкурсным требованиям по русскому языку (разрыв этот особенно заметен в области навыков письменной речи), а также тот факт, что при подготовке к вступительным экзаменам на специальность «Перевод и переводоведение» преимущественное внимание уделяют английскому языку как

профилирующему предмету.

В свете сказанного включение курса «Современный русский язык» в учебный план студентов-переводчиков представляется, безусловно, актуальным и своевременным. Социальная значимость данного курса в общей системе подготовки переводчиков очевидна.

Знание русского языка обеспечивает необходимую степень гуманитарной подготовки и лингвистической компетенции будущих переводчиков, поскольку русский язык – это важнейший инструмент овладения специальностью переводчика. Кроме того, русский язык – это эффективное и удобное средство культурного воспитания студентов, так как расширяет возможности для овладения богатствами русской и мировой культуры, повышает общий культурный уровень студентов, их способности к самообразованию, что в конечном итоге служит гармонизации личности, свободной от профессиональной ограниченности и односторонности.

Курс способствует формированию аналитического мышления студентов, вырабатывает эстетический и языковой вкус, который сегодня значительно снижен, лингвистическое чутьё и интуицию.

Цели курса:

1. Овладение системой русского литературного языка.
2. Развитие лингвистического мышления студентов.
3. Выявление существующих отечественном языкознании разных точек зрения на некоторые вопросы теории русского языка, освещение проблем, вызывающих полемику в научном мире.
4. Закрепление теоретических сведений по русскому языку упражнениями, последовательность которых обусловлена методическим принципом перехода от простого к сложному.
5. Разъяснение социальной значимости норм правописания.

Содержание курса составляют лекции и практические занятия по основным разделам современного русского языка: фонетика, лексика и фразеология, словообразование, морфология, синтаксис.

В тексте лекций и дидактических заданий сочетаются элементы публицистической, научно-популярной, художественной и разговорно-бытовой речи, приводятся примеры разных стилей и жанров, широко используются тексты, в которых представлена терминология смежных языковедческих предметов. Курс ориентирует и на межпредметные связи изучаемых в вузе дисциплин.

Предпринята попытка более тесно связать работу по русскому языку с изучением литературы. В качестве примеров используются отрывки из художественных произведений как русской, так и зарубежной литературы. Приобщение к иноязычной литературе позволяет студенту ощущать себя до определенной степени «Человеком мира». Художественным текстам отводится исключительно важная роль в реализации целей обучения. Они значительно повышают интерес к изучению языка, являются источником информации о жизни и культуре людей, стимулируют мыслительную деятельность студентов, способствуют повышению речевой культуры, воспитанию эстетического вкуса. Художественные тексты как единство смыслового, стилистического, эмоционально-экспрессивного и эстетического, несомненно, должны найти свое место в практике преподавания курса «Современный русский язык».

Таким образом, курс «Современный русский язык» ввиду интегративности его целей и задач представляется необходимым и перспективным звеном в системе общей подготовки студентов-переводчиков.

© Кузнецова Т.М., 2005

Кустова А.Е.

Нижний Тагил

Лингвистические лакуны во французском и русском языках

При сопоставлении лексики двух языков можно обнаружить лакуны, пробелы, «белые пятна» на семантической карте одного из языков. В понимании большинства лингвистов эти «белые пятна» появляются в результате отсутствия эквивалента в виде слова слову другого языка.

Муравьев В.Л. делит лексические лакуны на две основные категории: **лингвистические лакуны** и **этнографические лакуны**, которые в свою очередь, делятся на **абсолютные**, **относительные**, **векторные** и др. Следуя этой теории, далее мы рассмотрим абсолютные и относительные лингвистические лакуны конкретно при сопоставлении французского и русского языков.

Абсолютные лингвистические лакуны связаны с отсутствием у носителей того или иного языка возможности выразить отдельным словом или устойчивым словосочетанием понятие (реже) суждение, лексически зафиксировано в другом языке.

Абсолютные лакуны можно выделить: а) на словах, например, *piéd-à-terre* (пристанище) – абсолютная лакуна для русского языка, а слово «бобыль» – для французского; б) на фразеоло-

гизмах, например, *mieux vaut tendre la main que le cou* (лучше побираться, чем воровать) не может быть передано ни при помощи слова, ни фразеологизма на русском языке. Русские фразеологизмы «Доброе утро!», «С приездом!», «на здоровье» представляют абсолютные лакуны во французской лексике.

Но лингвистические лакуны подразумевают отсутствие не только лексических, но и грамматических средств в одном из языков при их наличии в другом, например, грамматическая категория артикля во французском языке будет являться абсолютной лакуной для русского языка, в свою очередь, категория среднего рода – абсолютная лакуна для французского языка.

В отличие от абсолютных лакун **относительные лакуны** выделяются при сравнении частоты употребления слов с общим значением в двух языках. Таким образом данный вид лакун существует на уровне речи при общности понятий, выражаемых сравнительными словами.

Для выявления относительных лакун необходим сравнительный статистический подсчет употребления в речи двух языков тех или иных слов. В некоторых случаях, однако, косвенным лингвистическими свидетельствами слабой употребительности слова в одном из языков по сравнению с другими, по мнению В. Л. Муравьева, могут быть следующие факты:

- Слово не образует либо образует незначительное количество фразеологизмов в одном из языков и является излюбленным семантическим стержнем в другом.
- Слово не имеет переносных значений в одном из языков и переосмысливается в другом.
- Слово характеризуется слабой деривацией в одном языке и образует многочисленные производные в другом.

Используя вышеуказанные категории выявления относительных лакун, мы можем констатировать, что слово «щука» является относительной лакуной во французском языке. Действительно, в русском языке слово «щука» и его производные являются стержневыми словами для нескольких фразеологизмов (на то и щука в море, чтоб карась не дремал; по щучьему велению и т.д.). Это же слово образует многочисленные производные, в частности, прозвища, фамилии, название местностей, озер (дед Щукарь, Щукин, Щукарев, озеро Щучье и т.д.). Во французском языке слово «brochet» – одно из рядовых, мало заметных слов – оно не образует ни фразеологизмов, ни производных, ни переносных значений.

**Лаврова Т.Б.
Нижний Тагил**

Межкультурная коммуникация как педагогическая проблема

Как известно, в процессе межкультурной коммуникации система координат партнеров различна изначально: они говорят на разных языках, отличаются друг от друга ценностно-ориентационным мировидением, образом и стилем жизни, моделями речевого и неречевого поведения и при этом осознают, что каждый из них является «другим».

Таким образом, необходимым условием адекватного участия в межкультурной коммуникации является овладение интеркультурной компетенцией, которая складывается не только из языковой компетенции и адекватного понимания знаков невербального поведения, но и из представлений об образе, стилях жизни и ценностях родной и «неродной» культуры. То есть для успешной межкультурной коммуникации следует уметь распознавать и анализировать «свое» и «другое», не превращая «другое» в заведомо «чужое», а значит враждебное, пугающее или смешное.

Научить адекватному поведению в условиях межкультурной коммуникации достаточно сложно, обучение должно быть междисциплинарным, однако такие предметные области как «родной язык» и «иностранный язык» призваны быть приоритетными в овладении интеркультурной компетенцией.

Прежде всего, в процессе межкультурной коммуникации мы получаем возможность «увидеть себя глазами других», понять суверенность и уникальность своего образа жизни, а затем и образа жизни других, глубинное различие духовных основ своей и чужой культур. Следовательно, для понимания «другого» необходимо, прежде всего, уметь идентифицировать себя с собственной культурой, в полной мере владеть родным языком, а затем проявить психологическую готовность к общению с людьми других взглядов, стилей и образов жизни, к встрече с другой культурой.

При мотивированном изучении иностранного языка любопытство по отношению к «чужому» поддерживается симпатией и доброжелательностью, особенно если реализуются контакты с носителями изучаемого языка, делается шаг от этноцентризма к многообразию культур. По мнению преподавателя английского языка Ф. Клиппель (Германия), самой действенной формой при-

обретения интеркультурной компетенция является школьный обмен, когда устанавливаются непосредственные личные контакты в смешанных культурных группах и наблюдение культурных явлений непосредственно в стране изучаемого языка одновременно подвергаются и культурному анализу и языковому кодированию [Klippel 1991]. Действенность контактов с носителями другого языка и культуры в обучении межкультурной коммуникации трудно переоценить, однако сознательному овладению интеркультурной компетенцией ребенка и (или) взрослого следует обучать целенаправленно, а это уже является междисциплинарной педагогической задачей современного интеркультурного образования, которое призвано способствовать освоению своей национальной культуры и воспитанию уважения к ценностям других культур.

Так, в частности, под концепцией интеркультурного образования в целом следует понимать организацию и управление образовательным процессом, целью которого является воспитание *интеркультурной личности*, готовой к взаимному признанию национально-культурной идентичности, сохраняющей свою национальную культуру и индивидуальность, но понимающей многомерность мира и признающей и организующей партнерство представителей различных культур [Лаврова 2003]. Разработка моделей и технологий, формирующих интеркультурную личность, будет способствовать развитию навыков адекватного сотрудничества в любой межкультурной коммуникации, и, таким образом, к подготовке к жизни в современном поликультурном обществе.

© Лаврова Т.Б., 2005

**Ларионова А.Ю.
Екатеринбург**

О социокультурной специфике инноваций в неформальном студенческом дискурсе

Активная «стартовость» речевых инноваций, связанная с обращением к прецедентным текстам (ПТ), обилием трансформированных языковых единиц, характеризующихся устойчивостью и воспроизводимостью в речи, является характерной приметой современного языкового процесса.

Лингвокультурологическое описание субстандартного речетворчества, т.е. специфики функционирования языковых стандартов в разных социумах, является наименее разработанным направлением [Мокиенко, Никитина 1999] и потому составляет предмет интересов с позиций новых и традиционных лингвисти-

ческих и культурологических знаний.

Инновации в речетворчестве в условиях неформального студенческого дискурса (НСД) эксплицируются в конкретных текстах, фиксируемых в современном ВУЗе в устных и письменных, в виде граффити, формах и отражающих специфику речемыслительной деятельности и культуру социума студенческой молодежи. Рассмотрено было около 2000 текстов (в данной цифре не учтены повторы, а также граффити, содержащие только обшценные выражения и матизмы).

По наблюдениям, в НСД используется ряд приемов освоения тех или иных языковых единиц. В данной статье материал описания ограничен текстами, для освоения базовых единиц которых использован прием смены конситуации (Конситуация – объективно существующая собственно экстралингвистическая ситуация общения; условия общения и его участники [Красных 2001: 194]) при формальном сохранении состава речевого стандарта. В качестве базовых единиц, для освоения которых в НСД использовался данный прием, преимущественно выступают поговорки и пословицы, а также устойчивые и воспроизводимые конструкции либо близкие по энергетике обороты речи (прецедентные в широком смысле). Например, *С кем поведешься, от того и наберешься; Бойся оголенных концов; Снимаю. Порчу и под.*

Изменение конситуации не может не влиять на изменение смысла базовой единицы, и члены социума, вероятно, сознают, что трансформированный с помощью данного приема текст обладает преимуществами, отвечающими их интенциям. Таким образом, изменение конситуации интенционально обусловлено, а меняющийся вследствие этого смысл – результат культурной интерпретации фрагментов действительности с целью выразить отношение к ним – ценностное или эмоционально значимое. И поскольку лексика – очень чувствительный показатель культуры [Вежбицкая 2001:13], анализ способов трансформаций базовых единиц на уровне семантического «обновления» позволит представить социокультурную специфику НСД.

Проиллюстрируем данный тезис следующим рассуждением.

Студент как языковая личность обладает определенным знанием ПТ, устойчивых оборотов речи и под., имеет возможность и необходимость трансформировать их через прецедентные высказывания и в зависимости от установок модифицировать базовый текст и связанное с ним базовое знание, добываясь при

этом большей экспрессивности, образности, выразительности и ассоциативности «нового» текста. Как личность речевая, студент выбирает и использует тот или иной репертуар средств (собственно лингвистических и экстралингвистических) [Красных 2002: 22], соответствующий его коммуникативным предпочтениям. Прием изменения конситуации является одной из составляющих такого репертуара.

Из анализа материала следует, что среди способов, реализующих изменение конситуации, наиболее ярко выделяются омонимия и полисемия как явления лексической семантики и омофония (Омофоны имеют одинаковое звучание, но различное написание слов и словосочетаний. См.: Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык / Под ред. Н.С. Валгиной: Учебник для вузов. – Изд. 6-е, перераб. и доп. – М.: Логос, 2002. – 528 с. – С. 15) как явления стилистической омонимии.

Расширительно трактуя «формальное сохранение состава речевого стандарта» и учитывая звуковую схожесть вторичных текстов с базовой единицей, проиллюстрируем освоение текстов с помощью этого приема конкретными примерами.

БЕ: *Не имей сто рублей, а **имей** сто друзей.* (Посл.)

ВТ: *Не имей сто рублей, а **имей** сто друзей.* (Граффити на столе)

Экспрессивность вторичного текста существенно возрастает за счет контраста нейтрального прямого и маркированного переносного значений глагола *иметь*, одновременно реализованных в тексте. Отметим, что вторичное значение не фиксируется словарем, но широко распространено в неофициальной сфере общения. В условиях вторичного текста данное значение можно дефинировать как «бессовестно использовать другого человека в своих корыстных целях» и маркировать как вульгарное, жаргонное. Совокупность омонимии, изначально предполагающей двойственность текста, и сниженного стилистического регистра, а также эффект контраста на фоне БЕ обуславливают экспрессивизацию нового смысла в старом оформлении.

БЕ: *Не ссы, прорвемся!* (Речевой стандарт со значением эмоциональной поддержки, функционирует в молодежной среде)

ВТ: *Не ссы, прорвемся! Трубы* (Граффити на стене в туалете ВУЗа)

Обычно данное грубо-просторечное высказывание использу-

ется молодыми людьми как формула эмоциональной поддержки. В случае аналогичного граффити на стене в туалетной комнате, дополненного подписью *Трубы*, смысл высказывания принципиально меняется: метафорическая основа в формуле дружеской поддержки (в значении «Не бойся! Справимся с ситуацией») перестает быть актуальной для вторичного текста. «Сценарий» формирования нового смысла предполагает движение в направлении от первоисточника в переносном значении к вторичной единице, актуализованной на базе основного значения императива, дополненного грубой, просторечной коннотацией и приемом олицетворения.

БЕ: *Заплатил налоги, спи спокойно.* (Реклама на ТВ по заказу государственной службы налогового надзора/контроля)

ВТ: *Заплатил налоги, спи спокойно. (На надгробии)* (Граффити на столе)

Поистине черный юмор, как характеризуют его студенты. «Переиначивание» и понимание смысла нового текста подготовлено прежде всего общественной ситуацией: криминализацией многих общественных сфер и связанными с нею процессами.

Экспрессивизация нового текста опирается на конкуренцию значений слов базового и производного текстов, различающихся дифференциальной и коннотативной семантикой и опирающихся на потенциал таких языковых явлений, как полисемия, омонимия и жаргонизация (см. табл.).

БЕ	ВТ
Заплатить	
Отдать деньги <i>государству</i> Значение фиксируется в МАС	Отдать деньги <i>не по своему желанию в криминализованную сферу</i> , курирующую современный бизнес в России Значение не фиксируется в МАС
Налог	
Деньги как <i>сбор, обязательный для предприятий, населения страны</i> Значение фиксируется в МАС	Деньги <i>в оплату долгов перед криминалом</i> , например, за возможность заниматься бизнесом и под. Значение не фиксируется в МАС
Спать	
<i>Находиться в состоянии сна</i> Значение фиксируется в МАС	Покоиться (<i>о мертвых</i>) Значение фиксируется в МАС

Спокойно	
= Спокойной ночи! Пожелание хорошего сна Значение фиксируется в МАС	= неподвижно Значение фиксируется в МАС

БЕ: *Не спеши, подруга.* (Клишированный императив)

ВТ: *Не спеши под друга.* (Граффити на столе)

В данном случае мы имеем дело с омофонией. При формальном сходстве разговорное обращение *подруга* спровоцировало ассоциацию, обусловившую иную референциальную картинку и появление нового граффити. В результате во вторичном тексте произошло изменение структуры: позиция обращения была замещена на актантную со значением «местоположения по отношению к кому-/чему-либо». Стандартный императив в нейтральной с точки зрения этики реплике (Ср.: Подожди! Не беги!) преобразовался при формальной схожести в оборот с непристойным для публичного общения смыслом. «Переделка» отражает интенсивное по частотности и актуальности для НСД семантическое поле «Отношения полов».

БЕ: *Сыт по горло.* (Устойчивый оборот)

ВТ: *Ссыт по горло.* (Граффити на столе)

В данных омофонах произошла смена и денотата, и атрибута. Стилистически нейтральное *Сыт по горло* в прямом значении «очень сыт (от еды)» и эмоциональный фразеологизм *Сыт по горло* в значении «с избытком достаточно кому чего-л.» на основе омофонии преобразуются в грубое, вульгарное по форме и содержанию высказывание, отражающее «некрасивую» реальию физического состояния человека, фактически возможную, но вряд ли осуществимую. «Переделка» отражает достаточно частотное и актуальное для НСД семантическое поле «Физиологические процессы, естественные отправления человека».

Анализ вторичных текстов, освоенных студенческим социумом с помощью приема измененной конситуации, показал, что вторичный текст может соотноситься с разными смыслами и понятиями в зависимости от референтных особенностей и интенций пишущего/говорящего. Например, устойчивое сочетание *убить время* послужило основой для предикативной единицы *Здесь было жестоко убито время*, которая фиксируется и в учебной аудитории ВУЗа, и в туалетной комнате. По существу, формально один и тот же вторичный текст имеет разный сигнификативный и, следовательно, интерпретационный потенциал. В учебной аудитории граффити несет смысл «бесполезного

проведения времени на занятии (шире – в университете)» – аспект эмоционального состояния, граффити в туалете имеет принципиально иной смысл – «некомфортных физиологических ощущений при естественных отправлениях человека» – аспект физиологического состояния.

В аналогичную ситуацию попадают вторичные тексты *Не имей сто рублей, а имей сто друзей (1); С кем поведешься, от того и наберешься (2)*. В старой материальной оболочке существуют в зависимости от ситуации, по меньшей мере, по 2 смысла: для текста (1) это значение «бессовестно использовать другого человека в своих корыстных целях» + жаргонная коннотация либо значение «вступать в интимные отношения не из-за романтических побуждений или чувств, а по прихоти одного человека, не учитывающего желания другого» + грубая, вульгарная коннотация; для текста (2) – значение «воспринять, сделать своими привычки другого человека» + обычно отрицательная коннотация либо значение «получить заболевание, передающееся половым путем, в результате неупорядоченных отношений с половыми партнерами» + отрицательная коннотация.

Парадигма смыслов в приведенных примерах отличается их ранжированностью в аспекте публичности и этичности функционирования. В приведенных примерах очевиден учет адресной направленности вторичных текстов: существование их вариаций отражает примеривание к предполагаемому собеседнику в каждой конкретной ситуации.

На основе наблюдений можно сформулировать следующие тезисы.

1. Анализируемый материал граффити и устного общения покрывает наиболее субъективно значимые для НСД фрагменты действительности. К ним относятся «нежелательные» с точки зрения этики и морали сферы: речь деклассированных слоев, интимная сторона отношений полов в вульгарном ее восприятии, физиологические процессы, связанные с естественными отправлениями человека, и т.д. Изучение материала с идеографической точки зрения позволяет составить представление о системе ценностей в данном социуме, об особенностях разного рода взглядов на мир (возрастных, гендерных, профессиональных, культурных и т.д.), отразившихся во вторичных текстах.

2. Преобразованные тексты фактически представляют собой средства индивидуальной коммуникации, демонстрирующие социокультурную специфику НСД, проявляющуюся 1) в выборе

объекта номинации, 2) в выборе образного мотива, позволяющего донести соответствующие эмотивно-оценочные смыслы, 3) в выборе приемов обновления текста. Одним из таких приемов является изменение конситуации. Новизна трансформаций обогащает номинативный инвентарь языка недостающими оценочно-экспрессивными средствами, способными описать такие «подробности» обозначаемого, которые «не укладываются» в рамки лексической номинации [Телия 1996: 79].

3. Студенческая прослойка 1) потенциально готова к речетворчеству с установкой на большую экспрессивизацию речи, для чего избирает экспрессивную, эмоционально насыщенную лексику, часто вульгарного, жаргонного, скабрезного толка. Последнее подтверждает тезис о том, что эмоциональность «у русских часто сопровождается использованием грубо-разговорных форм» [Шаронов 1999]; 2) осуществляет отбор образов и их оязыковление на основе культурной интерпретации фрагментов действительности, соответствующей интересам социума.

Литература

1. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык / Под ред. Н.С. Валгиной: Учебник для вузов. – Изд. 6-е, перераб. и доп. – М.: Логос, 2002. 528 с.

2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.

3. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М., 2001.

4. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002.

5. Мокиенко В.М., Никитина Т. Г. Фразеология в контексте субкультуры (фразеология в жаргоне и жаргон во фразеологии). – Фразеология в контексте культуры. М., 1999.

6. Шаронов И. А. О допустимой резкости в русских стратегиях ведения диалога. – Фразеология в контексте культуры. М., 1999.

7. Словарь русского языка в четырех томах. М.: Русский язык, 1988.

8. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

© Ларионова А.Ю., 2005

Профессиональный образ мира

Практическая деятельность человека реализуется в различных сферах общения, основными из которых признаются общественно-политическая, социально-культурная, социально-бытовая, профессиональная и другие. Каждая из названных сфер вызывает в сознании индивида определенные образы, объединяющиеся в картину мира, в которой все предметы и явления структурируются, образуя стройную логическую систему, все фрагменты которой имеют вербальное выражение в виде слова и составляют языковую картину мира языковой личности [Опарина 1999: 28].

Одним из направлений антропологического языкознания, доминирующего в современный период, является формирование языковой картины специалиста. Следовательно, появляется необходимость рассмотрения вопроса профессионального образа мира.

Мировоззрение человека неразрывно связано с языком и мышлением, то есть человек и язык неделимы. Соответственно, человека нельзя изучать вне языка и язык нельзя изучать вне человека. Язык включен в сложнейшую систему познания мира человеком, в когнитивно-информационную систему, где взаимодействуют мышление, сознание, память и язык. Главное назначение этой системы – обеспечение процессов восприятия информации извне, переработка этой информации, сохранение и передача другим индивидам. Переработка информации осуществляется в актах мысли, Знания, как результат мышления, упорядочиваются сознанием, организуются в когнитивные структуры. Сознание руководит не только знаниями, но и мнениями, оценками, убеждениями. В нем формируется целостная картина мира, которая предопределяет поведение человека, в том числе коммуникативное поведение [Сыров 2002:17].

Языковая картина мира в процессе жизнедеятельности постоянно модифицируется. Благодаря разным системам общения, особенно языку, складывается картина мира, а в последствии и профессиональная модель мира. Язык отражает окружающий его мир, он формирует человека, образ жизни, мировоззрение, национальный характер, его профессиональный уровень.

В связи с рассмотрением профессиональной модели мира,

прежде всего, необходимо определить само исходное понятие «профессиональный образ мира». Бытует понимание выражения «профессионального образа мира» как иное представление человека о каких-либо явлениях жизни, которые сформировались у него в результате специального образования и профессионального опыта. Но данное понимание этого выражения вряд ли можно считать научным. Целесообразным считается иное более емкое понимание выражения «профессиональный образ мира», которое соотносится с научным представлением человечества о сущности окружающего его мира на определенном этапе его профессиональной деятельности [Артемьева, Стрелков 1983: 61]. Познание мира определяется его практическим овладением, так как единственной проверкой адекватности познания является только практика. Таким образом, начальным и конечным этапом познания мира является его практическое освоение в процессе трудовой деятельности человека.

Язык является материальной формой закрепления мышления человека, способом закрепления всей отражательной деятельности мышления, которая неразрывно связана с практической деятельностью человека. Следовательно, мы можем утверждать, что между профессиональным образом мира и языковой картиной мира существует тесная связь.

Колшанский Г.В. утверждает, что в языковом знаке закрепляются и реализуются результаты отражательной мыслительной деятельности. По отношению к действительности мышление есть форма и способ отражения, то есть образование вторичного идеального мира в сознании человека, который как бы повторяет объективный мир в способах и формах, присущих человеческому мозгу. Отражательная способность не есть способность языка, это способность мозга, таким образом, только имея в виду мышление, мы можем говорить о вторичной отражательной картине мира. Исходя из этого, по мнению автора, язык – это вторичная форма существования мышления; и если субстанцией мышления является мозг, то субстанцией абстрактных мыслительных форм является звуковой язык. На основании этого мы можем говорить, что язык выражает мышление, а мышление, в свою очередь, отображает действительность. Другими словами, картина мира – атрибут мыслительной деятельности, формой существования данной картины в сознании человека является абстракция в виде понятий и их отношений [Колшанский 1990:23].

Человеческим фактором является сознание, которое в результате отражательной деятельности формирует концептуальную картину мира, позволяющую человеку эффективно ориентироваться в нем, использовать его в своих жизненных целях.

Профессиональная деятельность – это именно та область, в которой человек, как правило, достаточно полно реализует себя. Хорошо известно, что профессионалы, принимающие свою профессию как образ жизни, приобретают особое видение окружающего, особое отношение к ряду объектов, а также особые свойства перцепции, оптимизирующие взаимодействие с предметами труда. Мы часто говорим о специфическом мире художника, представляющего себе окружающую действительность в виде абстрактных пятен; педагога, который может предугадать будущее ребенка, пришедшего в первый класс, по первым его успехам в школе. Другими словами, можно говорить об особом, для данной профессии, акцентах восприятия и отражения окружающего мира, об особой структуре субъективного образа мира – о профессиональном образе мира.

Таким образом, неоспорим тот факт, что существует особое мировидение специалиста. Профессиональный образ мира, является интересным объектом исследования лингвокультурологического направления в плане взаимодействия профессиональной модели мира и языковой картины мира, а также с точки зрения рассмотрения особенностей отражения мира внутри профессиональной деятельности на отражение мира вообще.

Литература

1. Артемьева Е.Ю., Стрелков К.Ю. Профессиональная составляющая образа мира // Мышление, общение, опыт. Ярославль. 1983. С. 61-64
2. Колшанский Г.В. Объективная картина в познании и языке. – М. 1990. 220с.
3. Опарина Е.О. Лингвокультурология: Методологические основания и базовые понятия // Язык и культура: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – С.27-28
4. Сыров В.Н. Значение «картины мира» в современной науке и философии // Картина мира: модели, методы, концепты. Томск: Издание ТГУ, 2002. С.17-22

© Лубожева Л.Н., 2005

Лучаникова С.Н., Масная О.Н.
Екатеринбург

**Лингвокультурологический подход в изучении
поэтического текста – одно из важнейших условий
формирования ключевых компетенций**

Основные задачи модернизации российского образования – повышение его доступности, качества, эффективности. Это предполагает не только масштабные структурные, институциональные, организационно-экономические изменения, но и в первую очередь – значительное обновление содержания образования, прежде всего общего образования, приведение его в соответствие с требованиями времени и задачами развития страны.

Одним из основных направлений модернизации образования является формирование ключевых компетенций – готовности учащихся использовать усвоенные знания, умения и способы деятельности в реальной жизни для решения практических задач. В связи с этим усиливается роль дисциплин, обеспечивающих успешную социализацию учащихся, – экономики, права, истории, литературы, русского языка, родного и иностранных языков.

Достижение целей, обозначенных в государственном образовательном стандарте, осуществляется в процессе формирования и развития коммуникативной, языковой и лингвистической (языковедческой), культуроведческой компетенций.

Обязательный минимум содержания образования по русскому языку рассматривает данные компетенции во взаимосвязи, так как язык теснейшим образом связан с культурой: «он прорастает в ней, развивается в ней и выражает ее». На основе этой идеи возникла новая наука – лингвокультурология.

Большое внимание в лингвокультурологии уделяется человеку в культуре и его языку, здесь требуется дать ответы на многие вопросы, в числе которых следующие: каким человек видит мир, какова роль метафоры и символа в культуре.

С самого начала появления символы являлись продуктом человеческого познания. А.А. Потебня писал: «Только с точки зрения языка можно привести символы в порядок, согласный с воззрениями народа».

Многие поэты, описывая свой поэтический мир, за исходную точку отсчета нередко принимают мир народной культуры, отраженный в фольклоре и классической литературе, однако исходные понятия часто подвергались переосмыслению в их твор-

честве.

Так, например, в поэзии М.Цветаевой слова со значением цвета имеют не только традиционное толкование, но и индивидуальное авторское в соответствии с мировоззрением поэта. Оппозиция «черное-красное» связана у М.Цветаевой с традиционной символикой жизни и смерти, принятой еще в первобытных культурах:

Слышу страстные голоса –
И один, что молчит упорно.
Вижу красные паруса –
И один – между ними – черный.

Белый и красный цвет в разнообразных его оттенках часто обозначаются у М.Цветаевой не как члены противопоставления, а в дополнении друг к другу. Это связано прежде всего с традиционной народной эстетикой, проявляющейся и в прикладном народном искусстве, например одежде, и в фольклоре, и в языковом развитии, например при образовании переносных значений у слов *белый* и *красный*:

Плывет Царь – мой – Лебедь
В перстнях, в ожерельях.
Кафтан – нет белее,
Кушак – нет алее.

Цветаевская же семантика белого и красного отражена в стихотворном цикле «Георгий», в поэме «На красном поле», в поэме-сказке «Молодец».

Семантическое наполнение слова *красный* и слов, обозначающих оттенки красного, на протяжении всего цикла постоянно меняется. В начале первого стихотворения дано четкое обозначение красного как цвета героя и белого как цвета коня. При этом красное и белое одновременно противопоставляются и взаимно дополняют друг друга:

И плащ его был – красен,
И конь его – был – бел.

Далее красный цвет детализируется в образах крови и огня и – как символ героического – подвергается нравственной переоценке. Красным обозначена пасть змея:

На дохлого гада
Белейший конь
Взирает вполоборота.
В пол-ока широкого
Вслед копью

В пасть красную – дико раздув ноздрю –
Раскосостью огнеокой.

Таким образом, поэтическая символика и поэтическая метафора индивидуальны, меняются от времени к времени и от поэта к поэту. Благодаря ей можно постичь глубинный смысл художественного произведения.

Все это позволяет сделать вывод о том, что язык не просто отражает мир человека и его культуру, он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Именно это лежит в основе современного подхода к изучению русского языка и литературы в школе.

© Лучаникова С.Н., Масная О.Н., 2005

Моисеев А.А.
Екатеринбург

«Пушкинский текст» в творчестве Псоя Короленко (на примере стихотворения «Пушкин»)

Русская рок-поэзия, пройдя на данный момент уже достаточно большой путь в своем развитии, сформировала достаточно определенное ядро авторов, в отнесении которых к рок-поэзии у подавляющего большинства исследователей да и рядовых слушателей не возникнет споров. Но существует и периферия, на которой разместились пограничные явления. Пограничные и по отношению к року и к авторской песне и шансону. Здесь, на границе субкультур, расположено творчество Псоя Короленко. Наиболее значимым представляется интертекстуальный подход к анализу его произведений.

Одна из сквозных тем в творчестве Короленко – Пушкин. Творчество Пушкина и вся его жизнь воспринимаются Псоем как единый текст.

Подчеркнем, что «пушкинский текст» в русской рок-поэзии исследовался Ю.В. Доманским [1999], Т.Н. Михайловой [2000], В.А. Михайловой, Н.В. Крыловой [1998], В.Г. Ивлевой [1998], Т.Е. Логачёвой [1998].

Активное обращение рок-поэтов к «пушкинскому тексту», с одной стороны, демонстрирует вписанность рок-поэзии в общий контекст русской литературы – прежде всего литературы XX века. В силу того, что 1970-80-е годы XX столетия в России сопряжены с крушением определённой идеологии, можно предположить, что фигура Пушкина, воплощающая некоторую незыблемую норму, неподвластную переоценке, вновь становится чрезвычайно привлекательной. С другой же стороны, апелляция рок-поэтов к «пушкинскому тексту» нередко связана с желанием

разрушить «миф о Пушкине» – в частности, об этом пишет Ю.В. Доманский [1999]. Вообще, вопрос о функциях диалога рок-поэтов с «пушкинским текстом» – ключевой в известных нам работах.

Рассмотрим реализацию «пушкинского текста» в творчестве Псоя Короленко на примере его стихотворения «Пушкин». В данном тексте Псой использует технику «коллажа цитат» из таких произведений Пушкина как «Вакхическая песня», «Дай, Никита, мне одеться», «Пора, мой друг, пора», пьеса «Русалка», роман «Евгений Онегин», трагедия «Пир во время чумы», а также различных фрагментов воспоминаний о поэте. По мнению Е.А. Козицкой, этот прием связан с выражением откровенно отрицательной оценки явлений [Козицкая 1998], однако функция коллажа цитат в этом произведении иная.

Вся песня Псоя Короленко – текст «На смерть поэта»; во-первых, автор апеллирует к пушкинским произведениям, несущим семантику неблагополучия; во-вторых, Псой Короленко таким образом трансформирует известные пушкинские строки, что на первый план выдвигается мотив смерти; в-третьих, Короленко включает в свой текст некоторые детали, отсылающие к гибели самого поэта.

Существенно, что на интертекстуальном уровне Короленко создает образ «круга друзей» поэта, столь любимый самим Пушкиным. Он поддерживается еще и субъективной организацией стихотворения: лирическое «Я» в стихотворении Псоя включает голоса пушкинских героев, самого Пушкина, знавших его людей и наконец голос самого Псоя Короленко. Таким образом, с помощью отсылок к пушкинским текстам и к жизни поэта Короленко подчеркивает, насколько невозполнима утрата поэта Пушкина для русской культуры и лично для Псоя Короленко.

Литература

1. Доманский Ю.В. Пушкин в рок-поэзии М. Науменко: имя и цитата // «Своё» и «чужое» в художественном тексте. Тверь. 1999. С. 163 – 170.
2. Ивлева В.Г. Пушкин и Достоевский в творческом сознании Б. Гребенщикова // Русская рок-поэзия. Вып. 1. 1998.
3. Козицкая Е.А. Цитата в структуре поэтического текста: Автореферат диссертации канд. фил. наук. Тверь. 1998.
4. Михайлова Т.Н. Пушкинские реминисценции в «петербургском тексте» Ю. Шевчука // Русская рок-поэзия. Вып. 3. 2000.

© Моисеев А.А., 2005

Новикова О.А.
Красноярск

**Средства выразительности как смысловые ориентиры
в пословицах о шутке, смехе (на материале сборника
В.И. Даля "Пословицы русского народа")**

Интерес к пословице в процессе обучения русскому языку не теряет своей актуальности. Это обусловлено мощной силой воздействия на сознание человека проверенного веками людского мнения, выраженного в яркой и лаконичной форме. Однако пословица многозначна, и эффективность работы с ней зависит от того, насколько верно не всегда явно выраженная мысль пословицы будет истолкована.

Владимир Иванович Даль считал, что речь человека – это «дар божий, откровение», что «она проста, пряма и сильна, доколе человек живёт в простоте душевной», что «пословицы и поговорки слагаются только в пору первобытной простоты речи, и, как отрасли, близкие к корню, стоят нашего изучения и памяти» [Пословицы русского народа 1957: 9]. По словам Дмитрия Фалерейского, «в пословицах, как в семенах, собраны силы всех деревьев». Блаженный Иероним считал пословицы не одними простыми правилами, но «закрывающими в себе сокровенный божественный разум, как золото в земле, орех в скорлупе» [Снегирёв 1996: 153].

В.И. Даль называет пословицу "суждением, приговором, учением, высказанным обвиняком и пущенным в оборот" (*голая речь не пословица*). Автор сборника пословиц русского народа предупреждает, что «толковать и объяснять пословицы надо крайне осмотрительно, чтобы не обратить этого дела в свою игрушку». Считая, что в пословице «опасно искать учёным взглядом того, чего бы найти хотелось», он даёт только самое короткое указание там, где полагает, что это «нужно для многих» [Пословицы русского народа 1957: 10-11]. На протяжении всей своей работы В.И. Даль сохранил принцип внимательного отношения к слову, особенно если это касалось пословиц о шутке, смехе, может быть, потому, что чаще всего в шутке заключается двойной смысл. Именно поэтому мы считаем, что для понимания смысла таких пословиц следует обращать внимание на обороты речи и слова, «с первого взгляда не всякому заметные», ставшие и средством создания комического, и ориентиром в понимании смысла пословицы.

Шутке В.И. Даль посвятил четыре страницы своего сборника,

в котором содержится более 30 000 пословиц, поговорок, метких слов, присловий. В разделе, названном "Смех – шутка – веселье", – 16 поговорок и 134 пословицы, семь из которых имеют синонимичные пары, по В.И. Далю, – *разноречия*, обладающие смысловыми оттенками. Два из них – Шутку *шутить* – всех веселить и Шутки *шутит*, а людьми не мутит – даже три синонимичных варианта: Шутку *сшутить*, людей *посмешишь*; Умеючи *пощутить* – людей *повеселить*; *Шутить шутит*, да людей *не мутит* (Шутки *шутить* – людьми *мутить*). Понять эти оттенки смысла помогают разные наклонения синонимичных глаголов и антитеза, созданная употреблением глагола - антонима «мутить».

В пословице, – говорил В.И. Даль, – можно различать одежду *внутреннюю* и *внешнюю*, понимая под первой риторику, а под второй – грамматику и *просодию*, причём, частое непонимание смысла пословиц он объяснял именно незнанием языка, «тех простых, сильных и кратких оборотов речи, которые исподволь утрачиваются и вытесняются из письменного языка...»

Используемые в пословицах о юморе **разговорные слова и выражения** (*соврать, лопнуть, разумеет, нежели, балы – балысы, белетрясы, баламутки; сшутить, умеючи, помер, шпынь, выворотной, подновинский, посмех, посхимился, кунтуш, жупан, не можется, коли, доколе, поди, дурень, забауший – забавный; посильна, со смехами, встарь, ныне, лапу-ту, не изжив, пасмешки, смешлив, слезлив, на лсясах*), **разговорные фразеологизмы** (*дух спёрся, кишечный ряд, надорваться со смеху; красно умереть, животы надорвать, дело делом, шутки в сторону, шутка шуткой, смешки смешками, попасть на зубы, поднять на зубки*), **сравнения** (*он как красное яичко; как солдат по уставу во фрунте; горох не лучше бобов; последний смех лучше первого; веселье лучше богатства; лучше пребывать в дому плача праведных, нежели в дому радости беззаконных*), – как правило, несут основную смысловую нагрузку (ориентир), т. к. заключают в себе намёк, который *бьёт не в бровь, а в глаз*, и замена их лишает пословицу того, что называют солью.

В пословице: «Парень-то ты *забауший*, да будешь ли живущий?» – В.И. Даль даёт пояснение **окказионализму**, созданному под важное в смысловом отношении слово, – *забавный*. Суффикс *ущ-*, присоединяемый в данном случае не к глаголу, а к прилагательному, придаёт ему значение уже не действия, а превеличенности качества: *забавный*, но слишком. В сочетании с

насмешливым *-то* намеренное искажение звучания известного слова концентрирует внимание на себе, предостерегает: как бы не было худа. Характер назидательности снимается уже одним только знаком вопроса, призывающим подумать.

Из 118 пословиц о шутке, веселье 40 построено на **антитезе**, например: *Из дурака и смех плачем прёт; Не дурачься, и так не умён*. В качестве антонимов выступают: **существительные**: *плач – радость, безделье – веселье, шутка – обида, радость – кручина, печаль – радость, смех – плач, смех – грех, смех – горе*; **глаголы**: *посильна – невмочь, пожить – умереть, пошумился – постригся, резвился – взбесился*; **прилагательные** (прилагательные и местоимения, прилагательные и числительные, прилагательные и наречия): *праведные – беззаконные, слезливый – смешливый, чужой – свой, последний – первый*; **наречия**: *встарь – ныне, потешно – на беду*.

Пословицы, смысл которых построен на **сопоставлении**, используют **синонимы**: *не вечна – не бесконечна, весело – красно, веселье – радость, изба – горница, рубль – копейка, сестрица – девица, смешки – п`асмешки, шутить – отшучиваться, резвился – веселился*.

Поскольку понятия "смех", "шутка" имеют множественные оттенки смысла, синонимичные замены, к пословицам о веселье, смехе можно отнести и такие: «Ваши играют, а наши рыдают»; «Ваши скачут, а наши плачут» – раздел «Счастье – удача». Социальное содержание местоимения *ваши* в пословицах подразумевает синонимы: *чужие, несвойские, инородные, богатые* – те, кто никогда не поймёт простого человека-труженика. И если в первой пословице глагол высокого стиля *рыдают* сочетается с местоимением *наши*, имеющим социально низкое значение т.е. *мужики, простой народ*, во второй пословице синонимичного значения местоимение, имеющее социально высокий смысл – *ваши* сочетается с глаголом низкого стиля – *скачут*. И это не является случайностью: издавна в народе бытует ироничное, неуважительное отношение к бездельникам и лодырям. Пословица «Кому веселье, а мне и полвеселья нет» так же, как и предыдущие, построена на антитезе. Она, в отличие от первых двух пословиц, носит более личный характер: в ней нет социальной остроты, но категоричное "нет" говорит о "постоянности" или длительности отсутствия даже *полвеселья* для простого человека.

Скрытая ирония заключена во многих пословицах, разграни-

чивающих понятия ("работа – праздность"). Например, в пословице «Пойду погулять, на белый свет *позевать*» ирония в "неправильном" глаголе: *позевать на что-то* нельзя, можно *позевать, проснувшись, поглазеть, зевая* (метонимический перенос). И в пословице «*Сидит Елеся, ноги свеся*» – тот же приём, только теперь "неправильным" оказывается деепричастие совершенного вида: *свесить – свесив*. А отношение к лентяю уже в имени: не *Елисей*, а "*Елеся*" (ср. *Мотя, Матаня, Мася* и т.д.). Личные имена в большей степени взяты "наудачу", либо для рифмы, созвучия, меры (Иван – болван), либо попали из сказок, рассказов: *Иванушка и Емеля* – дурачки, *Фомка, Сергей* – воры, плуты и т. д. Их В. Даль относит к "внешней одежде пословиц". К внешней стороне он относит и игру слов и созвучия: *кто весел, а кто и нос повесил; и смех и грех*.

К "внутренней одежде" пословиц он относит «образцы всех прикрас рито-рики», все способы «окольного выражения»: метафору, аллгорию, гипер-болу, метонимию, синекдоху, олицетворение, иронию, "противоположность", "извращение", "двусмыслие", условность, "недоговорку", опущение.

Грубовато-презрительное отношение к предмету насмешки кроется, например, в **метафоре** пословицы о ленивом любителе много поестъ: «Ест руками, а работает брюхом»; в **метонимии**: «Сытое брюхо к работе глухо». **Аллегория** пословицы: «Не смейся, вода: сама молода», – помогает понять не только свойства молодости, но и текучесть жизни, способной изменить человека с возрастом. **Синекдоха** является ключевым *окольным* выражением пословиц: «У кого *рубли* плачет, а у меня *копейка* скачет; Не дери *глаз* на чужой *квас*».

Таким образом, полнота понимания пословицы зависит от умения «разгадывать» наставление, скрытое под покровом иносказания. Тем, кто не знает, как приступить к смысловому анализу пословицы, советуем начать с вопроса: «Какое слово (слова) в пословице помогает определить её смысл? Докажите это, ссылаясь на связи этого слова с другими словами в тексте». Интуиция и природное знание языка нашего помогут в такой работе, потому что любое приближение к сокровищам русского слова, русской речи не остаётся без восхищенного отклика души нашей перед сметливым, терпеливым и заливчатским русским мужиком, способным сказать такое: «Благодаря Христа, борода не пуста; хоть три волосинки, да растопырчившись».

Литература:

1. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957
2. Снегирёв И.М. Словарь русских пословиц и поговорок; Русские в своих пословицах. Н.Новгород, 1996

© Новикова О.В., 2005

**Олешков М.Ю.
Нижний Тагил**

Синергетические основы процесса дидактической коммуникации

Язык как синергетическая система обладает устойчивой целенаправленностью, заключающейся в достижении взаимопонимания между людьми. В частности, лингвистическая ситуация в системе «*Старое – Новое поколение*» человечества во многом обусловлена целью развития системы – достижением взаимопонимания между ее компонентами – различными поколениями. Эта цель может подвергаться изменениям в рамках декларированного результата, приходиться в неравновесное состояние вследствие внешнего влияния, внутреннего «движения» [Базылев 1998: 185] её компонентов: старого поколения – в сторону сохранения языковых традиций, нового – по пути совершенствования, изменения языка.

Аналогичные процессы происходят в рамках дидактического взаимодействия на уроке: учитель как носитель "традиций" (имеющегося знания) стремится передать это знание учащимся, фактически выводя из состояния равновесия устойчивую систему имеющихся знаний, изменяя картину мира, которой обладают обучаемые. При этом в результате коммуникативного взаимовлияния концептуальные системы индивидов, составляющие подсистемы сложной организации «*Человек – Человек*» и стремящиеся в процессе своего развития к достижению максимального соответствия одна другой, "синхронизируются" посредством речепорождений концептуальных систем коммуникантов на основе аттракторной организации составляющих компонентов – индивидуальных концептуальных систем.

Фазовые переходы равновесного/неравновесного состояний осуществляются в дидактическом дискурсе посредством речепорождения. В процессе рецепции речевого факта концептуальная система (сознание) адресата, содержательные характеристики мировосприятия которого отличны от концепта сознания продуцента речи, приходит в неравновесное состояние, обусловленное несоответствием содержания, вкладываемого в из-

вестные единицы языка адресантом речи, смыслу, стоящему за подобным сочетанием языковых единиц в концептуальной системе реципиента. Неустойчивое состояние концептуальной системы адресата может быть направлено в ту или иную сторону упорядочения в зависимости от вероятностных флуктуаций, которые обуславливаются как внешнесистемными факторами, например, пояснением сказанного продуцентом речи, так и внутренними, подсистемными – например, эмоциональным состоянием реципиента. При этом концептуальные миры индивидуальных сознаний реципиентов – сложные системы, которые стремятся к порядку при любых посторонних воздействиях, вносят энтропийно значимые изменения (новые смыслы) в собственную структуру – происходит упорядочение.

Когда роли продуцента и реципиента меняются и происходит ответное речепорождение, то последнее отражает старый речевой факт в новом содержательном (смысловом) качестве. Это новое качество приводит, в свою очередь, в неустойчивое состояние концептуальную систему первого продуцента, ставшего в данном случае адресатом речи, и происходит та же ситуация, которая показана выше. В результате коммуникативного взаимодействия возникшие тексты существуют в двух (и более) концептуальных мирах, но форма их одна и та же.

В процессе дидактического взаимодействия этот процесс происходит несколько иначе. Ответное речепорождение адресата (учащегося) – вопрос, реплика, комментарий – не является решающим фактором в приведении концептуальной системы первого продуцента (учителя) в неравновесное состояние и уж тем более не меняет имеющейся у него картины мира, но, в то же время, анализ "обратной связи" заставляет продуцента (учителя) адекватно реагировать на нее (отвечать, уточнять, повторять, комментировать, "раскодировать" и др.).

Литература

1. Базылев В.Н. Синергетика языка: овнешнение в гадательных практиках. – М., 1998. © Олешков М.Ю., 2005

Ольховикова Ю.А.

Нижний Тагил

Репрезентация концепта «WIND» («Ветер»)

в политическом дискурсе ФРГ

(на материале центральных печатных изданий)

Целью исследования, предпринятого в рамках данной публикации, является оценка эффективности метафорического упот-

ребления лексемы «Wind» при моделировании политической ситуации в ФРГ. Материалом для исследования стали тексты ряда центральных печатных изданий ФРГ, а именно: «Berliner Zeitung», «Berliner Morgenpost», «Frankfurter Allgemeine», «Die Welt», «Deutsches Allgemeines Sonntagsblatt», «Freitag», «Die Zeit», «Der Spiegel», «Neues Deutschland» вышедших в период с 1990 по 2005 г. Общее количество случаев употребления концепта «WIND» насчитывает 208 единиц.

Следует заметить, что любое осмысленное высказывание имеет своей целью воздействие на реципиента. Пресса всегда была орудием воздействия на читателя, а следовательно, на «общественное мнение» и политическую ситуацию. В свою очередь концептуальная метафора является универсальным средством подачи информации и способна концептуализировать и категоризировать действительность. «Концепты в сознании человека возникают в результате деятельности, опытного постижения мира» [Попова, Стернин 1999, 14]. Любой концепт «вбирает в себя обобщённое содержание множества форм выражения в естественном языке, а также в тех сферах человеческой жизни, которые предопределены языком и немислимы без него; это результат соединения словарного значения слова с личным и этническим опытом человека» [Маслова 2004; 37].

Анализ текстов газетных статей за последние полтора десятилетия даёт основания считать, что концепт «WIND» со всеми присущими ему свойствами адекватно отражает политическую действительность, сложившуюся в стране после падения Берлинской стены.

1. Традиционный базовый концепт «WIND» используется для обозначения ситуации, способной к изменению.

Ср.: *Frischen Wind will der Kandidat in die Politik bringen. (K. Köstergarten, F, 11.04.05)*

2. Нарастание и ослабление силы ветра говорит о напряжённости и, соответственно, о снижении активности политических процессов. Ср.: *Von Hamburg bis nach Bayern wütet derzeit ein scharfer innenpolitischer Wind. (P.Pau, BM, 12.01.02); Auch weht Persson ein scharfer Wind der Kritik gegen die Euro-Einführung aus den eigenen Reihen ins Gesicht. (L. Dessau, DZ, 18.08.03)*

3. Значительным показателем стабильности ситуации в стране могут служить случаи употребления концепта «WIND» в зависимости от направления. Ср.: *Jetzt dreht der Wind in der öffentlichen Debatte. (M. Sievers, FA, 12.04.05); Wir wissen aus Kiel, wie*

der Wind sich drehen kann. (K.R. Korte, DAS, 17.04.05)

4. В зависимости от проявления тепла ветра меняется и политическая картина. Следует заметить, что в большинстве таких словоупотреблений превалирует концепт «холодный ветер» («kalter Wind»). Ср.: Es weht ein kalter Wind in Deutschland: hohe Arbeitslosigkeit... (J. Hahn, F, 07.03.97)

Противоречия между ведущими партийными организациями затрагивают различные сферы: налогообложение, социальные блага, рабочие места, финансовую систему, расширение ЕС. На основе проведённого исследования можно утверждать, что концепт «WIND» обладает значительным потенциалом при моделировании внутриполитической ситуации в ФРГ, наделяя её такими качествами, как напряжённость и нестабильность, тем не менее, оставляя место для надежды на лучшее будущее.

Литература

1. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Учебное пособие. – Минск: Тетра Системс, 2004. – 255 с.

2. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие "концепт" в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1999. – 174 с.

© Ольховикова Ю.А., 2005

**Петухов С.В.
Екатеринбург**

Семантический перенос

ментальные и психологические основания

Изучение механизмов семантического сдвига (переноса) представляется важным, так как позволяет понять природу таких явлений, как метафора, метонимия, сравнение и т.д.

Под семантическим переносом чаще всего понимается метафора, основанная на концепте сходства, и метонимия, основанная на концепте смежности.

Дж. Лич выводит следующую общую формулу для всех типов семантического переноса: «Фигуральный смысл F может заменить литературный смысл L, если F связано с L таким-то и таким-то образом».

Семантический перенос, т.е. фигуральное использование языка, распространенный феномен в естественных языках, как с точки зрения синхронии, так и с точки зрения диахронии. Противопоставляя литературное значение слова фигуральному, можно говорить о том, что фигуральное использование слова является своего рода вторичным способом категоризации экстралингвистической действительности.

Метафора и метонимия, являясь основными механизмами семантического переноса, отнюдь не являются случайными, а наоборот, формируют когерентные системы таким образом, что мы можем концептуализировать наш опыт. Очевидно, что в процессе концептуализации мы категоризируем экстралингвистическую реальность вокруг и внутри нас.

В работах некоторых лингвистов утверждается, что процесс семантического переноса имеет систематический характер, а не является единичным случаем стилистических приёмов на уровне употребления или речи (*parole*).

Одним из лингвистов, который говорит об этом, является Х. Вайнрих. Он вводит такое понятие как образное поле, и говорит о том, что метафоры не должны восприниматься как изолированные феномены. Напротив, они ассоциируются с образным полем-источником и с образным полем-реципиентом, термины, которые не эквивалентны терминам А.А. Ричардса *оболочка* (*vehicle*) и *основание сравнения* (*ground*). Скорее они обращают особое внимание на то, что метафора основывается на определённых концептуальных и лексических полях, парадигмах, или областях (*domains*). Он также говорит о том, что в западных языках существует определённая полевая корреляция, так как они обладают общей литературной традицией.

В случае с ситуационным подходом к интерпретации метафоры Э. Лайзи замечает, что обычно у нас не бывает единого *tertium comparationis* (основание для сравнения), а что таких оснований множество, потому что «метафора часто содержит целую ситуацию».

Турнье Ж. также говорит, в традициях Р. Якобсона, о том, что фундаментальная разница между метафорой и метонимией заключается в психологической реальности, так как она может быть связана с двумя широко распространёнными видами афатического расстройства. Они, в свою очередь, очень тесно связаны с парадигматическими и синтагматическими отношениями в языке. Таким образом, в случае нарушения отношения подобия страдает способность к селекции и субституции, что эквивалентно парадигматике. В связи с тем, что механизм подобия подавляется, то пациенты-афатики чаще всего обращаются к механизму метонимизации, называя, к примеру, нож вилкой. И, наоборот, у афатиков, страдающих нарушением отношения смежности, при котором страдает способность к комбинированию и контекстной композиции наблюдается подавление отношения

смежности и происходит обращение к механизму метафорических подстановок, называя, к примеру, микроскоп увеличительным стеклом.

Всё вышеизложенное, доказывает то, что метафора и метонимия, являясь фундаментально отличными лексическими процессами, основаны на разных ментальных и психологических процессах.

Ж. Турнье, тем не менее, признает, что в некоторых случаях очень сложно провести границу между метафорой и метонимией. Более того, оба эти процесса очень часто неразрывно связаны между собой как, к примеру, в слове *egghead*. Оно содержит одну метафору (*egg* – вершина лысой головы), и две метонимии (*baldness* – интеллектуал и *egghead-яйцеголовый* – *egg-headed man* – яйцеголовый человек). © Петухов С.В., 2005

**Плаксина Е.Б.
Екатеринбург**

ИмPLICITНОЕ выражение антитезы в газетных заголовках

Обязательной частью газетного текста является заголовок. Функции заголовка могут быть различными: заголовок информирует читателя о содержании газетной публикации, в заголовке может быть выражена оценка события, также заголовок может выступать своего рода «интригой», проецируя не то содержание, которое будет в газетной статье. При этом необходимо подчеркнуть, что несмотря на разные функции, все газетные заголовки преследуют цель привлечь внимание читателя, навязать ему ту позицию, которой придерживается то или иное печатное издание.

В русистике как средство воздействия на адресата активно исследуется политическая метафора [Чудинов 2002; Ряпосова 2002; Чудакова 2005]. В нашем исследовании мы рассматриваем воздействующую функцию заголовка, обращая прежде всего внимание на те заголовки, в которых содержится антитеза. Анализ газетных заголовков показывает, что антитеза в них может быть явной, а может быть скрытой, например:

«Высокая цена низких цен» (Росс. газета 18 мая 2005),

«Чиновники-похитители» (Ведомости 11 марта 2004).

Явная антитеза обычно основывается на использовании языковых антонимов. Но в газетных заголовках преобладает скрытая, имплицитная антитеза, на описании которой мы остановимся.

Скрытая антитеза основывается на противопоставлении яв-

лений в реальной действительности, причем, это противопоставление возникло сравнительно недавно, обусловлено именно российской действительностью, не всегда предсказуемо с точки зрения разума:

«Захлебнулись нефтью» (Росс. вести 22 июня 2005),

«Дружить, так с оружием» (Росс. газета 25 июня 2005),

«Приглашение в тюрьму с доплатой» (Росс. газета 8 июля 2005).

Наличие антитезы в первом из приведенных заголовков мы объясняем такой логической связью. Захлебнуться можно любой жидкостью, но эта жидкость не обладает никакой реальной ценностью в отличие от нефти, которая является «черным золотом». В экономике, СМИ нефть рассматривается как источник благосостояния, благосостояние никогда не бывает избыточным, таким, чтобы им можно было захлебнуться. Следовательно, первое противопоставление в данном заголовке «ценность и ее отсутствие». Это противопоставление поддерживается также присутствием в контексте воды, которой чаще всего и можно захлебнуться. Таким образом, появляется связь «нефть – вода», нефтяные капиталы также бестолково используются, как вода в быту.

Имплицитная антитеза во втором заголовке основывается на языковой антонимии «война – мир», которая эксплицируется лексемами «дружить», «оружие». Достаточно очевидным является и противопоставление в третьем из приведенных заголовков: «жизнь – тюрьма», «свобода – тюрьма». Это противопоставление осознается благодаря словосочетанию «приглашение с доплатой». Приглашение, тем более с доплатой, связано с приятным мероприятием, к числу которых, с точки зрения здравого смысла, тюрьма не принадлежит.

Семантический анализ газетных заголовков со скрытой антитезой позволяет выделить те модели противопоставления, которые положены в основу этих заголовков:

«жизнь – тюрьма» (при этом указание на тюрьму может быть реализовано другими единицами данной идеографической зоны),

«рубль – доллар»,

«лекарство, медицина – зло, опасность»,

«политик – деяние, которое не может связано с лицом подобного статуса».

Таким образом, скрытая антитеза связана с концептами

«жизнь», «экономика», «медицина», «политика».

Модель противопоставления «жизнь – тюрьма» реализуется в следующих заголовках:

«Вся жизнь – тюрьма?» (АиФ №24 2005),

«Театр за решеткой» (АиФ № 27 2005),

«Парю по жизни с гирями на ногах» (АиФ №30 2005).

Противопоставление «свобода – несвобода» является очевидным, оно отражает те отношения, которые уже зафиксированы парадигматическими связями единиц языка. Противопоставление «рубль – доллар» является внеязыковым, возможно, актуальным только для носителей русского языка в определенный промежуток времени:

«Доллар – он почти как рубль» (АиФ №25 2005),

«Рубль приравнивали к доллару» (Росс. газета 29 июля 2005),

«Доллар стоит на коленях» (Знамя июнь 2005).

Заметим, что это заголовки статей, в которых сообщается одна и та же информация о новых правилах перемещения валюты и рублей через российскую границу. Реализация одной и той же модели в разных газетах свидетельствует об однозначной оценке данного явления.

В противопоставление доллара и рубля можно увидеть некоторые аналогии с экономическими отношениями в других странах. Полагаем, что антитеза, основанная на модели «лекарство, медицина – опасность», принадлежит только русской культуре:

«Море лекарств и его подводные камни» (АиФ № 24 2005),

«Врач хоть плачь» (АиФ № 27 2005),

«Россия – плацдарм для новых инфекций» (АиФ №21 2005).

Перечисленные заголовки отражают сложившуюся в России ситуацию с нелегальным производством лекарств, низким уровнем медицинского обслуживания.

Описываемая нами скрытая антитеза в большинстве своем понятна только россиянам, что прежде всего касается модели «политик – деяние, которое не может быть связано с лицом подсобного статуса». Например:

«Березовский собирается в суд» (Ведомости 5 июля 2005),

«... почему у Абрамовича старье?» (АиФ №27 2005),

«Лавров попал в «одиннадцать»» (Росс. газета 29 июля 2005),

«Хорошо, что не приехал Путин» (АиФ №25 2005).

В данных заголовках антитеза предполагает хорошее знание лиц и событий, о которых идет речь. С именем Березовского никто в России не связывает законность, с олигархом Абрамо-

вичем – старье. Принято считать, что визит первого лица государства является поводом для торжества в регионе, тогда как повод для радости указывается отмена визита.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что скрытая антитеза имеет различную природу. Она может рассматриваться как импликация языкового противопоставления, а может отражать то противопоставление, которое существует только у носителей определенной культуры в определенный промежуток времени. Поэтому степень «имплицитности» антитезы может быть различной. В одних случаях имплицитная антитеза очевидна, несмотря на эту имплицитность, в других случаях ее осознание предполагает наличие фоновых знаний.

Литература

1. Ряпосова А.Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999-2000)». Автореф. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

2. Чудакова Н.М. Концептуальная область «неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000 – 2004). Автореф. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

3. Чудинов А.П. Метафорическая модель и методика ее описания // Языковая картина мира и ее метафорическое моделирование. Екатеринбург, 2002. С.113-119. © Плаксина Е.Б., 2005

Прокопьева А.А.
Екатеринбург

Зооморфная метафора в английском языке и особенности ее перевода языка на материале романов В.В. Набокова

В современной лингвистике широкое распространение получила теория концептуальной метафоры, которая основана на понимании метафоры как основного способа познания и категоризации мира. (Дж. Лакофф, М. Джонсон 1980, В.В. Петров 1990, А.П. Чудинов 2001 и др.) В результате когнитивных операций в сознании человека образуются определенные модели, помогающие структурировать действительность. Метафорическая модель в когнитивной лингвистике – это схема связи между сферой-донором и сферой-реципиентом в сознании человека. Особый интерес представляет использование теории метафорического моделирования при анализе художественного текста, что позволяет выделить специфические метафорические модели, характерные для конкретного автора, а, значит, сделать вы-

воды о его картине мира и когнитивном стиле.

Метафоризации чаще всего подвергаются наиболее значимые концепты, представленные в когнитивной картине писателя. Примером такого концепта является «человек». Эта сфера является, как правило, реципиентной.

Одна из доминантных метафорических моделей, обнаруженных при исследовании творчества В. В. Набокова: ЧЕЛОВЕК – ЭТО ЖИВОТНОЕ. Мир животных является сферой-донором, выступает источником концептуализации сферы-магнита. Данная модель представлена следующими фреймами: домашние животные (swine, pig, cat, guinea-pig), морские животные (seal, octopus), птицы (bird, raven), низшие животные (snake, spider), хищники (tiger), породы собак (poodle, bulldog), жилище животных (lair, den), поведение животных (to claw, to bay) и т.д. Ниже приведены примеры некоторых из них.

1. **Породы собак** (poodle, bulldog, cur, etc.)

<p>... Valeria, as she waddled by my side, <u>began to shake her poodle head vigorously without saying a word.</u></p>	<p>...переваливающаяся со мной рядом Валерия начинает энергично и безмолвно трясти своей <u>болоночной головой.</u></p>
<p>I had ceased to be Humbert the Hound, the sad-eyed degenerate cur claspng the boot that would presently kick him away.</p>	<p>Я уже не был Гумберт Густопсовый, грустноглазый дог, охвативший сапог, который сейчас отпихнет его.</p>
<p>...the Colonel, a small bulldog of <u>a man</u>, hung onto the murderer's arm.</p>	<p>...полковник, <u>бульдожьего типа коротыш</u>, продолжал висеть на руке у убийцы.</p>

Большинство моделей этого фрейма аналогичны, поскольку характерные признаки пород одинаково объективизированы в русской и американской культурах, однако представленная в английском варианте «*degenerate cur*» (*дворняжка-дегенерат*) в русском превращается в более благородного «*грустноглазого дога*».

2. **Птицы** (birds, to chirp, to twitter).

<p>I asked her price, and she promptly replied with melodious silvery precision (<u>a bird, a very bird!</u>) "Cent."</p>	<p>Я осведомился о ее цене, и она немедленно ответила с музыкальной серебряной точностью (<u>птица, сущая птица!</u>): "Cent".</p>
<p>...she just <u>chirped on.</u></p>	<p>...она как ни в чем не бывало продолжала <u>щебетать.</u></p>

В данном случае на первый план выходит фонетическое сходство, служащее причиной метафорического переноса, поэтому модели идентичны.

3. Низшие животные: змеи и насекомые (spider, snake).

<i>I am like one of those inflated pale spiders you see in old gardens.</i>	Я похож на одного из тех раздутых пауков жемчужного цвета, каких видишь в старых садах.
<i>...and uncoiling herself from the sofa as she talked...</i>	...пока она говорила, она как бы разворачивала кольца своего тела...

Во втором примере в русском языке появляется уточнение «кольца тела» для того, чтобы обеспечить правильное понимание метафоры, в то время как в английском варианте это значение заключено в глаголе *to coil*.

Литература

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990
2. Набоков В.В. Лолита. М.: Худ. лит., 1991.
3. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале. Екатеринбург, 2001. © Прокопьева А.А., 2005

Родин О.Ф.
Нижний Тагил

Культуроведческое образование средствами иностранного языка

Мысль о необходимости культуроведческого образования средствами иностранного языка (ИЯ) приобрела практически аксиоматичное звучание.

Если рассматривать культуроведение как одну из культурологических наук, то эта область научного знания на контрастивно-сопоставительной основе изучает образ жизни и вариативность стилей жизни стран в культурных сообществах и соотносимых с ними социальных ценностей, норм, традиций и обычаев; социокультурный портрет стран, их народов и языков; историко-культурный фон и особенности исторической этнической/суперэтнической памяти; социокультурные аспекты коммуникативного поведения членов культурного сообщества; социокультурные нормы поведения в условиях межкультурной коммуникации и др.

Однако если говорить о культуроведении как о теоретико-

прикладной области в сфере языковой педагогики, оно приобретает дополнительно целый ряд социально-педагогических и методических функций. Оно изучает общетеоретические основы развития поликультурной языковой личности обучаемого в процессе соизучения языков, культур и цивилизаций; оно сконцентрировано на ценностно-ориентационном содержании культуроведческого образования средствами соизучаемых языков; оно определяет принципы культуроведческого образования средствами соизучаемых языков; оно отбирает культуроведческий материал для учебных целей; обращается к проблемам построения многоуровневой модели культуроведческого образования и самообразования и т.д.

В число задач культуроведческого образования средствами ИЯ обычно включают развитие культуры восприятия современного многоязычного мира; комплексное билингвистическое и поликультурное развитие языковой личности обучаемых; развитие у обучаемых полифункциональной социокультурной компетенции и культуры систематизации и интерпретации фактов культуры; обучение технологиям защиты от культурной ассимиляции, культурной дискриминации и др.

Современное культуроведение не должно быть страноведчески замкнутой системой. Важно четко осознавать, насколько те или иные культуроведческие знания и умения могут реально подготовить обучаемого к межкультурному общению на ИЯ.

Социокультурное / культуроведческое образование средствами соизучаемых языков является необходимым условием для подготовки к межкультурному общению.

Содержание социокультурного компонента обучения ИЯ может быть рассмотрено по таким трем направлениям, как средства коммуникации (социокоммуникации), национальная ментальность и национальное достояние.

Описание задач социокультурного образования может быть осуществлено в терминах социокультурной компетенции, под которой понимаются уровень знаний социокультурного контекста использования ИЯ, а также опыт общения и использования языка в различных социокультурных ситуациях. Социокультурная компетенция может быть достигнута как результат социокультурного образования на занятиях по ИЯ, а также за счет других учебных дисциплин.

Поскольку при изучении ИЯ основным объектом является не страна, а фоновые знания носителей языка, их невербальное

поведение, в обобщенном виде их культура, то правомерным является введение социокультурного компонента обучения ИЯ, на базе которого обучаемые включались бы в диалог культур, знакомились с достижениями национальной культуры в развитии общечеловеческой культуры. © Родин О.Ф., 2005

**Самофеева Е.А.
Екатеринбург**

Образ смерти в поэзии Я. Дягилевой

Образ смерти является одним из центральных в творчестве Янки Дягилевой. В художественном мире ее произведений существует лично-духовная смерть и смерть народная, смерть в социуме. Достаточно точно и полно образ смерти в социуме представлен в стихотворении «Продано» (1989).

В обществе все продажно: жизнь, смерть. Всем правят деньги, все покупается и продается:

*Коммерчески успешно принародно подыхать,
О камни разбивать фотогеничное лицо,
... О, продана смерть моя продана...*

В конце каждой строфы рефреном звучит строка: «О, *продана* смерть моя, продана» – звучит как плач, сожаление, разочарование. Рефрен усиливает общее эмоциональное состояние – трагизма и неприятия окружающей действительности. Ощущение безысходности и категоричности столь страшного и трагичного вывода подчеркивает укороченная форма рефрена в последней строфе: *О, продана смерть моя.*

«Продана» – на конце буква «а» как открытая рана. Недаром в славянской грамоте «а» именуется «Аз». Аз есмь «а»: звук боли, а значит самоопределение, самосознание человека. Таким образом, данная строка звучит как страшное открытие, приговор. Трагичность и жесткость также подчеркивается через аллитерацию (повтор – р).

В третьей строфе автор вводит аллюзию на известное детское стихотворение А. Барто «Идет бычок, качается»:

*Иду я на веревочке, вздыхаю на ходу
Доска моя кончается – сейчас я упаду
Под ноги, под колеса, под тяжелый молоток
Все с молотка*

О, продана смерть моя продана.

Янка Дягилева представляет читателям новое решение известной ироничной ситуации – страшное, трагичное. За наивность, неуклюжесть, за детскую чистоту в этом мире приходится

платить жизнью.

Символичность заключительных слов анализируемой строфы также подчеркивает трагический характер: *под ноги* – унижение; *под колеса* – смерть; *под тяжелый молоток, все с молотка* – аукцион, продажа. Так автор описывает поэтапное разрушение жизни: сначала унижение, потом смерть и в итоге – продажа, торг, обесценивающие всю жизнь. С помощью приема синтаксического параллелизма обозначен неизбежный путь лирического героя, выход – это смерть, продажа.

Смерть – это ведущая и роковая тема в дискурсе русского рок-поэзии. Для большинства рок-авторов жизнь в обществе, в жестоком мире людей-торгачей бессмысленна, обесценена, а значит нередко единственным выходом является смерть, который выбирает не только лирический герой Янки Дягилевой, но и сам автор.

© Самофеева Е.А., 2005

Сенникова Е.Н.
Екатеринбург

Сакральный компонент в народной афористике

Актуальными в последнее время стали исследования, ведущиеся на стыке наук. Одним из таких исследований, проводящимся на стыке лингвистики и культурологии, является изучение сакрального компонента в народной афористике.

В качестве рабочего мы взяли широкое определение сакрального, данное Н.И. Коноваловой: «Сакральный – священный, обрядовый, ритуальный (относящийся не только к религиозному культу), таинственный, магический» [Коновалова 2000: 551]. Исходя из определения, мы поделили сакральное на две части: божественное и дьявольское.

В народной афористике используются следующие компоненты божественной сферы:

1. Религиозные локусы (культовые сооружения, религиозные помещения и т.п.). *Отзвонил – да и с колокольни долой. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Будет твоя душа в раю, помяни и мою.*

2. Предметы культового поклонения. *Нести свой крест. От черта крестом, от свиньи пестом, а от лихого человека ничем.*

3. Устройство и убранство храма. *Дураков и в алтаре бьют.*

4. Православные праздники. *Дорого ячичко к Христову дню.*

5. Религиозные существа. *Бог даст день, даст и пищу. Голый, что святой, беды не боится. Господь с тобой.*

6. Служители культа. *Каков поп, таков и приход. Попа и в роже узнаешь.*

7. Религиозные книги. *Не поглядев в святцы, да и бух в большой колокол.*

8. Храмовые благовония. *Бояться как черт ладана.*

9. Обрядовые действия. *Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет.*

Дьявольская сфера представлена менее обширно. Она включает:

1. Отсутствие благочестия, грехи. *Смерть по арехам страшна. Грех воровать, да нельзя миновать.*

2. Дьявольские локусы (болото, ад и т.п.). *В тихом омуте черти водятся. Было бы болото, а черти найдутся.*

3. Злые, темные силы. *Полюбится сатана пуще ясного сокола. Седина в бороду, а бес в ребро. Не так страшен черт, как его малюют.*

4. Представители низшей демонологии. *Леший меня возьми. Леший знает.*

Функционирование афористических выражений, включающих в свой состав лексические единицы концепта «сакральное», сопровождается двумя процессами:

1) Процессом сакрализации, направленным на формирование религиозной идеологии, на принятие Бога (либо дьявола) как высшего существа, управляющего миром. Этот процесс отражается в пословицах и поговорках, формирующих различные нравственные категории, рисующих величие Бога (дьявола), приносящих утешение человеку и т.п. *Все под богом ходим. Не было печали, так черти накачали.*

2) Процессом десакрализации, при котором сакральный компонент теряет свое значение, переходит в область профанного. Афористические выражения такого типа используются в бытовых ситуациях, либо служат для передачи чувств, эмоций и общей отрицательной оценки. *Черт-те что. Не бог весть как. Не боги горшки обжигают.*

Лингвокультурологическое исследование народной афористики с сакральным компонентом позволяет выявить особенности русской национальной ментальности.

Литература

1. Коновалова Н.И. Демонологическая лексика как фрагмент концепта «сакральное» в русском языковом сознании // Язык. Система. Личность. Е-бург, 2000. С.551. © **Сенникова Е.Н., 2005**

Парадигматические отношения в ЛСГ «чистый-грязный»

Одной из первоначальных задач парадигматического анализа следует считать определение круга слов, подлежащих исследованию, выявление общих и отличительных семантических признаков, служащих основанием для объединения и распределения исследуемых слов по группам.

Сплошная выборка по словарным материалам МАС-2 позволила выявить в русском языке 102 прилагательных, в толковании которых зафиксирован компонент «чистый». Прилагательных, в толкованиях которых отмечена сема «грязный», в указанном словаре было выявлено 155. Поскольку большинство слов имеют не одно, а несколько значений указанной семантики, то количество членов данной ЛСГ достигло 413, среди них 205 значений составили подгруппу «чистый» и 208 – подгруппу «грязный».

Исследование парадигматической структуры ЛСГ «чистый-грязный» было выполнено в два этапа:

1) первоначально были подвержены парадигматическому анализу только те прилагательные, в значениях которых присутствуют указания на физическую чистоту – физическое загрязнение (основные, первичные значения слов-идентификаторов),

2) на втором этапе были проанализированы и объединены в подгруппы слова, в семантической структуре которых присутствуют однотипные вторичные значения слов-идентификаторов.

К ядру данной лексико-семантической группы относятся прилагательные, не имеющие дополнительных семантических признаков. Это прилагательные с наиболее общим значением «чистый-грязный» которые передают значения «физической чистоты – физического загрязнения» в обобщенной форме, без той или иной конкретизации.

Во вторую подгруппу вошли многочисленные отглагольные прилагательные, в словарных толкованиях которых зафиксирована «переходность» одного признака в другой: признак чистоты в них представлен как следствие устранения загрязнения, а признак загрязнения представлен как следствие утраты былой чистоты.

Чистоту как результат или следствие устранения физического загрязнения обозначают прилагательные: *вылизанный*(2), *выметенный*, *выполосканный*, *выстиранный*, *надраенный*, *начи-*

щенный, обдутый, обметенный, обтертый, отмытый, омытый, отстиранный, очищенный(2), расчищенный (2), стираемый, умытый, утертый, стесанный, шлифованный.

Загрязнение как результат преобразования былой чистоты обозначают прилагательные *забрызганный, замазанный, запачканный, заляпанный, забрызганный, облитый* и многие другие.

Группу прилагательных, в семантике которых есть указания на «способ нанесения загрязнения (или способ утраты чистоты)» мы разделили на две подгруппы «покрытый чем-л. загрязняющим» (замасленный, замусоленный, заляпанный и др.) и «заполненный чем-л. (замусоренный, засоренный и др.).

© Сергиенко Н.А., 2005

Сергиенко Н.А.

Сургут

Метафорические значения прилагательных ЛСГ «чистый-грязный»

В современной теории регулярной многозначности (Ю.Д. Апресян, Д.Н. Шмелев, А.П. Чудинов и др.) последовательно разграничиваются общие, частные и специальные модели регулярной многозначности. Общие модели многозначности прилагательных ЛСГ «чистый-грязный» строятся на сочетаемости вторичных значений с существительными различных тематических групп: антропонимов, зоонимов, фитонимов, метазнаков, натурфактов и др.

Развитие антропонимных характеристик отмечается в смысловой структуре прилагательных, указывающих в первичном значении, как правило, на физические признаки объекта. Объяснение подобной закономерности кроется, очевидно, в сопоставлении восприятия характеристик внешнего вида человека, частей его тела и т.д. и восприятия внешних характеристик объектов на основе сходных элементов понятийной структуры прилагательных «чистый-грязный».

С помощью прилагательных лексико-семантической группы «чистый-грязный» описываются и общий внешний облик героя, и его детали (черты лица, глаза, взгляд, кожа, рот, руки, голова и т.д.).

Особое значение имеет образное изображение лица. По данным анализа чаще всего лицо человека описывается при помощи прилагательных изучаемой ЛСГ, имеющих в толковании указания на цвет, цветообразование и т.п.

Вначале проанализируем прилагательные подгруппы «гряз-

ный». Ср.: «Он (лейтенант Никитин – Н.С.) вконец сорвал голос командами, он хрипел надсадно и, поворачиваясь к третьему орудию, встретил черное, потное лицо Меженина, набухшее желваками на скулах...» (Бондарев Ю.). В приведенном примере мы видим человека с грязным и злобным лицом, т.е. наряду с семой «запачканное» присутствуют смысловые оттенки «злое», «коварное».

Интересны случаи сравнения, указывающие на сходство лица человека с маской: «Они... (двое мальчишек-связистов из пехоты) закричали что-то, разглядев не лица, а черные, в пороховой саже маски вместо лиц...» (Бондарев Ю.). «Орудия вперед!» – в изнеможении вставали, поворачивали к Никитину не лица, а черные, наклепленные маски...» (Бондарев Ю.) Кроме значения «загрязнение», контекст эксплицирует семы «нечеловеческая физическая (солдаты перетягивали на себе орудия) и моральная (описывается последний месяц войны) усталость».

Подобное сравнение «обеспечивает» и прилагательное «серый»: «Он видел мелькание серо-грязных бликов возле орудий, угадывал лица расчетов ...» (Бондарев Ю.). Анализируя смысловую нагрузку прилагательного «грязный» отмечается нейтрализация номинативной семы «с грязью, запачканный» Вторичная номинация, выстроенная на фоне слова «серый», обеспечивает восприятие неестественности цвета, безжизненности лиц.

Описание лица при помощи прилагательных подгруппы «чистый», также основано на цветовых и зрительных ассоциациях.

«...все стало прежним в облике Княжко, только лицо не утратило прозрачной бледности» (Бондарев Ю.). Прозрачная бледность даже без текстовой поддержки – белое, бескровное лицо (цветовые характеристики), а в данном случае дополнительно «наслаиваются» семы «бессмысленный риск», «безумное решение идти навстречу смерти».

Для характеристики кожи, щек, как правило, используются вторичные значения прилагательных подгруппы «чистый» с семантическими компонентами «чистая, гладкая поверхность». Ср.: «Сержант Меженин, умытый, выбритый до отшлифованной чистоты скуд, подчеркнуто услужливо поставил котелок на подоконник ...» (Бондарев Ю.). Прилагательное «отшлифованный» характеризует в первичном значении предметы, имеющие твердую поверхность. Ср.: отшлифованный – (от шлифовать) – 1// трением сглаживать какие-л. неровности, делать гладкой, чис-

той, блестящей поверхность чего-л. [МАС-2, т. 4]. Словосочетание «отшлифованные скулы» вызвано ассоциативными признаками «гладкая, чистая поверхность».

Интересно отметить, что современные возможности косметологии и эстетической медицины, позволяющие шлифовать кожу при помощи различных инструментов и средств, способствовали появлению прямого, непереносного значения слова «отшлифованный». В основе его появления и употребления лежит смысловой компонент «гладкая поверхность», «без дефектов, неровностей и т.д.»

Подобное значение усматривается в таком употреблении прилагательного «чистый»: «... он (лейтенант – Н.С.) брился перед зеркалом, чувствуя неторопливое прикосновение бритвы, после которой и без того чистая кожа становилась свежей, гладкой, молодой» (Бондарев Ю.).

Собственно контекст: «Елизавета Киевна глядела близко ему в чистое, без морщин, лицо ...» (Толстой А.Н.) конкретизирует признаки прилагательного чистый «без морщин», «довольно молодое». В данном примере, как и в предыдущих, присутствует семантический компонент «гладкая, ровная поверхность кожи».

Характеризация головы представлена немногочисленными примерами. Ср.: «Ай, Вадимушка, сейчас ты примешь димед-рольчик, завтра проснешься со свежей головой, готовый для дальнейших дискуссий» (Бондарев Ю.). При восприятии понятия «свежей головы» отмечаются семы «после сна», «после хорошего отдыха».

В рубрике «характеризация волос» приведем пример вторичной номинации прилагательного «чистый» в сочетании со словом «седина»: «-Госпожа Герберт, я заметил, что вы молчали и о чем-то думали...– сказал Никитин, стараясь не видеть чистую седину в ее волосах...»(Бондарев Ю.). Подобное вторичное значение образовалось на основе признака «однородность состава». Пояснение семантики словосочетания «чистая седина» кроется, в реализации основной семы «однородная по цвету, составу» и дополнительной – «благородная».

Безусловное первенство среди прилагательных изучаемой группы, сопровождающих лексемы «глаза» и «взгляд», принадлежит прилагательным ЛСГ «чистый-грязный», объединенным семантическим признаком «характеристика состава». Указанная направленность развития значений «характеристика состава (чаще состава гидронимов и воздуха) – характеристика глаз»

основана на однотипности зрительного восприятия: светлые воды – светлый взгляд, ясные потоки – ясные очи, мутное озеро – мутные глаза, нечистый ручей – нечистый взгляд и т.д.

Рассмотрим реализацию указанной модели в значениях прилагательных подгруппы «чистый», среди которых выделяются «ясный, «прозрачный», «светлый», «чистый». Ср.: «Она подняла между тем свои ресницы и глянула на всех своим ясным взглядом» (Гоголь Н.), «...он рядом, избоку увидел край ее ясного, внимательного глаза, веснушки на щеке, край нежной, шелковистой брови...» (Бондарев Ю.), «Особенно хороши были светлые, черные, продолговатые глаза [Павла Петровича].» (Тургенев И.), «Князь был хорош собою, румяный, ... с чистым голубым взглядом». (Герцен).

Трагическая нота фиксируется прилагательным «прозрачный» в следующем примере: «Она (раненая медсестра – Н.С.) смотрела прозрачным долгим взглядом на свой палец, слабо трогая спусковой крючок, слезы текли по ее щекам...» (Бондарев Ю.). Семы «крайняя безысходность» и «трагизм положения», подкрепленные фразой «слезы текли по ее щекам» являются ведущими в значении прилагательного «прозрачный».

Также авторы прибегают к описанию глаз посредством прилагательных подгруппы «грязный», среди которых выделяются мутный, замутненный, задымленный. Ср.: «Он (лейтенант Никитин – Н.С.) видел мутные, тяжелые глаза Меженина и не отдавал никакой команды, соображая, что надо ему делать сейчас...» (Бондарев Ю.), «Меженин сонно сощурился в переносицу Никитину, разом заскучив замутненным взглядом...» (Бондарев Ю.). Пояснение вторичных значений прилагательных «мутный», «замутненный» лежит в переносе признака «с примесью чего-л., непрозрачный», характерного для неоднородного состава гидронимов, на описание антропонима «взгляд».

Указанная направленность развития значений, может возникнуть, хоть и не всегда последовательно, у других прилагательных, имеющих СП «состав». Примером может служить прилагательное «задымленный» с номинативной семой «наполненный дымом» [МАС-2, т.1], при помощи которого достигается выразительность отрицательной характеристики глаз. Ср.: «Меженин перевел задымленные бешенством глаза на Никитина, по обыкновению смежив ресницы,...» (Бондарев Ю.). В данном случае в основе вторичного значения лежит перенос признака «состав» («наполненный дымом»), описывающего воздух, пространство,

на характеристику внешнего вида человека, т.е. модель построена по принципу «конкретность – антропонимность».

Другим примером, подтверждающим систематичность развития вторичных значений по данному направлению, можно считать употребление словосочетания «запепеленный взгляд». Ср.: «Меженин шел за орудием, запепеленный горячечный взгляд полуприкрытых ресницами глаз был опрокинут внутрь.» (Бондарев Ю.). Сочетаемость прилагательных «задымленный», «запепеленный» с лексемами «взгляд», «глаза» представляется, на первый взгляд, несколько неожиданной и совершенно закономерной, учитывая выделенный признак развития вторичности значений «характеристика состава – характеристика глаз».

Выбор эпитетов для обозначения губ довольно ограничен. Выделяется лишь прилагательное «прозрачный», которое в сочетании с указанным антропонимом развивает вторичное значение на основе СП «однородность состава», «цветовая характеристика» по аналогии с вышеописанными антропонимами (прозрачный взгляд, прозрачной бледности лицо и т.д.). Ср.: «Она (Галя – Н.С.) даже стукнула ребром ладони по валику дивана, горячечно прикусив пугающе прозрачные губы...» (Бондарев Ю.). Во всех случаях «антропонимного» употребления прилагательного «прозрачный» отмечаются «лежащие на поверхности», воспринимаемые зрительно признаки – «однородный, беспримесный», «бледный», «бескровный» и фоновые, вызванные эмоциями, переживаниями в крайней точке напряжения, – «безысходность», «рискованный поступок», «ненависть, отвращение», и др.

Вторичные значения прилагательных, входящих в состав ЛСГ «чистый-грязный», имеют тенденцию к сочетаемости с лексемой «руки». В тексте подобная «мануальность» значений носит, как правило, метафоричный характер.

Переход от первичного значения «покрытый грязью/непокрытый грязью» к вторичному обозначает переход от оценки физических качеств объекта к оценке моральной, в результате чего лексема «руки» утрачивает конкретное значение и воспринимается как абстрактное понятие. Так, «чистые, белые, замаранные, грязные руки», в частности, акцентируют оценку поступков, намерений, мыслей и т.д.

Стимулирующим фактором развития значений по данному направлению небезосновательно можно считать восприятие нравственных поступков, как физических, «рукотворных» дейст-

вий. Ср. «– Спятил, Никитин? Да ты знаешь кто? Ты – псих, сумасшедший!.. Белыми руками и в перчатках хочешь воевать?» (Бондарев Ю.), «[Голос:] От посвященного прочь нечистые руки» (Толстой А.Н.).

В настоящей статье представлен анализ общей модели многозначности прилагательных ЛСГ «чистый-грязный», построенный на описании отдельных антропонимов: лица, кожи, глаз и т.д.

В процессе познания действительности человеческое сознание способно переносить сложившиеся понятийные образы объектов одной сферы на объекты совершенно другой, не связанной с исходной, сферы. Примером подобного переноса можно считать развитие антропонимных характеристик во вторичных значениях прилагательных ЛСГ «чистый-грязный». Причина такого, на первый взгляд не обоснованного, случайного переноса кроется, на самом деле, в особенностях системного познания, подчиненного определенным схемам, законам, не всегда поддающимся научному описанию, но все же существующим вне зависимости от наших знаний о них.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
  2. Багичева Н.В. Регулярное варьирование семантики существительных, обозначающих отношения родства. Автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1995.
  3. Бахмутова Н.И. О понятии регулярности в развитии переносных значений слов // Проблемы развития языка. Саратов, 1977.
  4. Регулярная многозначность в глагольной лексике. Под ред. А.П.Чудинова. Екатеринбург, 1999.
  5. Чудинов А.П. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.
  6. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- © Сергиенко Н.А., 2005

Синицына М.В.
Нижний Тагил

Культурологический аспект преподавания иностранного языка как средство и условие адаптации будущих специалистов экономического профиля

С точки зрения социальной адаптации, человек, владеющий иностранным языком, несомненно, находится в более выигрыш-

ном положении, имея доступ к большому объему информации, тем самым являясь более конкурентно способным. Умение и возможность предложить себя на рынке труда, быть востребованным – значит быть адекватным обществу, в котором живешь.

Видами психологической адаптации, как известно, являются профессиональная-деятельностная, экологическая, социально-психологическая. С точки зрения владения иностранным языком как средством общения следует коснуться проблемы взаимодействия не только на уровне межличностного, но и межнационального общения. Современные публикации по этому вопросу поднимают проблему евроцентризма, когда европейский стиль жизни воспринимаются как эталон, а отклонение от «нормы» предлагается подвергнуть аккультурации.

Сравним лишь некоторые аспекты поведения представителей двух культур.

Россия	Поведение	США
норма	женщина расчесывается в фойе театра	невежливо
невежливо	разговаривать с руками в карманах	норма
невежливо	сидеть в широко вытянутыми ногами	норма
знак «все хорошо»	поднятый большой палец руки	вызов такси
грубо	приглашать официанта пальцем	норма
слишком фамильярно	обниматься при прощании	норма
ежедневно	говорить о зарплате	не воспитанно
не приветствуется, но имеет факт	жаловаться (на здоровье, жизнь, соседей)	не принято

Итак, владение иностранным языком и как его формой – знанием некоторых моментов межкультурной коммуникации – должно помочь сегодняшнему студенту, а в будущем работнику или руководителю не только выглядеть профессионально, респектабельно, но и поможет избежать неудач и непонимания в определенных ситуациях общения.

Кроме того, иностранный язык, как и родной выполняет функции общения и познания. С помощью иностранного языка происходит познание того, что познать на родном языке адекватно и своевременно нельзя. Целью лингвокультурологии является доказать на практике и теоретически обосновать тот

факт, что уроки иностранного языка должны помогать справиться с собственным национальным культуроцентризмом и охватывают такие аспекты изучения иностранного языка как:

1. лингвистический,
2. прагматический (как вести себя в конкретной ситуации),
3. эстетический (нормы, принятые в стране изучаемого языка),
4. этический (ценности различных социумов).

Таким образом, мы видим, что преподавание иностранного языка перестает идти по прямому методу обучения и развивается в направлении не только что, но и как и где что-то сказать на иностранном языке. Именно в этом направлении, мы полагаем, следует строить занятия по иностранному языку у студентов экономического вуза. Иностраннный язык по определению предполагает взаимодействие с представителями другой культуры, образа жизни и менталитета. Следовательно, говоря о психолого-социальной адаптации современного экономиста мы должны обучать не только знаковой системе, а образу мысли и поведения зарубежных государств. © Сеницына М.В., 2005

**Сорокина А.Б.
Екатеринбург**

Метафоры со сферой-источником «Музыка» в политическом дискурсе России

Музыкальная метафора не является доминантной в политической коммуникации России. Возможно, это связано с тем, что музыка по сравнению с другими видами искусства (например, театром) обладает относительно меньшей понятийной предметной конкретностью. Но, так или иначе, музыка обладает исключительной силой воздействия, и музыкальная метафора – редкое, но всегда яркое и эмоциональное явление в СМИ.

Метафора со сферой-источником «Музыка» структурирована. Наиболее ярко выделяются следующие фреймы.

1. Фрейм «Музыкальное произведение»

Слот 1.1 Музыкальная форма. Действия политиков сравниваются с музыкальными произведениями: *сюита, соната, мюзикл, реквием, песня, этюд, оперетта, позывные, туш.*

- 2 октября предстоит отложенное голосование в Дрездене, где ожидается приход на участки около 200 тысяч избирателей. Однако этот финальный аккорд вряд ли изменит общее впечатление от сыгранной политической *сюиты*. (О. Щукин)

Слот 1.2 Часть музыкального произведения. Если действия

политиков сравниваются с музыкальным произведением, то, например, у наиболее простого и понятного жанра – песни – есть повторяющийся *рефрен*, а более серьезное и крупное произведение начнется с *увертюры*.

- Почему доклад Счетной палаты об итогах приватизации, который был разрекламирован как «увертюра» к решительным действиям, спрятан под сукно? (В. Костиков)

Слот 1.3 Танец. Данный слот выделяется, так как каждый танец несет жанровые или национальные особенности, особенности исполнения. Например, изысканный парный танец *танго* очень отличается от группового народного *хоровода* или *гопака*.

- Что за хоровод предателей в клоунских масках и колпаках идиота перед нами кружится! (А. Карпенгер)

Слот 1.4 Элементы музыкального произведения и его характеристики. Каждое музыкальное произведение имеет свои особенности, такие как *мотив*, *мелодия*, *тональность*, *нота*, *унисон*, *пассаж*, *лейтмотив*, *ключ* (в данном ключе), *ключевой (ключевой момент, ключевая роль)*.

- И как ни пытаются, например, в СПС включать в политический лексикон государственные *нотки*, *звучат они фальшиво*, а по форме – беспомощно. (А. Колесников)

2. Фрейм «Исполнение музыки» Чтобы музыка звучала, необходима деятельность исполнителя. От него зависит качество музыки, а также цель исполнения.

Слот 2.1 Исполнители: *маэстро*, *оркестр*, *хор*, *певец*

- Так не пора ли определиться, в чем дело? То ли партитура плоха, то ли *фрадковский оркестр еще не сыгрался*, то ли главного дирижера отвлекли от темы? (В. Костиков)

Слот 2.2 Манера исполнения. Политики *поют*, *играют как по нотам*, *играют в две / четыре руки*, могут *играть первую скрипку*, могут о чем-то *трубить* или, наоборот, исполнять что-то *под сурдинку*.

- Через подконтрольные ей СМИ наша власть цинично *трубит* о своих народно-хозяйственных «успехах». (Д.Рогозин)

Фрейм 3 Музыкальные стили и направления. В данном фрейме отражаются культурные тенденции России, в частности, противостояние поп- и рок-музыки. Так, в оппозиционной газете действия правящей партии сравниваются с *попсой*, а демонстрация партии «Родина» – с *рок-концертом*.

- Жанр юридической *попсы* востребован на рынке развлечений как другая сторона Аншлага (А. Синцов)

Музыкальная метафора зачастую подчеркивает неискренность политических субъектов и способствует негативному к ним отношению. Это объясняется тем, что музыка связана с исполнением на сцене – отсюда восприятие политики как некоего шоу. Музыка воздействует прежде всего на эмоции, таким образом политики, уподобляясь музыкантам, преследуют цель воздействовать на народ, внушить свои идеи, «очаровав» музыкой.

© Сорокина А.Б., 2005

**Стрельников А.М.
Нижний Тагил**

Типы оценки в малочастотных метафорических моделях дискурса кампании по выборам президента России

Анализ метафорических оценок дискурса кампании по выборам президента России в 2004 году позволил выделить не только высоко- и среднечастотные метафорические модели реализации оценочности (ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – ЭТО ТЕАТР, СОРЕВНОВАНИЯ, ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ, ВОЙНА) но и малочастотные модели ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – ЭТО АРТЕФАКТ, КОРОНАЦИЯ, МИР ПРИРОДЫ, МИР СКАЗКИ и МИР КРИМИНАЛА). Оценочные метафоры малочастотных моделей зачастую обладают большим эмотивным потенциалом и способны оказать значительное влияние на решение электората. Рассмотрим основные типы оценки малочастотных метафорических моделей на примере модели ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – ЭТО МИР СКАЗКИ.

Функционирование схожей модели СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ было подробно рассмотрено Дж. Лакоффом на материале дискурса войны между США и Ираком [Lakoff G. *Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf*, 2001]. Исследуя метафоры, использованные администрацией США для оправдания военной агрессии, Дж. Лакофф определил основные фреймы модели – Герой, Жертва, Злодей и Злодеяние. Структура рассматриваемой модели в дискурсе российских президентских выборов частично совпадает с предложенной американским когнитологом. Мы выделяем в ней фреймы «Сказочные герои», «Действия сказочных героев» и «Сказочные артефакты».

Метафоры фрейма «Сказочные герои», включающего в себя обязательные слоты «Герой», «Злодей» и опциональный (нерегулярный) слот «Неудачник», имплицитно передают два основных типа оценки – утилитарную и телеологическую, подчер-

кивая абсолютную полезность Героя, вред Злодея и невезение Неудачника. Ср.: *Роль: Добрый (или Красный) молодец, который много лет просидел на думской печи, поэтому считает себя Ильей Муромцем* (О. Вандышева, В. Ворсобин, КП, 22.01.2004); *Видимо, ностальгируя в туманах Альбиона, он придумал сюжет вполне в духе русских народных сказок. С хрестоматийными персонажами – простодушно-хитроватым Иванушкой-дурачком, коварным БАБой-ягой, соловьями-разбойниками украинско-чеченской национальности.* (Ю. Сергеев, КП, 03.03.2004).

Слот «Неудачник» носит опциональный характер, так как появился в российском предвыборном дискурсе благодаря совпадению особенностей ситуации, развернувшейся вокруг кандидата И.П. Рыбкина, и укоренившемся в сознании россиян образе сказочного героя – незадачливого Ивана-дурака.

С помощью метафор фреймов «Действия сказочных героев» и «Сказочные артефакты» журналисты оценивали, как правило, шансы кандидатов на победу и давали им морально-этическую оценку. Ср.: *Где и коротает время в компании злодея, пославшего его на верную погибель. Видимо, рассчитывает еще прыгнуть в какой-либо котел и обернуться добрым молодцем.* (Ю. Сергеев, КП, 03.03.2004).

Необходимо отметить, что описываемая метафорическая модель не отмечалась в американском дискурсе по выборам президента 2004 года. Данную особенность можно объяснить меньшей популярностью и/или структурированностью сферы-источника *сказка* в американском, нежели российском, национальном сознании. Метафоры модели ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – ЭТО МИР СКАЗКИ, несмотря на низкую частотность, выполняли свою основную оценочно-агитационную функцию в исследуемом дискурсе – в упрощенной форме доводили до сознания адресата сложные процессы борьбы за высший государственный пост. Скрытые в метафорах данной модели оценки рейтинга и шансов кандидатов на победу, морально-этическая и другие оценки, действуя на подсознание носителей языка, в значительной степени могли повлиять на формирование определенного электорального решения.

© Стрельников А.М., 2005

**Образ автора в политических мемуарах
постсоветской эпохи**

Создание текста любой жанровой принадлежности предполагает наличие автора. В современной трактовке, чаще всего, автор представляется как «субъект сознания, выражением которого является все литературное произведение» [Корман 1990:4]. Понятие «автор» многозначно и, как отмечают исследователи, это иногда приводит к смешению значений. М.М Бахтин отмечал, что образ автора способен почти сливаться с образом реального человека [Бахтин 1988:189]. В большинстве случаев, образ автора не отражает биографического автора произведения. Но есть жанры, в которых разные значения термина «автор» как бы смешиваются, перестают различаться. Эта особенность во многом характерна для мемуаров. В жанре автобиографии, в большинстве случаев, повествователь является полным аналогом автора». Ярким примером могут служить воспоминания современных политиков, где подразумевается предельное сближение образа автора и реального политика. Жанр автобиографии предполагает свободу отбора автором описываемых биографических фактов и индивидуальную позицию при их освещении. Особенности персонификации в политических мемуарах обуславливает также их ведущая коммуникативная установка – воздействие на читателя, на потенциальный электорат. Мемуарист описывает факты собственной биографии, которые, по его мнению, должны вызывать позитивное отношение читателя.

Автор мемуаров часто является интерпретатором окружающего мира, своей жизни, определенных событий при обязательном учете адресованности его высказываний. «Писательская манера» мемуариста формируется посредством оценки изложенных событий, личностных черт автора, в общем, экстралингвистических проявлений, выражающих особенности его языковой личности. Автор-политик представляет, чаще всего, специфическую языковую личность с индивидуальным набором средств интерпретации и оценки событий и своей роли в них, неповторим и стиль воспоминаний.

Выбор коммуникативных ролей мемуариста определяет вид деятельности, который он выбирает, от этого зависят потенциальные возможности и способности автора. Кроме того, для

коммуникативной деятельности мемуариста характерен определенный набор текстовых компонентов, релевантных для данного жанра. Для политических мемуаров этот набор еще не определен, т.к. сам жанр находится в стадии теоретического осмысления. Но можно предположить, что в его основу должен быть положен биографический факт, жизнеописание в рамках определенного историко-политического контекста, который, в свою очередь, получает авторскую интерпретацию, оценку, эмоциональный отклик и имеет ярко выраженного адресата. Функция политических мемуаров – найти у читателя не только логический, но и часто эмоциональный отклик на описанные события, который может быть выражен категориями модальности, эмотивности, экспрессивности. Степень эмоциональности напрямую зависит от типа характера, темперамента и других личностных характеристик мемуариста. Важна готовность автора к коммуникативной деятельности, речевой опыт, тип эмоциональной реакции, которые помогут достичь поставленной в мемуарах цели.

Литература

1. Корман Б. О. Практикум по изучению художественного произведения. Ижевск, 1977.

2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

© Сурина А.В., 2005

**Тагильцева Ю.Р.
Екатеринбург**

Субъективная модальность как средство перевода факта в суждение

Категория субъективной модальности, с нашей точки зрения, «отвечает» прежде всего за авторскую логику, способствует установлению причинно-следственных отношений между объектами авторского исследования. Поэтому доминирующими средствами манифестации субъективной модальности являются в первую очередь личные местоимения и вводно-модальные (вводные) слова (далее – ВМС) и частицы, не только демонстрирующие сам факт присутствия автора в тексте, но и свидетельствующие об авторских интенциях, его пытливости, его желании «докопаться» до истинных причин и следствий. Все остальные вспомогательные средства (прежде всего модальные глаголы, различные типы тропов, особые синтаксические конструкции (парцелляция, многократные отрицания, модальные фразы, вводные предложения) дают возможность разнообразной «инструментировки» выражения данной категории. Избегая

повторов и однообразия, автор максимально способствует реализации субъективной модальности в тексте.

Еще одна особенность категории модальности связана с тем, что она способствует переводу факта в суждение. «Суждение – смысл предложения, которое может быть оценено как истинное или ложное» [ЛЭС, 190], т.е. то, что высказывается (утверждается или отрицается) о субъекте. Факт сам по себе – абстрактен, и лишь благодаря нашей интерпретации он приобретает отчетливую форму суждения, но само суждение уже весьма субъективно, и на основании одного факта может возникнуть целая гамма разнородных суждений. Поэтому всегда существует проблема установления истинности суждений. Часть суждений в процессе проверки подтверждается, и они переходят в разряд фактов, другие оказываются ложными и отвергаются. Но есть еще один разряд суждений, которые вообще не могут быть подтверждены эмпирически, хотя именно с их помощью оцениваются те или иные факты или события. Как правило, факты оцениваются рационально, т.е. при помощи установления причинно-следственной связи, а события – эмоционально (Факты суждения // «Российская юстиция», № 4-7, 1998). Приведем примеры того, как категория субъективной модальности «обслуживает», оценивает факты, переводя их в суждение.

Уже можно уверенно утверждать, что наличествует существенная обратная связь между уровнем развития региона и его стремлением к суверенитету.

Каждый регион страны стремится к определенной автономности и самостоятельности – факт, известный каждому. Факт переводится в суждение посредством применения модальности уверенности. Модальность уверенности манифестируется при помощи модальной фразы «уже можно уверенно утверждать», что дает автору возможность не только высказывать суждение, но и убедить в его истинности своего собеседника.

У него, наверно, еще с детства в печенках сидел ужас перед силовыми органами: генералитетом и верхушкой КГБ.

Один из приближенных бывшего президента был «свидетелем» проявления слабости своего начальника. В приведенном примере ВМС «наверное» репрезентирует уверенное предположение, которое возникает тогда, когда высказывание характеризуется достаточно большой степенью вероятности реализации пропозиции данного высказывания. Автор использует данное слово, т.к. он не совсем уверен в том, что факт имел место в действительности и не обладает пол-

ной информацией для доказательства суждения

Таким образом, категория субъективной модальности, благодаря своей логической природе, дает возможность говорящему не только оценить какой-либо факт, имевший место в действительности, но и установить истинность или ложность своего суждения, благодаря которому факт обретает определенную форму существования.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Глав. Ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990. – С. 499

© Тагильцева Ю.Р., 2005

**Титова Е.Ю.
Нижний Тагил**

О лингвокультурологии как о научном явлении

В конце XX века появилась новая отрасль гуманитарного знания – межкультурная коммуникация. Российские ученые выделяют в рамках межкультурной коммуникации этнолингвистику, лингвострановедение, лингвокультурологию и другие проявления взаимосвязи языка и культуры. Основной целью данной статьи является краткий анализ явления лингвокультурологии в современном научно-исследовательском пространстве. Категория «лингвокультурология» в современной англистике и германистике рассматривается как языковое явление. Но оно настолько многогранно, что является предметом изучения многие дисциплины нелингвистического характера, а именно: культурологи, литературоведения, философии образования, философской антропологии, мировой художественной культуры, имологии, этнографии и других. Эскалация интереса к лингвокультурологии объясняется рядом процессов, которые происходят в жизни современного российского общества, а значит и образовательного пространства. Среди таких процессов особенно значимыми являются поликультурное развитие, диалог культур и цивилизаций, культурная грамотность, информационная среда. Роль лингвокультурологии в современном образовании трудно переоценить. Она используется на интернациональном уровне и затрагивает большие группы людей. Исторический анализ показывает, что лингвокультурология всегда сопровождала процесс изучения любого иностранного языка, но часто носила спорадический и/или идеологический характер. Сегодня она приобретает системные научные рамки. Обратимся к современной трактовке рассматриваемого явления.

В рамках лингвокультурологии язык рассматривается не только с точки зрения языковых структур, но и с учетом коммуникативных функций, норм, традиций, ценностно-ориентационного мировидения, жизненного стиля народа, моделей его поведения, фоновых различий и других важных позиций. Лингвокультурология акцентирует внимание на отличительных чертах культуры носителей языка и выражения этих черт в самом языке. Содержание понятия «лингвокультурология» строится с опорой на национальное сознание и менталитет народа. Язык при этом рассматривается не как некая однородная данность, но как комплекс из ряда нескольких составляющих. В общемировом масштабе и общенаучном плане категорию лингвокультурологии следует рассматривать в плане взаимодействия и взаимовлияния культур при сохранении самобытности каждой. Такой подход позволяет формировать независимое отношение к различным явлениям иностранной действительности и отойти от штампов и стереотипов в суждениях. Методически обучение на основе лингвокультурного подхода строится с учетом общих и частных принципов обучения. Среди частных следует выделить принцип опоры на родную культуру; принцип коммуникативной направленности. На практике лингвокультурологический подход актуализируется в авторских учебных программах.

Широкое развитие направление лингвокультурология получает на факультете иностранных языков МГУ им. М.В. Ломоносова (С.Г. Тер-Минасова), в Московском научно-исследовательском центре «Еврошкола» (В.В. Сафонова), в Московском Институте повышения квалификации работников образования (Э.И. Соловцова). Лингвокультурологический потенциал настолько велик, что это явление будет исследоваться в дальнейшем и откроет широкие научные перспективы.

© Титова Е.Ю., 2005

Толмачева М.В.
Екатеринбург

Жанр гороскопа как лингвокультурологический феномен

Астрология, находясь на периферии научного знания, зачастую воспринимается как «псевдонаука», поэтому до сих пор феномен гороскопов, составляющих постоянную рубрику развлекательной прессы и журналов, рассчитанных на женскую аудиторию, не был предметом отдельного лингвистического исследования.

Тем не менее, в гороскопе легко обнаруживаются лингвисти-

ческие признаки жанра, придающие данному типу текста целостность и завершенность: устоявшаяся тематика прогнозов; носительная строгость композиционного построения (тематические блоки, двенадцать частей в соответствии с принятым в астрологии делением небесной сферы на созвездия); стилевое единство, создающееся за счет лаконичности, экспрессивности, образности и особого «стиля намеков», позволяющего делать самые различные интерпретации [Maître 1996: 692].

Однако гороскопы, имеющие огромный спрос у населения и предлагающиеся ему как товар – это прежде всего часть современной массовой культуры, «наиболее распространенная на сегодняшний день форма массовой астрологической продукции, находящей своего адресата через специализированные рубрики большой прессы» [Maître 1996:691]. Поэтому данному типу текста как неотъемлемой части культуры общества присущ целый ряд лингвокультурологических характеристик.

1. Гороскопы, являющиеся разновидностью текстов СМИ, можно рассматривать как источник мировоззренческих и языковых стереотипов обыденного сознания. [Мансурова 2002]. Будучи ориентированы на среднего представителя данной культуры, они конструируют его мировидение в соответствии с кругом интересующих его насущных проблем (здоровье, профессиональная сфера, любовные отношения и т.п.).

2. Эстетическая ценность гороскопов во многом заключается в их метафоричности (большом количестве метафор, в том числе и авторских). Метафоризация жизненных явлений в гороскопах предсказуема и соответствует однотипным, схематизированным и упрощенным понятиям о реальности, которые действительно присущи массовому сознанию. Однако в силу специфики астрологической терминологии гороскопы характеризуются и наличием так называемой «зооморфной метафоры» [Чудинов 2001]: *«В первой половине месяца многим рыбам захочется уйти на глубину»* (Домашний очаг, 02.02).

3. Метафоричность гороскопов тесно связана с феноменом интертекстуальности - присутствия в них элементов других текстов – скрытых и откровенных цитат, реминисценций, аллюзий и т.п. (М.М.Бахтин, Р.Барт, В.В.Красных, Ю.Кристева и др.). Ср.: *«Всю рабочую неделю любовная лодка будет если не разбиваться, то ощутимо ударяться о быт»* (Лиза, 13.09.04); *если твой герой Весы – он гонится за двумя зайцами»* (Seventeen, 11.03). Интертекстуальные отсылки (русское поэтическое насле-

дие, паремиологический фонд, греческие легенды и мифы т.п.) активизируют у читателя фоновые знания и обеспечивают частичное восприятие гороскопов как своеобразный диалог с другими текстами, являющимися частью как национальной, так и общемировой культуры.

Таким образом, гороскоп как жанр может представлять лингвокультурологический интерес и служить материалом для выявления национальных стереотипов восприятия тех или иных концептов или явлений, а также их значимости для рядового представителя данной лингвокультуры.

© Толмачева М.В., 2005

Уланова Ю.А.
Самара

Применение мыслительных операций в учебной деятельности как основа формирования языковой компетенции студента-филолога

Рассмотрение проблемы развития мышления с точки зрения психолого-педагогической науки позволяет утверждать, что из связи между уровнем мышления в специальных областях и уровнем мышления вообще вытекает правомерность вопроса о развитии мышления учащихся при усвоении какого-либо предмета.

Каждый предмет вносит в процесс формирования мышления определённый вклад. В связи с этим можно считать правомерным появление в методической литературе термина «предметное мышление». Оно складывается на основе того, что общие теории мышления рассматриваются на материале учебной дисциплины, и структура мышления предстаёт как совокупность различных мыслительных операций, которые необходимо активизировать, чтобы развить предметное мышление как часть мыслительного процесса каждого индивида.

В результате анализа психолого-педагогической литературы было установлено, что в традиционном учебном процессе недостаточно разработаны средства и механизм формирования ряда мыслительных операций, а стихийное конструирование процесса мышления как основы формирования языковой компетенции малоэффективно.

Мы полагаем, что формирование мыслительных операций будет наиболее продуктивным при наличии следующих методических условий:

- формирование мыслительных операций в системе по-

средством активизирующего обучения;

- наличие сильной личностной мотивации при формировании и развитии языковой компетенции;
- построение обучения как учебно-педагогического сотрудничества, где в центре – человек - субъект деятельности;
- использование элементов инновационных систем.

В процессе обучения мыслительные операции могут выступать в одних случаях в качестве цели, в других – средства. Сравнение, анализ, синтез, обобщение и классификацию называют операциями мышления или мыслительными операциями в том случае, когда они специально формируются, а в случае применения их в качестве инструмента для усвоения знаний их называют приёмами мыслительной деятельности.

Формирование любой мыслительной операции проходит несколько стадий:

1. Мыслительная операция осуществляется на практике без осознания процесса применения.

2. Мыслительная операция осуществляется при осознании процесса, но без понимания существа этой операции.

3. Мыслительная операция осуществляется осознанно с использованием правил осуществления мыслительной операции.

Компетентен обучаемый в том случае, если операция не просто сформирована, но и применяется студентом.

Можно рекомендовать следующие способы обучения применению мыслительных операций, которые можно объединить в три группы:

1. Поэтапное формирование, то есть выделение в процессе обучения отдельных взаимосвязанных этапов.

2. Формирование по специальному, как правило, образному предписанию («алгоритму»)

3. Ознакомление студента с мыслительной операцией и попутное усвоение нового учебного материала.

Однако следует обратить внимание на то, что ни один из этих способов в «чистом виде» не реализуется.

Применение мыслительных операций в учебной деятельности требует от преподавателя решения ряда задач. Так следует определить:

- условия, при которых достигается оптимальная эффективность использования операции в учебном процессе;
- значимость применения мыслительной операции для изу-

чения и усвоения научных понятий;

- основные факторы, влияющие на формирование умения проводить ту или иную мыслительную операцию, порядок или систему формирования операции;
- специфику применения её для изучаемого предмета.

Мыслительная операция как основа формирования языковой компетенции – это процесс мышления в целом как комплекс мыслительных операций, включающий в себя две стороны, два уровня, с методической точки зрения – формирование операции и развитие умения проводить операции.

Когда мы говорим о формировании операции (анализа, синтеза, сравнения, обобщения, классификации), то в качестве методического средства необходимо использовать упражнения по всем разделам языка, предлагаемые в учебно-методических комплексах.

Необходимым этапом в формировании компетенции студента является этап применения мыслительной операции не только в стандартных условиях (при выполнении традиционных, типизированных учебных заданий), но и в нестандартных условиях, при включении в учебный процесс инновационных элементов.

Таким образом, применение мыслительных операций в учебной деятельности – основа формирования языковой компетенции студента-филолога, которая понимается как формирование и совершенствование всех видов, форм и операций мышления, выработку умений применять их в познавательной и учебной деятельности, а также умения осуществлять перенос приёмов мыслительной деятельности из одной области знаний в другую.

© Уланова Ю.А., 2005

**Филонова Н.К.
Нижний Тагил**

Место и критерии отбора культурологических неологизмов в практике преподавания иностранного языка

В настоящее время методологической основой языкового образования является понимание языка как части культуры, как орудия межкультурной коммуникации. Обучая языку, необходимо помнить, по крайней мере, о двух особенностях культуры: 1) культуре присуща динамика, т.е. изменения как прогрессивного, так и регрессивного характера и 2) культура общества неоднородна и в рамках любой культуры существует элитарная, массовая, политическая, религиозная, философская и т.д. культура.

Социокультурная динамика особенно заметна в настоящее время в связи с убыстрением темпа жизни, возрастанием контактов между представителями разных культур и увеличением разнообразия жизненных проявлений. Современная жизнь характеризуется постоянным возникновением новых политических и религиозных движений, быстрой сменой моды и тенденций в искусстве, новыми открытиями в науке и технике. Одним из наиболее очевидных проявлений взаимного детерминизма языка и культуры является способность языка находить наименования для всего того нового, что появляется в окружающей действительности. Язык быстро откликается на социокультурные изменения, в результате чего в нем появляется большое число неологизмов, многие из которых не фиксируются словарями, что, с одной стороны, свидетельствует об их абсолютной новизне, а с другой вызывает сомнения относительно их значимости и перспектив долгой жизни в языке. В силу ряда причин преподаватель иностранного языка в определенной мере обязан знакомить студентов с культурологическими неологизмами: прежде всего, через них студенты знакомятся с новейшими культурными реалиями и ценностями страны изучаемого языка, неологизмы демонстрируют словообразовательные возможности языка (многие из них это результат языковой игры, например такие современные английские неологизмы как **arachnerd** – person who spends too much time surfing the net; **ostalgie** – nostalgia for the goods or culture of the former GDR) и многие другие и, наконец, студенты проявляют значительный интерес к таким новообразованиям.

Однако при столкновении с культурологическими неологизмами с особой остротой встает проблема отбора этих единиц с целью введения их в лексикон студентов. По определению, неологизмы удовлетворяют дидактическому принципу новизны в обучении, но многие из них имеют отношение к употреблению наркотиков и алкоголя, грязному сексу, мошенничеству через Интернет и в целом к криминальному миру. Иначе говоря, они называют реалии субкультуры, отражают культурные изменения регрессивного характера, и целенаправленное внедрение их в лексикон студентов вступило бы в противоречие с принципом воспитывающего обучения. При оценке неологизма и решении вопроса о его дидактической ценности преподавателю также следует учитывать его информативную значимость и интересы студентов. Неологизмы, называющие важные и интересные для студентов явления современной культуры страны изучаемого

языка, в первую очередь должны стать предметом обучения. Это неологизмы, связанные с современной общественной жизнью и искусством (в особенности с музыкой – видом искусства, к которому студенты проявляют наибольший интерес), компьютерными технологиями, спортом, например: **alpha-geek** – only person to understand the office computer system; **belligerati** – writers and other members of the intelligentsia advocating war; **decapitation strike** – military attack designed to kill the enemy's leaders or knock out their ability to communicate with their troops; **digital hygienist** – person employed to vet employee e-mails for obscene jokes and complaints about the boss; **emo** – musical genre characterized by guitar-driven sound and melodic, emotional tunes. Такого рода неологизмы могут быть введены на занятиях по практике языка при прохождении соответствующих тем, на семинарах по стилистике, где студенты знакомятся с особенностями различных функциональных стилей, в том числе стилем газетно-журнальным, при изучении курса «Лингвострановедение». Однако наилучшим каналом для ознакомления студентов с культурологическими неологизмами представляется курс по выбору, в рамках которого студенты могут не только усвоить ряд этих единиц, но и рассмотреть их языковые свойства и более детально изучить и оценить культурные явления, называемые ими.

© Филонова Н.К., 2005

**Харлова Н.М.
Шадринск**

Национально-культурная семантика русской фразеологии

В последнее время внимание лингвистов привлечено к лингвокультурологическому аспекту в преподавании русского языка. При изучении фразеологии в курсе современного русского языка этот аспект становится одним из важных.

Значение фразеологизмов как строевых единиц языка состоит из нескольких компонентов: денотативного, сигнификативного, коннотативного, структурного и культурно-исторического, национального. Последний компонент является своеобразным фоновым в значении фразеологизма, отражает национально-специфическое восприятие явлений действительности того или иного языка.

Национально-культурная семантика отражает особенности русского быта, обычаев, природы, истории русского народа и является важным признаком русских фразеологизмов. Этимология таких фразеологизмов позволяет пополнить сведения о рус-

ской грамоте (*от аза до ижицы, азбучная истина, на ять, читать по складам*), о русской денежной системе (*не было ни гроша, да вдруг алтын; за душой ни копейки*), о русской измерительной системе (*от горшка два вершка, коломенская верста, косая сажень в плечах, как аршин проглотил*), об исторических фактах (*Филькина грамота, во всю Ивановскую, коломенская верста, как Мамай прошел*), о некоторых бытовых подробностях (*из куля в рогожку, играть в бирюльки, сума переметная*) и др. Национально маркированные фразеологизмы не имеют межъязыковых фразеологических эквивалентов, так как отражают собственно русскую ментальность, прошлое и настоящее русского народа. Такие реалии не свойственны другим народам, поэтому подобные фразеологизмы довольно сложно перевести на другие языки. Например: *бить баклуши, тертый калач, красный угол, казанская сирота, гол как сокол, погиб как швед под Полтавой, хуже горькой редьки, проще пареной репы*.

С точки зрения некоторых филологов (например, А.А. Реформатского) нельзя говорить о национальной специфике русских фразеологизмов, так как межъязыковые фразеологические эквиваленты есть у всех фразеологизмов. Действительно, русские фразеологизмы могут отражать какие-то явления, свойственные и другим языкам. Но в этом случае национально маркированным является план выражения при наличии близкого плана содержания.

И в этом наша точка зрения совпадает с точкой зрения Н.М. Шанского, Ю.П. Солодуба. Так русский фразеологизм *ездить в Тулу со своим самоваром*- «заниматься каким-то бесполезным делом»- имеет своеобразный национальный план выражения. План содержания этого фразеологизма близок по семантике к фразеологизмам в других языках. («Возить уголь в Нью-Кастл» (англ.). «Возить крокодилов в Египет» (итал.). «Носить воду в Рейн» (нем.). «Доставлять воду в Дунай» (венг.). Образы всех этих фразеологизмов носят своеобразный национальный характер. Однако таких межъязыковых фразеологических эквивалентов немного. В основном национально маркированные фразеологизмы безэквиваленты.

Изучение национально-культурной семантики русской фразеологии имеет важное значение для более полного изучения русского языка и может осуществляться на спецсеминаре «Национальная семантика русской фразеологии».

© Харлова Н.М., 2005

К употреблению концепта «свобода» в дискурсе СМИ

Большое место в русском интеллектуальном пространстве занимает социокультурный концепт «свобода». Исследователями определены ведущие компоненты смыслового содержания концепта, в основе которых лежит обращение к духовным, нравственным, религиозным началам (Н. Бердяев, А. Вежицка, Д. Лихачев, А. Шмелев).

Оценочно-экспрессивным воплощением концепта являются его ассоциативные характеристики: свобода – это счастье, птица, полет, ветер, простор, поле, акула в океане, морская стихия, Статуя Свободы, независимость, свобода действий и др. Очевидно, что в обществе концепт «свобода» имеет доминирующую позитивную окрашенность: *Люди пока еще положительно реагируют на слова «справедливость», «Россия», «свобода»* (Независимая газета. 2005).

Вместе с тем представляется необходимым определить позиции концепта «свобода», актуализируемые дискурсом российских средств массовой информации, так как дискурс СМИ, как известно, способен не только отражать социальную и культурную динамику в обществе, но и участвовать в создании духовных ценностей и приоритетов.

Концепт «свобода» (экономическая, политическая, этическая) функционирует в дискурсе СМИ в следующих сочетаниях: *внутренняя с., долгожданная с., подлинная с., полная с., с. слова, с. совести, с. печати, с. перемещения капитала, с. уравниловки, с. вероисповедания, с. умалчивания, с. выбора, с. личности, с. мошенничать, воровать, грабить, присваивать чужое, с. конкуренции, с. частной собственности, с. предпринимательства, поруганная с. и др.*

В первую очередь обращает на себя внимание антиномичный характер концепта. Ср.: *Права на свободу и личную неприкосновенность, свободу от любых вмешательств в частную жизнь – значимые ценности* (Яковлева Е. // Российская газета. 2004). – *Вот пришла к нам свобода. А посмотрите, сколько бед она принесла* (Гельман А. // АиФ. 2004). *Мы долго боролись за свободу и получили ее... А потом бах-бах-бах ... гора трупов и разрушенный город, как будто плену с глаз содрало. И я подумал: «Ни фигя себе свобода! Это что за демократия, вашу мать?!»* (Полупанов В. // АиФ. 2002). *В России наступила не*

свобода, а какая-то чумовая анархия. (АиФ. 2003).

Негативный и позитивный характер оценки концепта прослеживается также и в семантических полях синонимов: с одной стороны, свобода – это *воля, демократия, независимость, великая ответственность*; с другой стороны, свобода – это *принуждение, насилие, страх, недемократизм, бедность, запрет, зависимость, беззаконие, чумовая анархия, распад государства, оружие террористов, пьяница, калека, бунт* и т.д. Позитивные и негативные концепции свободы соотносятся со свободой внутренней, свободой духовного состояния человека, и внешней, связанной с зависимостью человека от проявления воли другого субъекта.

Вместе с тем частотность примеров с отрицательной оценкой свидетельствует о том, что в современных российских СМИ одной из доминирующих становится мысль об отсутствии или ограничении свободы – прежде всего отсутствии или ограничении свободы слова как *подлинной ценности, основной ценности рыночной демократии, либеральной ценности* и т. д. Ср.: *Со свободой слова в России разобрались весело. Нет ее и не было никогда. И, скорее всего, уже не будет* (Качмазов А. // Версия. 2003).

Предпринятый нами анализ показал: в современных российских средствах массовой информации концепт «свобода» имеет в большей степени негативный оценочный потенциал, что свидетельствует как о повышенном внимании журналистов к проблемам современного общества, так и о несформированности в России института гражданских свобод.

© Чудакова Н.М., 2005

Шинкаренко М.Б.
Екатеринбург

Концептуальная метафора в креолизованных текстах в дискурсе русской рок-поэзии

Визуальная обложка рок-альбома является одной из основополагающих составляющих дискурса русской рок-поэзии. В настоящей работе представлен анализ соотношения визуальной составляющей обложки с вербальным компонентом, которое условно обозначено как креолизованный текст.

Структура альбомной обложки представляется довольно устойчивой: она содержит разнообразный материал, который условно можно разделить на две составляющие: невербальный компонент и вербальный компонент. Употребление термина

«невербальный», а не «визуальный», обуславливается тем, что весь комплекс элементов, составляющих обложку, по сути своей визуален, и визуальная сторона слова в структуре обложки также играет ведущую роль, примером чего служат логотипы (например, групп «Аквариум», «Алиса» и др.).

В современной лингвистике существует целый ряд подходов к вопросу об отношениях между компонентами креолизованных текстов [Пойманова 1997; Анисимова 2003]. В ходе исследования была разработана следующая классификация отношений вербального (далее – В) и невербального (далее – НВ) компонентов в креолизованных текстах дискурса русской рок-поэзии: 1) *комплементарная корреляция* – содержание НВ и В компонентов частично перекрывают друг друга; 2) *интерпретативная корреляция* – между содержанием В и НВ компонентов связь устанавливается на ассоциативной основе; 3) *аддитивная корреляция* – НВ компонент привносит значительную дополнительную информацию; 4) *выделительная корреляция* – НВ компонент подчеркивает какой-то аспект В; 5) *изобразительно-центрическая корреляция* – НВ компонент играет ведущую роль, В – лишь поясняет и конкретизирует его.

В ходе дальнейшего анализа были выделены группы НВ компонентов по сферам-источникам метафорической экспансии: милитарная, домашняя, зооморфная, абиотическая, техническая, театральная, метафора пути, метафора детства. Наиболее продуктивными и частотными являются НВ компоненты абиотической (28) и домашней (27) метафорических моделей, что обусловлено их традиционностью для поэтической речи и глубокой символической наполненностью. Второе место по степени частотности и продуктивности занимают милитарная (13), театральная (15) метафорические модели и метафора пути (13), что также обусловлено их структурированностью и визуальной оформленностью в русской культуре. Как наименее частотные были отмечены зооморфная (11) и техническая (7) метафорические модели.

Приведем пример анализа разворачивания концептуальной метафоры в креолизованных текстах дискурса русской рок-поэзии. Наиболее частотными в рамках абиотической метафорической модели являются образы голубого *неба* и *солнца*.

Метафорические образы *голубого неба* традиционно символизируют счастье, мечты, гармонию, это обитель богов, обитель истины. Так, на обложке альбома Павла Кашина «Утопия» на

фоне голубого неба изображен круг – как символ законченности и гармонии, что актуализирует указанные выше прагматические смыслы. В и НВ компонент в данном примере вступают в отношения выделительной корреляции, так как НВ в В компоненте актуализирует сему 'мечта' и стирает сему 'несбыточная'.

Нередко в рамках одного примера отмечается взаимодействие ряда метафорических моделей. Так, например, альбом группы «Високосный год» «Который возвращается» совмещает на внешнем уровне две метафорические модели. НВ компонент можно описать следующим образом: на чистом голубом небе виден след летящего самолета. В рамках данного креолизованного текста взаимодействуют две метафорические модели – метафора пути и абиотическая. Первая раскрывается как в В (*возвращается*), так и в НВ компоненте (*след летящего самолета*). Абиотическая метафора чистого неба в НВ компоненте вступает в аддитивную корреляцию с В компонентом и привносит значительную дополнительную информацию – об успешном, благополучном возвращении.

В рамках метафоры *солнца* наиболее частотным и семантически наполненным является образ *солнцеворота*. Символический Полюс Солнцеворота в мировой традиции соотносится с особой и самой загадочной стихией – Эфиром, «квинтэссенцией», когда миссия четырех стихий (воды, огня, земли, неба) исполнена, их вращение останавливается и создается иллюзия некоего «всесмешения». Но необходимо отметить, что в современном обществе данный символ тесно связан с понятием фашизма (свастики), но рок-авторы настаивают на его исконном значении и при необходимости дают комментарий. Так, наиболее известным примером использования данной метафоры является обложка альбома группы «Алиса» «Солнцеворот»: на черном фоне представлен логотип группы, название альбома, все буквы «о» заменены на символ солнцеворота, а также на левой половине обложки представлена половина солнцеворота. В данном примере отмечаем изобразительно-центрическую корреляцию, так как НВ компонент играет ведущую роль, а В – лишь поясняет и конкретизирует его, снимает негативные ассоциации, сложившиеся в современном обществе.

Итак, одной из важнейших форм существования концептуальной метафоры на внешнем уровне дискурса русской рок-поэзии является НВ (иконический) компонент креолизованного текста. Обложка альбома является знаком, «лицом», представ-

ляющим рок-культуру, дающим толчок для дальнейшего ее восприятия и интерпретации. Основная функция креолизованного текста в дискурсе русской рок-поэзии – привлечь внимание и сформировать первичный образ, символ. Ограниченность НВ ряда объясняется следующими причинами: 1. традиционность формы; 2. установка на массового реципиента, что обуславливает высокую степень символичности используемых метафорических образов для русского сознания. Высокая частотность абиотической метафорической модели свидетельствует об особой значимости сферы-источника метафорической экспансии для современной культуры и созданных на ее основе метафорических образов и смыслов. © Шинкаренкова М.Б., 2005

**Шкабара И.Е.
Нижний Тагил**

Роль межкультурного подхода в становлении современной языковой образовательной парадигмы

Сложность и разнообразие современного мира, глобальные тенденции общественного развития различных стран повысили социальную значимость образования, связав с ним судьбы человечества. К тенденциям, порождающим эти проблемы, относят рост глобальных проблем, которые могут быть решены в результате сотрудничества в рамках международного сообщества; переход к постиндустриальному, информационному обществу, в условиях которого существенно расширяются масштабы межкультурного взаимодействия и в связи с этим особую важность приобретает фактор коммуникативности и толерантности.

В рамках этих тенденций и проблем, ими порождаемых, внимание общественности привлекает вопрос обучения иностранным языкам, решение которого, как видно из сказанного выше, имеет большое значение в современной жизни, так как иностранный язык общепризнанно является не только средством коммуникации, но и одной из основ мирового диалога, нацеленного на взаимопонимание и обмен смыслами представителей разных культур. Кроме того, и это также немаловажно, среди обязательных современных требований кадровой инфраструктуры наряду с навыками пользования компьютером и сетью Интернет, называется требование владения разговорным и техническим иностранным языком, что в своей совокупности позволяет оценить роль языкового образования как одного из приоритетных направлений модернизации образования.

Стратегический уровень образовательной политики вопло-

щается, как известно, в современной парадигме образования. Представляя собой обусловленную социальным контекстом мировоззренческую категорию, определяющую содержание, характер и направленность исследовательской или практической деятельности, современная парадигма образования развивается на основе гуманистического, лично и социально ориентированных подходов [Загвязинский 2005: 5], которые раскрывают основополагающий замысел парадигмы, идею указывающую на способ построения той или иной образовательной системы или направление научно-исследовательской деятельности.

Рассматриваемая с этой точки зрения современная языковая образовательная парадигма базируется среди вышеназванных на межкультурном подходе, который провозглашает в качестве своего ведущего принципа — принцип многоязычия и поликультурности, и, по признанию многих методистов и дидактов, является одним из основных средств достижения цели творческого развития социально активной и самостоятельной личности, а в глобальном масштабе - превращения многообразия языков и культур в средство взаимного понимания и обогащения.

Развиваясь в русле процессов гуманизации сознания и практики, межкультурный подход, актуален для всего современного мира и грядущего постиндустриального общества. Языковая образовательная парадигма, базирующаяся на межкультурном подходе предполагает видеть школу инструментом и условием развития социально-активной и самостоятельной личности, для которой образование вообще и языковое в частности занимает высокое место в иерархии личностных ценностей. При этом лично ориентированная ценность языкового образования должна быть обусловлена:

- степенью осознания учащимися важности любого неродного языка как средства общения в современном мультилингвальном и поликультурном мире;

- четким представлением о тех требованиях, которые предъявляются к уровню его языковой подготовки на каждом образовательном этапе, и технологиях, позволяющих определить этот уровень;

- личностной потребностью в изучении современных неродных языков и в их практическом использовании [Гальскова, Гез 2004: 9].

В рамках межкультурного подхода к языковому образованию возможно решать такие задачи как:

- развитие культуры восприятия современного многоязычного мира;
- комплексное билингвистическое и поликультурное развитие языковой личности обучаемых;
- развитие чувства принадлежности к родному народу и одновременно осознания себя гражданином страны и субъектом поликультурной и мультилингвальной мировой цивилизации;
- развитие социокультурной компетенции;
- а также развитие основ описания родной культуры в терминах, понятных для членов международных сообществ.

Межкультурный подход тем самым способствует становлению новой языковой образовательной парадигмы, понимаемой как определенный стандарт, образец в решении образовательных и исследовательских задач в области методики преподавания иностранных языков, как средство осмысления и решения проблем межкультурной коммуникации на базе школы.

К основным составляющим или фундаментальным положениям образовательной языковой парадигмы можно отнести:

- сущность и назначение языкового образования,
- отношения субъектов образовательного процесса,
- функции языкового образования (гуманитарная, культуросоциальная, функция социализации),
- содержание языкового образования (аксиологический, деятельностно-творческий личностный аспекты),
- педагогические технологии преподавания иностранных языков.

Развитие новой языковой парадигмы ставит перед профессионалами содержательной области «Иностранный язык» множество вопросов, среди которых можно назвать требования к уровню иноязычной социокультурной компетенции учащихся, к отбору языкового и культурологического материала для учебных целей, его методического структурирования для различных образовательных контекстов и разработки технологий лингвокультурологического образования средствами иностранного языка. Это в свою очередь требует вооружения учителя соответствующими рекомендациями по организации процесса обучения, или другими словами наличия в его арсенале наиболее эффективных современных технологий обучения. При этом, акцент на индивидуализацию учебного процесса, лежащий в основе каждой из этих технологий, может стать, по нашему мнению, тем средством, которое даст возможность наиболее гармонично осуще-

ствлять управление развитием мотивации учения, или, другими словами, развивать познавательные мотивы, которые, став доминирующими, и будут определять учебную деятельность, формировать положительное отношение к ней. Последнее требование подразумевает четкое осознание того, насколько те или иные лингвокультурологические знания и умения, которыми овладевает обучаемый при изучении иностранного языка смогут реально способствовать обогащению его социокультурного мировидения, и тем самым, развитию и саморазвитию его личности, что в конечном итоге является основной целью современного образования.

Литература

1. Загвязинский В.И. Образовательная стратегия и образовательная политика // Образование и наука. Известия уральского отделения российской академии образования. – 2005. - № 2(32).

2. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: Учеб пособие для студ. Лингв. Ун-тов и фак. ин.яз. высш. пед. Учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004.

© Шкабара И.Е., 2005

Шустрова Е.В.
Екатеринбург

Контрасты метафорического моделирования в афро-американской литературе 1940 – 1960 гг.

Объектом исследования является метафорическое моделирование в произведениях афро-американских писателей. В частности была сделана попытка проследить способы конкретной языковой реализации и выявить функциональную роль каждого из тропов качества в художественной картине мира афро-американских писателей, чье творчество традиционно относится к течению реализма, натурализма и модернизма американской литературы 1940–1960 гг.

Сравнительный анализ афро-американской литературы позволяет говорить о появлении в середине 20 в. иной формы стилистической организации афро-американского художественного текста. Если раньше у каждого афро-американского писателя существовал свой инвентарь наиболее частотных образов, избираемых для проведения различных аналогий, и эти образы в большей мере напоминали европейские образцы, то в 1940–1960 гг. в афро-американской прозе начинает четко вырисовываться набор образов, которые едины для всех писателей, ис-

пользуются ими в равной мере. Эти образы могут получать несколько разное смысловое наполнение, ассоциироваться с разными денотатами, реализовываться с помощью отличных языковых средств, но сама система остается единой.

Всю систему концептов афро-американской прозы 20 в. можно разделить на три концептосферы: Бог, Природа, Человек, каждая из которых имеет ряд своих составляющих.

Напротив, в афро-американской поэзии и драме этого периода образы теряют выразительность, метафорические модели выражены с помощью стершихся языковых средств. Основной упор делается на небольшое число концептов, наиболее тесно связанных с понятием исторической родины и отвечавших требованиям политического момента.

Исследование базируется на данных выборки из произведений следующих авторов: Р. Райта, Р. Эллисона, Дж. Болдуина, Л. Хансберри, Г. Брукс, Р. Хейдена, М. Толсона.

© Шустрова Е.В, 2005

**Юденко Ю.Р.
Красноярск**

Частотность орфографических и пунктуационных ошибок в зависимости от вида орфограмм и пунктограмм в письменных работах студентов 1-го курса

При современной системе подготовки учителя на младших курсах акцент делается на изучение не узкоспециальных предметов, а курсов гуманитарного цикла.

Так, в последние годы на 1 курсе факультета начальных классов увеличено количество учебных часов на курс «Практикум по русскому языку», в задачи которого входят повторение, систематизация и углубленное изучение правил орфографии и пунктуации русского языка.

Несмотря на то, что традиционным считается «положение, согласно которому грамотное в орфографическом отношении письмо должно складываться у учащихся уже к 8-му классу» [Разумовская 1994: 28], а повторением орфографии и пунктуации школьники занимаются на уроках русского языка в старших классах, процесс формирования грамотности даже у поступивших в вуз нельзя признать завершенным. Таким образом, «Практикум по русскому языку» позволяет восполнить некоторые пробелы в знаниях правил, скорректировать и закрепить существующие навыки, обратить внимание на частные и труд-

ные случаи русской орфографии и пунктуации.

Актуальным для практики обучения в рамках данного курса является построение такой системы работы, при которой учитывается частотность орфографических и пунктуационных ошибок в их соотношении с видами орфограмм и пунктограмм, так как именно «ошибки представляют тот фактический, объективный, поддающийся точной количественной обработке материал, который несет информацию о закономерностях в усвоении отдельных правил и орфограмм, об их сравнительной трудности ..., а следовательно, о причинах ошибок» [Ушаков 1965: 41].

Во время практикума студентами 1-го курса пишется ряд диагностических, обучающих и контрольных диктантов. Наиболее интересными с точки зрения анализа ошибок являются диагностические и контрольные диктанты, так как дидактический материал, подбираемый для их проведения, включает в себя широкий спектр орфограмм и пунктограмм и может отличаться повышенной трудностью. Проанализировав 344 студенческих диктанта, написанных как по текстам русских классиков, так и по специально подготовленным текстам, и классифицировав более 2000 ошибок, нами сделаны некоторые выводы. Частотность пунктуационных ошибок в работах почти в 2 раза выше, чем орфографических: 64,7 % против 35,3 %

Распределение ошибок в орфограммах по месту их нахождения в слове

тип орфограммы	кол-во ошибок
Безударные гласные в корне	23,2
Согласные в корне	0,8
Гласные и согласные в приставках	0,6
Гласные после шипящих и <i>ц</i>	0,4
Гласные в суффиксах существительных, прилагательных, глаголов и причастий	20
Согласные (кроме <i>н</i>) в суффиксах существительных и прилагательных	0,2
Гласные <i>е</i> и <i>и</i> в окончаниях слов	0,8
Одна и две буквы <i>н</i> в суффиксах	26,3
Буквы <i>ъ</i> и <i>ь</i>	-
Употребление больших букв	1,7
Различение на письме приставок и частиц <i>не</i> и <i>ни</i> в местоимениях и наречиях	1,1
Слитное и раздельное написание <i>не</i> и <i>ни</i> со словами	12,9

Дефис между частями самостоятельных слов и между словами	0,9
Слитное и раздельное написание омонимичных слов	3,6
Непроверяемые орфограммы в словах	7,5
Перенос слов	-
Соединительные гласные в сложных словах	-

**Распределение пунктуационных ошибок
по типу пунктуационного правила**

тип орфограммы	кол-во ошибок
Запятые между однородными членами	10,5
Тире в простом предложении	1,5
Знаки препинания между простыми предложениями в сложном предложении	2,7
Знаки препинания между частями предложения с прямой речью	3,1
Знаки препинания при обобщающих словах при однородных членах	12,5
Знаки препинания при обращении	1,5
Знаки препинания при вводных словах и конструкциях	6,3
Знаки препинания при обособленных второстепенных членах предложения	19,2
Выделение запятыми обособленных обстоятельств	5,3
Знаки препинания при междометиях	-
Выделение чужой речи	1,5
«Лишняя» запятая	35,9

Данные таблиц показывают, что наиболее частотными являются ошибки, связанные с написанием орфограмм и пунктограмм следующих типов: «Безударные гласные в корне», «Гласные в суффиксах существительных, прилагательных, глаголов и причастий», «Одна и две буквы *н* в суффиксах», «Слитное и раздельное написание *не* и *ни* со словами», «Знаки препинания при обобщающих словах при однородных членах», «Знаки препинания при обособленных второстепенных членах предложения», «Лишняя» запятая».

Резюмируя сказанное, можно отметить, что за большинством из обозначенных орфограмм и пунктограмм в методике преподавания русского языка прочно утвердилось мнение о «традиционной трудности».

В доказательство авторы исследований, как правило, приводят высказывания ученых и практикующих учителей о сложности усвоения интересующей их орфограммы, представляют результаты констатирующих экспериментов, свидетельствующих о невысоком уровне усвоения орфографической темы учащимися при существующих приемах обучения. Однако в силу того, что обычно такого рода исследования посвящены усвоению определенных правил русского языка без сравнения того, каков уровень усвоения правописания других орфограмм данной группой учеников, подчинены решению частнометодических вопросов, а также из-за возрастной ограниченности исследуемой аудитории, не всегда возможно установить реальную трудность изучения определенной темы в сравнении со всеми правилами русской орфографии и пунктуации.

На сегодняшний день методика преподавания русского языка не обладает сколь либо оформленной классификацией орфограмм и пунктограмм, которая бы демонстрировала степень трудности усвоения последних. (Несомненно, что не имеются в виду вещи заведомо очевидные: правописание букв *и*, *у*, а после шипящих несравнимо по трудности усвоения, например, с правописанием одной и двух букв *н* в суффиксах причастий и отглагольных прилагательных.) В то же время такая систематизация орфографических и пунктуационных правил по степени сложности могла бы положительно сказаться на организации материалов их изучения, что особенно важно на этапе повторения общего курса орфографии и пунктуации. © Юденко Ю.Р., 2005

**Кропотухина П.В.
Екатеринбург**

«Царство растений» как сфера-источник метафорической экспансии

Информация, получаемая человеком в процессе познавательной деятельности, фиксируется в языковых формах. Поэтому именно языковые явления являются предметом рассмотрения в когнитивной лингвистике.

Одним из методов когнитивной лингвистики является метод метафорического анализа, предложенный Дж. Лакоффом и М. Джонсоном.

Сторонниками данного метода постулируется, что метафора – это фундаментальная когнитивная операция, которая обеспечивает перенос образных схем из одной концептуальной сферы

в другую.

Новое знание, приобретенное человеком в результате непосредственного опыта, опирается на уже имеющийся у него опыт. В ходе этого процесса новые знания метафорически упорядочиваются, и, следовательно, упорядочивается язык.

В основе языковой концептуализации мира лежат различные типы структур представления знаний – схемы, фреймы, скрипты и т.д. Эти когнитивные модели рассматриваются в когнитивной лингвистике как основной механизм обработки и хранения информации в сознании человека.

С точки зрения теории метафорического моделирования метафорическая модель позволяет образно представить ту или иную сферу при помощи лексики, изначально относящейся к другой сфере. Так источником метафорической экспансии в российских СМИ становится традиционная для русской культуры сфера «Царство растений».

В качестве примера рассмотрим метафорическую модель «Страны ближнего зарубежья – это царство растений».

В начале 2005г. по периметру российских границ прошла серия так называемых «цветных революций». В результате процессов метафоризации сфера «Политика» попадает в зону когнитивной экспансии исходной понятийной области «Царство растений». Фреймовая структура данной модели в общем повторяет организацию сферы-источника.

1. Фрейм «Виды растений»

И зачастую «апельсиновая» революция переходит в сексуальную. Говорят, что в палаточном городке для того, чтобы завести с девушкой роман, достаточно предложить ей оранжевый цветок, пару теплых носков, кружку горячего бульона (В. Сварцевич).

К тому же не секрет, что одним из серых кардиналов «революции роз» был сбежавший из России и окопавшийся в Тбилиси Б. Патаркацишвили (Т. Нетреба).

«Тюльпановая» революция в тихом Кыргызстане удивила сторонних наблюдателей своей скоротечностью и жестокостью (А. Угланов).

2. Фрейм «Части растений»

*Когда идет война – Объявляется мобилизационная экономика. Вы все догадываетесь, где **корни** зла (Н. Харитонов).*

Еще недавно правительство Ю. Тимошенко обвиняло бензиновых трейдеров в корпоративном сговоре. Радикальные

политики говорили о стремлении соседей с востока зажать топливной петлей **оранжевые ростки демократии** (С. Прокочук).

3. Фрейм «Жизненный цикл растений»

Иммунитет действует пару поколений, а потом **вырастает новая поросль**, которой всегда хочется большего (М. Колеров – глава управления для борьбы с «бархатным вирусом»).

4. Фрейм «Уход за растениями и их использование человеком»

Так или иначе, но вслед за Молдавией, Белоруссией и даже Казахстаном все чаще и Россия упоминается в числе тех стран, где могут заплодоносить **привитые** на Украине **апельсиновые деревья** или **ощетиниться шипами грузинские розы**. Правда, если кое-кому и захочется **взрастить** на нашей почве некий революционный **гибрид**, стоит иметь в виду, что он окажется позабористее, чем всякие там нежные **плоды и растения** (Т. Нетреба).

5. Фрейм «Места произрастания растений»

Новый виток клеветнической кампании после 24 марта попал на **унавоженную почву** (А. Акаев).

Итак, обсуждение событий в ближнем зарубежье в «растительных» терминах метафорически упорядочивает (структурирует) наши представления о происходящем. Например, метафора «тюльпановая революция» появилась, вероятно, по аналогии с «апельсиновой революцией» и «революцией роз»; соответственно, лидеры стран ближнего зарубежья – это «апельсиновая леди», «розовый революционер».

С другой стороны, перенос содержания фреймов исходной понятийной области в соответствующие фреймы сферы притяжения часто разрушает некоторые фрагменты действительности в обыденном сознании носителя языка. Например, выборы президента Украины – это *(апельсиновая, оранжевая) революция*, начало демократических процессов – это *оранжевые ростки и т. д.*

Для обозначения напряженной политической ситуации как в самой Грузии, так и между Грузией и Россией используются метафорические словоупотребления «*революция роз*», «*розовый революционер*». Многими российскими журналистами подчеркивается стихийный характер «цветных революций», происходящих по принципу цепной реакции. Метафоры «*оранжевая*» *чума*,

«цветной» вирус, революционный гибрид «нагружены» негативными эмоциональными смыслами тревожности и опасности.

Новая общественно-политическая лексика оказывает значительное влияние на формирование общественного мнения. По мнению СМИ ситуация в России тревожная и даже взрывоопасная, а страны СНГ находятся в мучительном процессе поиска собственного пути развития.

Необходимо отметить различие прагматических смыслов метафорических концептов *«апельсин»*, *«роза»* и *«тюльпан»* с точки зрения их способности «прижиться» на том или ином политическом поле. Метафорические концепты *«роза»* и *«тюльпан»*, обозначающие растения, традиционно произрастающие в Грузии и Кыргызстане, подчеркивают стремление этих государств к сохранению своей индивидуальности, неприятие чужеродного. В то время как *«апельсиновые деревья»*, довольно экзотические для Украины растения, акцентируют идею чуждости, недоверия новым политическим веяниям, отход от традиций.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студентов высш. учебных заведений. М., 2001.
4. Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов. М., 1996.
5. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екатеринбург, 2001.

© Кропотухина П.В.